

Н. С. ЛЕСКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Немайд. пр., № 29.

НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ. ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тополь да березка.

Въ трактовомъ селѣ Отрадѣ, на постояломъ дворѣ, ослоненномъ со всѣхъ сторонъ покрытыми соломой сараями, было еще совсѣмъ темно.

Въ этой темнотѣ никакъ нельзя было отличить стоящаго здѣсь господскаго тарантаса отъ окружающихъ его телѣгъ тяжелаго троечнаго обоза. А около тарантаса ужъ ворочается какое-то существо, при этомъ что-то бурчитъ себѣ подъ носъ и о чемъ-то вздыхаетъ. Существо это кряхтитъ потому, что оно уже старо и что оно не въ силахъ нынче приподнять на дугу укладистый казанскій тарантасъ съ тою же молодецкою удалью, съ которою оно поднимало его двадцать лѣтъ назадъ, увозя съ своимъ бариномъ сосѣднюю барышню. Повертѣвшись у тарантаса, существо подошло къ окошечку постоялой горницы и слегка постучалось въ раму. На стукъ едва слышно отозвался старческой голосъ, а вслѣдъ за тѣмъ нижняя половина маленькаго окошечка приподнялась и въ ней показалась маленькая, сѣдая голова съ сбившеюся на сторону повязкой.

- Что, Никитушка?—спросила старушка.
- Пора, Марина Абрамовна.
- Пора?
- Да холодно-то полегче отъѣдемъ.
- Ну, пора такъ пора.

— Буди барышень-то. Я уж подмазаль, закладать стану. Никитушка опять пошелъ къ тарантасу, разобраль лезавшій на козлахъ пукъ вожжей и исчезъ подъ темнымъ сараемъ, гдѣ пофыркивали отдохнувшія лошади.

Черезъ полчаса тарантасъ, запряженный тройкою рослыхъ барскихъ лошадей, стоялъ у углаго крыльчка. Въ горницѣ было попрежнему темно и на крыльцѣ никто не показывался. Никитушка нерѣдко позѣвываль, покрещиваль ротъ и съ привычною кучерскою терпѣливостью смотрѣль на троечниковъ, засуетившихся около своихъ воевъ. Наконецъ, на высокомъ порогѣ двери показалась стройная дѣвушка, покрытая большимъ шейнымъ платкомъ, который плотно охватываль ея молодую головку, перекрещивался на свѣжей груди и крѣпкимъ узломъ былъ завязанъ сзади. Въ рукахъ у дѣвушки былъ дорожный мѣшокъ и двѣ подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ.

— Здравствуй, Никита,—привѣтливо сказала дѣвушка, пронося въ дверь свою нону.

— Здравствуйте, барышня, — отвѣчалъ сѣдой Никитушка.—Что это вы сами-то таскаете?

— Да такъ, это вѣдь легкое.

— Дайте, матушка, я уложу.

И Никитушка, соскочивъ съ козелъ, приняль изъ рукъ барышни дорожный мѣшокъ и подушки.

— Какое утро хоршее!—проговорила дѣвушка, гляди на покрывшееся блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ небо и затораживая ручкою зѣвающій ротикъ.

— День, матушка Евгенія Петровна, жаркій будетъ! Оводе проклятое дойметъ совсѣмъ.

— То-то ты насъ и подняль такъ рано.

— Да какъ же, матушка! Разъ, что жаръ, а другое дѣло послѣдняя станція до губерни-то. Близко, близко, а вѣдь сорокъ верстъ еще. Спознишься выѣхать, будетъ ни два, ни полтора. Завтра, вонъ, люди говорятъ, Петровъ день; добрые люди къ вечернямъ пойдуть; Агнїи Николаевнѣ и сугрѣть васъ некогда будетъ.

А пока у Никитушки шелъ этотъ разговоръ съ Евгеніей Петровной, старуха Абрамовна, разсчитавшись съ заспаннымъ дворникомъ за самоваръ, горницу, овесъ, да сѣно и заткнувъ за пазуху своего капота замшевый мѣшочекъ съ деньгами, будила другую дѣвушку, которая не оказывала

никакого вниманія къ словамъ старухи и продолжала спать сладкимъ сномъ молодости. Управившись съ собою, Марина Абрамовна завязала узелки и корзиночки, а потомъ одну за другою вытащила изъ-подъ головы снящей обѣ подушки и понесла ихъ къ тарантасу.

— Гдѣ-жь Лиза, няня?—спросила ее Евгения Петровна, оставшаяся все это время на крылечкѣ.

— Гдѣ-жь, милая? Спать на голой лавкѣ.

— Не встала еще?—спросила съ удивленіемъ дѣвушка.

— Да вѣдь какъ всегда: не разбудить ее.—Побуди поди, красавица моя,—добавила старуха, размѣщая по тарантасу подушки и узелки съ узелочками.

Красавица ушла съ крылечка въ горницу, а вслѣдъ за нею черезъ нѣсколько минутъ туда же ушла и Марина Абрамовна. Тарантасъ былъ совсѣмъ готовъ: только сѣсть да ѣхать. Солнышко выглянуло своимъ краснымъ глазомъ; извозчики длиною вереницею потянулись со двора. Никитушка зѣвнулъ и какъ-то невольно крикнулъ.

— Ну, что это, сударыня, глушить-то! Падаешь какъ пьяная,—говорила старуха, поддерживая обворожительно хорошенькое семнадцатилѣтнее дитя, которое никакъ не могло разнять слипающихся глазокъ и шло, опираясь на старуху и на подругу.

— Носи ее, какъ ребеночка малаго,—говорила старуха, закрывая упавшую въ тарантасъ дѣвушку, сѣла сама впереди противъ барышень подѣ фордекомъ и крикнула:—«съ Богомъ, Никитушка».

Тарантасъ, выѣхавъ со двора, покотился по ровной дорогѣ, обросшей старыми высокими ракетами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто ѣдетъ въ тарантасѣ.

Мелодическое погромыхиванье въ тонъ подобранныхъ бубенчиковъ и тихая качка тарантаса, потряхивающагося на гибкихъ, пружинистыхъ дрогахъ, въ союзѣ съ ласкающимъ вѣтеркомъ ранняго утра, навели сонъ и дрему на всѣхъ ѣдущихъ въ тарантасѣ. То густыя потемки, то сѣрый полумракъ ранняго утра не позволяли намъ разсмотрѣть этого общества, и мы сдѣлаемъ это теперь, когда единственный неспящій членъ его, кучеръ Никитушка, глядя

на лошадей, не можетъ замѣтить нашего присутствія въ тарантасѣ.

Направо, уткнувшись растрепанною, курчавою головкою въ мягкую пуховую подушку, спитъ Лизавета Егоровна Бахарева. Ей семнадцать лѣтъ, она очень стройна, но не высока ростомъ. У ней прелестныя, густыя каштановыя волосы, вьющіяся у лба, какъ часто бываетъ у молодыхъ француженокъ. Овалъ ея лица нѣсколько круглъ, щеки дышать здоровымъ румянцемъ, сильно пробивающимся сквозь нѣсколько смуглый цвѣтъ ея кожи. На вискахъ видны тоненькія голубыя жилки, бьющіяся молодою кровью. Глазъ ея теперь нельзя видѣть, потому что они закрыты длинными рѣсницами, но въ институтѣ, изъ котораго она возвращается къ домашнимъ ларамъ, всегда говорили, что ни у кого нѣтъ такихъ прелестныхъ глазъ, какъ у Лизы Бахаревой. Все ея личико, съ нѣсколько вздернутымъ, такъ сказать, курносымъ, задорнымъ носикомъ, дышитъ умомъ, подвижностью и энергіей, которой читатель могъ не заподозрить въ ней, глядя, какъ она поднималась съ лавки постоялаго двора.

Другую нашу героиню мы уже видѣли на крылечкѣ. Читатель, конечно, догадался, что эти двѣ дѣвушки—героини моего романа. Глядя на сладко спящую подругу и раскачивающуюся въ старческой дремѣ Абрамовну, Евгенія Петровна тоже завела глазки и тихо уснула подъ усыпляющіе звуки бубенцовъ. Онѣ ровесницы съ Лизой Бахаревой, вмѣстѣ онѣ поступили въ одинъ институтъ, вмѣстѣ окончили курсъ и вмѣстѣ спѣшатъ на безсмѣнныхъ лошадяхъ, каждая подъ свои родныя липы. На взглядъ Евгенія Петровна кажется нѣсколько постарше Бахаревой, но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ ей тоже восемнадцатый годъ, что и Лизѣ. Марина Абрамовна недаромъ назвала Евгенію Петровну красавицей. Она, дѣйствительно, хороша, и если бы художнику нужно было изобразить на полотнѣ извѣстную дочь, кормящую грудью осужденнаго на смерть отца, то онъ не нашелъ бы лучшей натурщицы, какъ Евгенія Петровна Гловацкая. Станъ высокій, стройный и роскошный, античная грудь, античныя плечи, прелестная ручка, волосы черныя, черныя какъ вороново крыло, и кроткіе, умные, голубые глаза, которые такъ и смотрѣли въ душу, такъ и западали въ сердце, говоря, что мы на

все смотримъ и все видимъ, мы не боимся страстей, но отъ дерзкаго взора они въ насъ не вспыхнуть пожаромъ. Вообще въ ея лицѣ много спокойной рѣшимости и силы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней много и той женственности, которая прежде всего ищетъ раздѣла, ласки и сочувствія. Теперь она спитъ, обнявъ Лизу, и голова ея, скатившись съ подушки, лежитъ на плечикъ подруги, которая и передъ нею кажется сущимъ ребенкомъ.

Нянѣ, Маринѣ Абрамовнѣ, пятьдесятъ лѣтъ. Она московская солдатка, давно близкая слуга семьи Бахаревыхъ, съ которою не разлучается уже болѣе двадцати лѣтъ. О ней говорятъ, что она съ дункомъ, но женщина умная и честная.

Кучеръ Никитушка, лѣтъ пять тому назадъ, прожилъ полстолѣтія. Когда ему было тридцать лѣтъ, онъ участвовалъ съ Егоромъ Бахаревымъ въ похищеніи у одного сосѣдняго помѣщика дочери Ольги Сергѣевны, съ которою потомъ его баринъ сочетался бракомъ въ своей полковой церкви, и навсегда забылъ услугу, оказанную ему при этомъ случаѣ Никитушкою. Никитушка ходилъ съ бариномъ и барынею по походамъ, выучился готовить гусарское печенье, чистить сапоги и нянчить барышню Лизавету Егоровну, которую онъ теперь везетъ домой послѣ долголѣтняго отсутствія. Своего у Никитушки ничего не было: ни жены, ни дѣтей, ни кола, ни двора, и онъ самъ о себѣ говорилъ, что онъ челоувѣкъ походный. Цѣлый вѣкъ онъ изжилъ таскаючись и только лѣтъ съ восемь пріютился осѣдло, примостивъ себѣ кроватку въ одномъ порожнемъ стойлѣ господской конюшни. Тутъ онъ спалъ лѣто и зиму съ старой собакой, Розкой, которую щенкомъ укралъ шутки ради у одного венгерскаго пана въ 1849 году. На барина своего, отставнаго полковника Егора Николаевича Бахарева, онъ смотрѣлъ глазами солдатъ прошлаго времени, неизвѣстно за что считалъ его своимъ благодѣтелемъ и отцомъ-командиромъ, разумѣя, что повиноваться ему не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ.

Кругло говоря, и Никитушка, и Марина Абрамовна были отживающіе типы той старой русской прислуги, которая рабски-снисходительно относилась къ своимъ господамъ и гордилась своею имъ преданностью. И тотъ, и другая сочли бы высочайшимъ преступленіемъ, достойнымъ, если не

смертной казни, то, по крайней мѣрѣ, церковной анафемы, если бы они упустили какой-нибудь интересъ дома Бахаревыхъ, или дома смотрителя уѣзднаго училища, Гловацкаго. Дружба старика Бахарева со старикомъ Гловацкимъ, у котораго Бахаревъ нанималъ постоянную квартиру, необходимо ему по званію безсмѣннаго уѣзднаго предводителя дворянства, внушала имъ священное почтеніе и къ старику Гловацкому, и къ его Женичкѣ, подругѣ и пріятельницѣ Лизы.

— Теперь тарантасъ нашъ путешествуетъ отъ Москвы уже шестой день и ему остается проѣхать еще версть около ста до уѣзднаго города, въ которомъ растутъ родныя липы нашихъ барышень. Но на дорогѣ у нихъ уже близехонько есть перепутье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Пріютъ безмятежный.

Спокойное движеніе тарантаса по мягкой грунтовой дорогѣ, со вѣзда въ московскія ворота губернскаго города, вдругъ замѣнилось несноснымъ подкидываніемъ экипажа по широко разошедшимся, неровнымъ плитамъ безобразнѣйшей мостовой и разбудило разомъ всѣхъ трехъ женщинъ. На дворѣ былъ одиннадцатый часъ утра.

— Городъ?—спросила, проворно вскочивъ, Лиза Бахарева.

— Городъ, матушка, городъ,—отвѣчала старуха.

— Городъ! Женни, городъ, пріѣхали,—щебетала Лизавета Егоровна, толкая уже проснувшуюся Гловацкую.

— Тоже мостовою зовется,—замѣтила Лиза.

— И, матушка, все лучше болота, что у насъ-то въ городѣ,—проговорила няня.

— Да у насъ, няня, развѣ городъ?

— А что жъ у насъ такое, красавица?

— Чортъ знаетъ что!

— Ну, ты ужъ хоть у тетеньки-то этого своего чернаго-то не поминай! Пріучили тебя экую гадость вспоминать!

Дѣвушки засмѣялись, и Гловацкая, вставши, стала приводить себя въ порядокъ.

Между тѣмъ, тарантасъ, прыгая по каменнымъ волнамъ губернской мостовой, проѣхалъ московскую улицу, курскую, кромскую площадь, затѣмъ стрѣлецкую слободу, снова покатился по мягкому выгону и черезъ полверсты отъ курской заставы остановился у стѣнъ дѣвичьяго монастыря.

Монастырь стоялъ за городомъ на совершенно ровномъ, какъ скатерть, зеленомъ выгонѣ. Онъ былъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ красною кирпичною стѣною, на которой по угламъ были выстроены четыре такія же красныя кирпичныя башенки. Кругомъ никакого жилища. Только въ одной сторонѣ двѣ вѣтряныя мельницы лѣниво махали своими безобразными крыльями. Ничего живописнаго не было въ положеніи этого подгороднаго монастыря: какъ-то потерянно смотрѣлъ онъ своими красными башенками, на которыя не было сдѣлано даже и всходовъ. Ничего-таки, ровно ничего тамъ не было располагающаго ни къ мечтѣ, ни къ самоуглубленію. Это не то, что пустынная обитель, гдѣ есть рядъ келій, темный проходъ, часовня у святыхъ воротъ, съ чудотворною иконою, и возлѣ ключъ воды студеной, — это было скучное, сухое мѣсто.

Въ двухъ стѣнахъ монастыря были сдѣланы ворота, изъ которыхъ одни были постоянно закрыты, а у другихъ стояла часовенка. Въ этой часовенкѣ всегда сидѣла монашка, вязавшая чулокъ и звонившая колокольчикомъ, придѣланнымъ къ кошельку на длинной ручкѣ, когда мимо часовенки брелъ какой-нибудь прохожій. Возлѣ часовни, въ самыхъ темныхъ воротахъ постоянно сидѣлъ на скамеечкѣ семидесятилѣтній солдатъ, у котораго еще, впрочемъ, осталось во рту три зуба. Онъ тоже обыкновенно вязалъ шерстяной чулокъ, взапуски съ монашкой, сидѣвшей въ часовнѣ. Каждый вечеръ они мѣрялись, кто больше навязалъ, и монашка говорила: «я, Арефьичъ, сегодня больше твоего свезла», или Арефьичъ объявлялъ: «сегодня я, мать, больше тебя свезъ».

Завидя подъѣзжавшій тарантасъ, Арефьичъ вскинулъ своими старческими глазами и опять въ его рукахъ запрыгали чулочные прутья; но когда лошадиныя головы дерзостно просунулись въ самыя ворота, старикъ громко спросилъ:

— Кого надо?

— Своихъ, своихъ, — отвѣчала, не обращая большого вниманія на этотъ окликъ, Никитушка.

— Кого своихъ? — переспросилъ Арефьичъ и, отбросивъ на скамейку чулокъ, схватилъ за поводъ лѣвую пристяжную.

Монашка изъ часовни выскочила и, позванивая колокольчикомъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла на происходившую сцену. Изъ экипажа послышался веселый хохотъ.

— Что ты! лѣшій! аль тебѣ высадило?—кричалъ съ козѣль Никитушка на остановившагося въ рѣшительной позѣ привратника.

— Да, такъ, на то я сторожь... на то здѣсь поставлень...— шамшилъ беззубый Арефьичъ, и глаза его разгорались тѣмъ особеннымъ огнемъ, который замѣчается у солдатъ, входящихъ въ дикое озлобленіе при видѣ гордаго, но безсильнаго врага.

— Чего, чортъ слѣпой, не пустишь-то?

— Не пущу,—задыхаясь, но рѣшительно отвѣтили опять Арефьичъ.—Позови кого тебѣ надо къ воротамъ, а не ѣзди.

— А, крупа поганая, что ты, не видишь?..

— Да чьи такія вы будете? Изъ какихъ мѣстовъ-то? — пропищала часовенная монашка, просовывая въ тарантасъ кошелекъ съ звонкомъ и свою голову.

— Да Бахаревскія, Бахаревскія, что-й-то вы словно не видите, я барышень къ тѣтенькѣ изъ Москвы везу, а вы не пускаете. — Стой, Никитушка, тутъ, я сейчасъ сама къ Агнии Николаевнѣ достигну.—Старуха стала спускать ноги изъ тарантаса и, почувявъ землю, заколтыхала къ кельямъ. Никитушка остановился, монастырскій сторожь не выпустилъ изъ руки поводьевъ пристяжного коня, а монашка опять всунулась въ тарантасъ.

— Изъ Москвы ѣдете-то?—спросила она барышень.

— Женни, тебя спрашиваютъ,—сказала Лиза и, продолжая лѣниться, смотрѣла на тиковый потолокъ фордека.

Гловацкая посмотрѣла на Лизу и вѣжливо отвѣтила монахинѣ:

— Изъ Москвы.

— Въ ученьѣ были?

— Да, въ институтѣ.

Монахиня помолчала, а черезъ нѣсколько минутъ опять спросила:

— А теперь къ кому же ѣдете?

— Домой, къ родителямъ,—отвѣчала Женни.

— Сродственниковъ имѣете?

— Да.

— Зачѣмъ это у васъ въ ворота не пускаютъ? — повернувшись къ говорившимъ, спросила Лиза.

— Какъ, матушка?

— Не пускаютъ зачѣмъ? кого боятся? кого караулятъ?

— Н... ну, такое распоряженіе отъ мать-игуменьи.

По монастырскому двору рысью бѣжала высокая, весноватая дѣвушка, въ черномъ коленкоровомъ платьѣ, съ сбившимся съ головы чернымъ шерстянымъ платкомъ.

— Пусти! пусти! Чтò еще за глупости такія, выдумаль не пуцать!—кричала она Арефичу.

— Я на то здѣсь поставлень... а велать, я и пуцу, — ствѣтилъ солдатъ и отошелъ въ сторону.

Рыжая, весноватая дѣвушка мигомъ вспрыгнула въ тарантасъ и быстро поцѣловала руки обѣихъ барышень, прежде чѣмъ тѣ успѣли ихъ спрятать. Тарантасъ поѣхаль.

— А тѣтенька-то какъ обрадовались: на крыльцо ужъ вышли встрѣчать, ожидаютъ васъ. — У насъ завтра престоль, владыко будутъ сами служить; закуска будетъ и мірскіе изъ города будутъ, — трещала дѣвушка скороговоркою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мать Агнія.

На высокомъ, чистенькомъ крыльцѣ небольшого, но очень чистаго деревяннаго домика, окруженнаго со всѣхъ сторонъ акаціею, сиренью, пестрыми клумбами однолѣтнихъ цвѣтовъ и не менѣе пестрою деревянною рѣшеткою, стояли четыре женщины и двѣ молоденькія дѣвочки. Три изъ этихъ женщинъ были монахини, а четвертая наша знакомая, Марина Абрамовна. Впереди, на самой нижней ступенькѣ чистенькаго крылечка рисовалась высокая строгая фигура въ черной шелковой ряскѣ и бархатной шапочкѣ съ креповыми оборками и длиннымъ креповымъ вуалемъ. Это была игуменья и настоятельница монастыря, Агнія Николаевна, родная сестра Егора Николаевича Бахарева и, слѣдовательно, по немъ родная тетка Лизы. Ей было лѣтъ сорокъ пять, но на видъ казалось не болѣе сорока. Въ ея большихъ черныхъ глазахъ виднѣлась смѣлая душа, гордая своею силою и своимъ прошлымъ страданіемъ, оттиснутымъ стальнымъ штемпелемъ времени на чергаментномъ лбу игуменьи. Когда матери Агніи было восемнадцать лѣтъ, она яркою звѣздою взошла на аристократическій небосклонъ такъ-называемаго свѣта. Первый ея выѣздъ въ качествѣ взрослой дѣвицы былъ на великолѣпный балъ, данный дворьянствомъ покойному императору Александру Первому, за

полгода до его кончины. Всѣ глаза на этомъ балѣ были устремлены на ослѣпительную красавицу Бахареву; императоръ прошелъ съ нею полонезъ, наговорилъ любезностей ей старушкѣ-матери, не умѣвшей ничего отвѣтить государю отъ робости, и на другой день прислалъ молодой красавицѣ великолѣпный букетъ въ еще болѣе великолѣпномъ портъ-букетѣ. Съ тѣхъ поръ нынѣшняя мать Агнія заняла первое мѣсто въ своемъ свѣтѣ. Три года продолжалось ей свѣтское теченіе, два года за нею ухаживали, искали ея вниманія и ея руки, а на третій она, черезъ пятья руки, получила изъ Петербурга маленькую записочку отъ стройнаго гвардейскаго офицера, привозившаго ей два года назадъ букетъ отъ покойнаго императора. Въ этой записочкѣ было написано только слѣдующее: «Судьба моя рѣшена самымъ печальнымъ образомъ. Не жди меня и обо мнѣ не справляйся: это только можетъ навлечь на тебя большія непріятности. Слѣдовать за мной ты не можешь, да и это только увеличило бы мои страданія. Возвращаю тебѣ твои клятвы, прошу тебя забыть меня и быть счастливою сколько можешь и какъ можешь. Блаженства, которое я ощущалъ два года, зная, что ты любишь меня болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, достанетъ мнѣ на весь остатокъ моей жизни, и въ холодныхъ норахъ ужасной страны моего изгнанія я не забуду ни твоего чистаго взора, ни твоего прощальнаго поцѣлуя.

Твой до гроба

Князь А. Т.»

Анна Николаевна Бахарева въ этомъ случаѣ поступила такъ, какъ поступали многія героини писанныхъ и неписанныхъ романовъ ея вѣка. Она томилась, рвалась, вылакала всѣ глаза, отстояла колѣни, молясь теплою Заступницѣ міра холоднаго, просила ее спасти его и дать ей силы совладать съ страданіемъ вѣчной разлуки, и черезъ два мѣсяца стала навѣщать старую знакомую своей матери, инокиню Серафиму, черезъ полгода совсѣмъ переселилась къ ней, а еще черезъ полгода, несмотря ни на просьбы и заклинанія семейства, ни на угрозы брата похитить ее изъ монастыря силою, сдѣлалась сестрою Агніею. Съ лѣтами все это обошлось; старики, примирившись съ молодой монахиней, примерли; братъ, надъ которымъ она имѣла сильный умственный перевѣсъ, возвратясь изъ своихъ по-

ходовъ, очень подружился съ нею; и вотъ сестра Агніа уже восьмой годъ смѣнила умершую игуменью Серафиму и блюдетъ суровый уставъ пріюта неумѣвшихъ найти въ жизни ничего, кромѣ горя и страданія. Мать Агнію всѣ уважаютъ за ея умъ и за ея безупречное поведеніе по монастырской программѣ. У нея бываетъ почти весь городъ, и она каждаго встрѣчаетъ безъ всякаго лицедрвія, съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ, съ тою же сдержанностью, съ которою она теперь смотритъ на медленно подъѣзжающій къ ней экипажъ съ двумя милыми ей дѣвушками.

Съ боку матери Агніи стоитъ въ почтительной позѣ Марина Абрамовна; сзади ихъ, одною ступенькою выше, безотвѣтное существо, мать Манеѳа, другъ и сожительница игуменьи, и мать казначея, обѣ ужъ пожилыя женщины. Наверху же крыльца, прислонясь къ лавочкѣ, стояли двѣ десятилѣтнія дѣвочки въ черныхъ шерстяныхъ рясахъ и въ остроконечныхъ бархатныхъ шапочкахъ. Обѣ дѣвочки держали въ рукахъ чулки съ вязальными спицами.

— Какой глупый человѣкъ!—проговорила разбитымъ голосомъ мать Манеѳа, глядя на приближающійся тарантасъ.

— Кто это у тебя глупый человѣкъ?—спросила, не оборачиваясь, игуменья.

— Да Арефѣичъ.

— Чѣмъ онъ такъ глупъ сталъ?

— Да какъ же не пускать.

— Ничуть это не выражаетъ его глупости. Старикъ свое дѣло дѣлаетъ. Ему такъ приказано, онъ такъ и поступаетъ. Исправный слуга, и только.

Старухи замолчали, няня вздохнула, тарантасъ остановился у крыльца передъ кельею матери Агніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Старое съ новымъ.

— Тетя! это вы, моя милая?—крикнула, выпрыгивая изъ тарантаса, Лиза Бахарева.

— Я, мой дружокъ, я,—отвѣчала игуменья, протянувъ къ племянницѣ руки.

Обѣ обнялись и заплакали.

— Ну, полно, полно плакать, — говорила мать Агніа. — Хоть это и хорошія слезы, радостныя, а все же полно. Дай

мнѣ обнять Гешу. Поди ко мнѣ, дитя мое милос!—отнеслась она къ Гловацкой.

Съ этими словами старуха обняла Женни, стоящую возлѣ Лизы, нѣсколько разъ поцѣловала ее, и у нея опять набѣжали слезы.

— Славная какая!—произнесла она, отодвинувъ отъ себя Гловацкую, и, держа ее за плечи, любовалась дѣвучкою съ упоеніемъ артиста. Точно мать покойница: хороша; когда-бъ и сердце тебѣ Богъ далъ материно,—добавила она, насмотрѣвшись на Женни, и протянула руку стоявшему передъ ней безъ шапки Никитушкѣ.

— Довезь, старина, благополучно?

— Благополучно доставилъ, матушка Агнія Николаевна,—отвѣчалъ старикъ, почтительно цѣлуя игуменьину руку.

— Ну и молодецъ.

Игуменья погладила Никитушку по его сѣдой головѣ и, обратясь къ рыжей дѣвучкѣ, таскавшей изъ тарантаса вещи, скомандовала:

— Экипажъ на житный дворъ, а лошадей въ конюшню. Тройку рабочихъ пусть выведутъ пока изъ стойлъ и поставятъ подъ сараемъ, къ рѣшеткѣ. Онѣ смиренны, имъ ничего не сдѣлается. А мы пойдемте въ комнаты,—обратилась она къ ожидавшимъ ее дѣвучкамъ и, взявъ за руки Лизу и Женни, повела ихъ на крыльцо.—Ахъ, и забыла совсѣмъ!—сказала игуменья, остановясь на верхней ступенькѣ.—Никитушка! винца, вѣдь, не пьешь, кажется?

— Не пью, матушка Агнія Николаевна.

— Ну, отпрягни-то, приходи ко мнѣ на кухню; я тебя велею чайкомъ попить; вечеромъ сходи въ городъ въ баню съ дорожки; а завтра пироги будутъ. Прощай пока, управляйся, а потомъ придешь рассказать, какъ ѣхалось. Татьяну видѣлъ въ Москвѣ?

— Видѣлъ, матушка.

— Ну, что?

— Ничего, матушка, живеть.

— Ну, съ Богомъ, управляйся, да приходи чай пить. Пойдемте, дѣтки.

Съ чистенькаго крылечка игуменьиной кельи была дверь въ такія же чистенькія, но довольно тѣсныя сѣни, съ двумя окнами по сторонамъ входной двери. Въ этихъ сѣняхъ, кромѣ двери, выходящей на крыльцо, было еще трое дверей.

Однѣ, направо, вели въ жилыя комнаты матери Агніи. Тутъ была маленькая проходная комната въ родѣ передней, гдѣ стоялъ большой платяной шкафъ, умывальный столикъ съ большимъ мѣднымъ тазомъ и мѣднымъ же рукойникомъ съ подъемнымъ стержнемъ; небольшою столику съ привинченной къ нему швейной подушечкой и кровать рыжей келлейницы, закрытая ватнымъ кашемировымъ одѣяломъ. Далѣе шла довольно большая и очень свѣтлая угловая комната въ четыре окна, по два въ каждую сторону. Здѣсь стояла длинная отоманка, обитая зеленой шерстяною матеріей, образникъ, трое тщательно закрытыхъ и заколотыхъ ялицъ, рядъ простыхъ плетеныхъ стульевъ и большіе стѣнные часы въ старинномъ футлярѣ. Въ этой комнатѣ жили и учились двѣ сиротки, которыхъ мать Агнія взяла изъ холодной избы голодныхъ родителей и которыхъ мы видѣли въ группѣ, ожидавшей на крыльцѣ нашихъ героинь. Дѣвочки здѣсь учились и здѣсь же спали ноги къ ногамъ на зеленой шерстяной отоманкѣ. Рядомъ была комната самой Агніи. Это была очень просторная горница, раздѣленная пополамъ ширмами краснаго дерева, обитыми сверху до половины зеленою тафтою. За ширмами стояла полуторная кровать игуменьи съ прекраснымъ замшевымъ матрацомъ, ночной столикъ, небольшою шкафъ съ книгами и два мягкія кресла; а по другую сторону ширмъ помѣщался богатый образникъ съ нѣсколькими лампадами, горѣвшими передъ фамильными образами въ дорогихъ ризахъ; письменный столъ, обитый зеленымъ сафьяномъ съ вытисненными по угламъ золотыми арфами, кушетка, двѣ горки съ хрусталемъ и нѣсколько кресель! Полъ этой комнаты былъ весь обитъ войлокомъ, а сверху зеленымъ сукномъ.

Затѣмъ шелъ большой залъ, занимавшій средину домика, а потомъ комната матери Манеи и столовая, изъ которой шла узенькая лѣстница внизъ въ кухню.

Мать Агнія ввела своихъ дорогихъ гостей прямо въ спальню и усадила ихъ на кушетку. Это было постоянное и любимое мѣсто хозяйки.

— Чай, — сказала она матери Манеи и сѣла сама между дѣвушками.

— Давно мы не видались, дѣтки, — нѣсколько нараспѣвъ произнесла игуменья, положивъ на колѣни каждой дѣвушкѣ одну изъ своихъ бѣлыхъ, аристократическихъ рукъ.

— Давно, тетя! шесть лѣтъ,—отвѣчала Лиза.

— Да, шесть лѣтъ, друзья мои. Много воды утекло въ это время. Твоя прелестная мать умерла, Геня; Зина замужъ вышла; всё постарѣли и не поумнѣли.

— Зина счастлива, тетя?

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ? Ни да, ни нѣтъ тебѣ не отвѣчу. То слышу—бранится, жалуется другъ на друга, то мирятся. Ничего не разберу. Второй годъ замужемъ, а комедій настроила столько, что другая въ двадцать лѣтъ не успѣетъ.

— Сестра вспыльчива.

— Взбалмошна, мой другъ, а не вспыльчива. Вспыльчивость въ доброй, мягкой женщинѣ еще небольшое зло, а въ ней блажь какая-то сидитъ.

— А онъ хорошій человѣкъ?

— Такъ себѣ.

— Умный?

— Не вижу я въ немъ ума. Что за человѣкъ, когда бабы въ рукахъ удержать не умѣетъ.

— Такъ они несчастливы?

— Такимъ людямъ нечего больше дѣлать, какъ ссориться да мириться. Ничего, такъ и прожить, то ругаясь, то цѣлуясь, да добрыхъ людей потѣшая.

— А мама? палаша?

— Братъ очень состарѣлся, а мать все котятъ чешетъ, какъ и въ старину бывало.

— А сестра Соня?

— Съ годъ ужъ ее не видала. Не любитъ ко мнѣ, старухѣ, учащать, скучаетъ. Впрочемъ, должно быть, все съ гусарами въ амазонкѣ ѣздитъ. Болтается дѣвочка, не читаетъ ничего, ничего не любитъ.

— Вы, тетя, все такія же рѣзкія.

— Въ мои годы, другъ мой, люди не мѣняются, а если мѣняются, такъ очень дурно дѣлаютъ.

— Отчего же дурно, тетя? Никогда не поздно исправиться.

— Исправиться? — переспросила игуменья и, взглянувъ на Лизу, добавила: — ну, исправляются-то или мѣняются къ лучшему только богатія, прямыя искреннія натуры, а кто весь вѣкъ лгалъ и себѣ, и людямъ и не исправлялся въ молодости, тому ужъ на старости лѣтъ не исправиться.

— Будто ужъ всё такіе живые, тетя, — смѣясь, проговорила Лиза.

— Не всё, а очень многіе. Лжецовъ больше, чѣмъ всёхъ дурныхъ людей съ иными пороками. Какъ ты думаешь, Геша? — спросила игуменья, хлопнувъ дружески по рукѣ Гловацкую.

— Не знаю, Агнія Николаевна, — отвѣчала дѣвушка.

— Гдѣ тебѣ знать, мой другъ, васъ вѣдь въ институтѣ-то какъ въ парникѣ держатъ.

— Да, это наше институтское воспитаніе ужасно, тетя, — вмѣшалась Лиза. — Теперь на него очень много нападаютъ.

— И очень дурно дѣлаютъ, что нападаютъ, — отвѣтила игуменья.

Дѣвушки взглянули на нее изумленными глазами.

— Вы же сами, тетечка, только-что сказали, что институтъ не знакомитъ съ жизнью.

— Да, я это сказала.

— Значитъ, вы не одобряете институтскаго воспитанія?

— Не одобряю.

— А находите, что нападать на институты не должно?

— Да, нахожу. Нахожу, что всё эти нападки неумѣстны, непрактичны, просто сказать, глупы. Семью нужно передѣлать, такъ и училища передѣлаются. А то, что институты! У насъ, что ни семья, то адъ, дрянь, болото. Въ институтахъ воспитываютъ плохо, а въ семьяхъ еще несравненно хуже. Такъ что-жь тутъ институты? Институты необходимо зло пошлаго вѣка и больше ничего. Иди-ка, дружочекъ, умойся: самоваръ несутъ.

Лиза встала и пошла къ рукомойнику.

— Возьми тамъ губку, охвати шею-то, пыль на васъ нашла, хоть рѣпу съй, — добавила она, глядя на античную шейку Гловацкой.

Пока дѣвушки умылись и поправили волосы, игуменья сдѣлала чай и ожидала ихъ за весело шипѣвшимъ самоваромъ и безукоризненно чистенькимъ чайнымъ приборомъ.

Дѣвушки, войдя, поцѣловали руки у Агнии Николаевны и усѣлись по обѣимъ сторонамъ ея кресла.

— Пойди-ка въ залу, Геша, посмотри, не увидишь ли чего-нибудь знакомаго, — сказала игуменья.

Гловацкая подошла къ дверямъ, а за нею порхнула и Лиза.

— Картина маминаго шитья! — крикнула изъ залы Гло-вацкая.

— Да. Это я тебѣ все берегла: возьми ее теперь. Ну, идите чай пить.

Дѣвушки опять усѣлись за столъ.

— Экая женщина-то была! — какъ бы размышляла вслухъ игуменья.

— Кто это, тетя?

— Да ея покойница мать. Чтò это за ангель во плоти былъ! Вотъ ужъ именно хорошее-то и Богу нужно.

— Мать была очень добра.

— Да это истинно святая. Такихъ женщинъ немного родится на свѣтѣ.

— И папа же мой вѣдь добрякъ. Прелестный мой папа.

— Да, мы съ нимъ большіе друзья; ну, все же онъ не то. Мать твоя была великая женщина, богатырь, героиня. Доброта-то въ ней была прямая, высокая, честная, ни этихъ сентиментальностей глупыхъ, ни нервъ, ничего этого дурацкаго, чѣмъ хвалятся наши слабонервные кучера въ юбкахъ. Это была сила, способная на всякое самоотверженіе; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу. Да, мой другъ Геша, — добавила игуменья со вздохомъ и значительно приподнявъ свои прямыя брови: — тебѣ не нужно далеко искать образцовъ!

— Вы такъ отзываетесь о мамѣ, что я не знаю...

— Чего не знаешь?

— Я очень рада, что о моей мамѣ осталась такая добрая память.

— Да, истинно добрая.

— Но сама я...

— Чтò ты сама?

Дѣвушка покраснѣлась и застѣнчиво проговорила:

— Я не знаю, какъ надо жить.

— Этой науки, кажется, не ты одна не знаешь. По-моему, жить надо какъ живется; меньше говорить, да больше дѣлать, и еще больше думать; не быть эгоисткой, не выкраивать изъ всего только свое положеніе, не обращая вниманія на обрѣзки, да главное дѣло не лгать ни себѣ, ни людямъ. Первое дѣло не лгать. Людямъ ложь вредна, а себѣ еще вреднѣе. Станешь лгать себѣ, такъ всѣхъ обманешь и сама обманешься.

— Да какъ же лгать *себѣ*, тетя?

— Ахъ, мать моя? Какъ? Ну, вотъ одна выдумаетъ, что она страдалница, другая, что она героиня, третья еще что-нибудь такое, чего вовсе нѣтъ. Увѣрять себя въ существованіи несуществующаго, да и пойдутъ чудеса творить, отъ которыхъ Богъ знаетъ сколько людей станутъ въ несчастныя положенія. Вотъ какъ твоя сестрица Зиночка.

— Вы, тетя, на нее нападаете, право.

— Что мнѣ, мой другъ, нападать-то! Она мнѣ не врагъ, а своя, родная. Мнѣ вовсе неприятно, какъ о ней пустые-то языки благовѣстять.

— Вы же сами не хвалите ея мужа.

— Такъ что жъ! не хвалю, точно не хвалю. Ну, такъ и резонъ молодой бабочкѣ сдѣлаться городскою притчею?

— Да если онъ дурной человѣкъ, тетя?

— Ну, какой есть,—сама выбрала.

— Можно ошибиться.

— Очень можно. Но изъ одной-то ошибки въ другую лѣзть не слѣдуетъ; а у насъ-то это, къ несчастію, всегда такъ и бываетъ. Сдѣлаемъ худо, а поправимъ еще хуже.

— Да въ чемъ же ея ошибки, за которыя всѣ такъ строго ее осуждаютъ?

— Въ чемъ? А вотъ въ слабоязычьи, въ болтовнѣ, въ неумѣнны скрыть отъ свѣта своего горя и во всякомъ отсутствіи желанія помочь ему, исправить свою жизнь, сдѣлать ее сносною и себѣ, и мужу.

— Это не такъ легко, я думаю.

— И не такъ ужъ очень трудно. Брыкаться не надо. Брыканьемъ ничему не поможешь, только ноги себѣ же отобьешь.

— Извините, тетя; вы, мнѣ кажется, оправдываете семейный деспотизмъ.

— Въ иныхъ случаяхъ, да, оправдываю.

— Въ какихъ же это, тетя, случаяхъ?

— Напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хранитъ слабыхъ и неопытныхъ членовъ семьи отъ заблужденій и ошибокъ.

Дѣвушка немного покраснѣла и сказала:

— Значитъ, вы оправдываете рабство женщины?

— Изъ чего же это значитъ?

— Да какъ же! Вы оправдываете, какъ сейчасъ сказали,

въ иныхъ случаяхъ деспотизмъ; а четверть часа тому назадъ замѣтили, что мужъ моей сестры не умѣетъ держать ее въ рукахъ.

— Ну такъ что жъ такое?

— Это значить оправдывать рабство женщины въ семьѣ?

У Лизы раздувались ноздри, и она непрерывно откидывала за уши постоянно разбѣгавшіяся кудри.

— Нѣтъ, милая, это значить ни болѣе, ни менѣе, какъ признавать необходимость въ семьѣ одного авторитета.

— Ну, да. Признавать законность воли одного надъ стремленіями другихъ! Что жъ это, не деспотизмъ развѣ?

— Ничуть не деспотизмъ.

— А что же? Что же это такое? Я должна жить какъ мнѣ прикажутъ?

— Отчего же не такъ, какъ тебѣ посовѣтуютъ?

— Да, если это дружескій совѣтъ равнаго лица, а не приказаніе, какъ вы называете, авторитета.

— Слушайся совѣта, такъ онъ не перейдетъ въ приказаніе.

— А если перейдетъ?

— Ну, ты же будешь виновата. Значить, не умѣла держать себя.

— Этакъ у васъ всегда сильный правъ: равенства, значить, нѣтъ.

— Равенства нѣтъ.

— И это вамъ нравится?

— Это нравится вѣрно природѣ. Спроси ее, зачѣмъ одинъ умнѣе другого, зачѣмъ одинъ полезнѣе другому обществу.

— Природа глупа.

— Ну, какая есть.

— Гм! Это ужасно.

— Что это ужасно?

— Повиноваться, и только повиноваться!

— Нѣтъ, не только: можно и жить, и любить, и дѣлать другихъ счастливыми.

— Все повинуюсь?

— Повинуюсь,—повинуюсь разуму.

— Своему,—да; я это понимаю.

— Или другому, если этотъ разумъ яснѣе твоего, опытнѣе твоего и имѣетъ всѣ основанія желать твоего блага.

— А если нѣтъ?

— Тогда повелѣвай имъ сама.

— Господи! Какъ странно вы смотрите, тети, на жизнь. Или будь деспотомъ, или рабомъ. Приказывай, или пови- нуйся. Мужъ глава, значить, какъ это читается.

— Въ большинствѣ случаевъ.

— И не выходи изъ его воли?

— Да. Если эта воля разумна, не выходи изъ нея. Иначе: не станешь признавать надъ собою одной воли, одного го- лоса, придется узнать ихъ надъ собою нѣсколько, и далеко не столь искреннихъ и честныхъ.

— Извините, тети, что я скажу вамъ?

— Пожалуйста.

Лиза нѣмного задумалась и, покраснѣвшись, сказала:

— Вы отстали отъ современнаго образа мыслей.

Выслушавъ это замѣчаніе, игуменья спокойно собрала со стола нѣсколько крошечекъ бѣлаго хлѣба и, ссыпавъ ихъ въ полоскательную чашку, спросила:

— А ты къ чему пристала, глядя на свѣтъ сквозь за- гращенные стекла института?

— Мы читали, мы говорили тоже, не беспокойтесь.

— Нѣтъ: не могу не беспокоиться, потому что вижу въ твоей головкѣ всѣ эти бредни-то новыя. Я тоже вѣдь го- ворю съ людьми-то, и врядъ ли такъ ужъ очень отстала, что и судить не имѣю права. Я только не пристала къ вралямъ и не разсталась со смысломъ. Я знаю эти, какъ ты называешь, взгляды-то. Двухъ лѣтъ еще нѣтъ, какъ ея братецъ вотъ тутъ же, на этомъ самомъ мѣстѣ, все разви- валь мнѣ ваши идеи новыя. Все вздоръ какой-то! Не пой- мешь ничего. — Приѣхаль Ипполитъ изъ университета, — обратилась она къ Гловацкой: — ну, и зашелъ ко мнѣ. Вижу мальчикъ, совсѣмъ еще мальчикъ — восемнадцать лѣтъ вѣдь всего. А ломается, кривляется. Пушкина на первыхъ же шагахъ обругалъ, отца раскритиковалъ: зачѣмъ, зачѣмъ, говорить, анахоретомъ живетъ? — Для тебя же съ сестрой, говорю, батюшка такъ живетъ. — Отъ науки отсталъ, гово- рить. Ну, глупъ отецъ, однимъ словомъ, а онъ уменъ: тутъ же при мнѣ и при двухъ сестрахъ, очень почтенныхъ женщинахъ, монастыри обругалъ, назвалъ насъ устрицами, приросшими къ своимъ раковинамъ. Богъ знаетъ, что такое? Школы хорошей нѣтъ этому мальчику.

— Что жь, онъ вѣдь, можетъ-быть, говорилъ правду?—
замѣтила Лиза.

— Правду, говоришь, говорилъ?

— Да.

Тетка немножко насупилась.

— И правду надо знать какъ говорить.

— Вы же сами говорите всѣмъ правду.

— Да, то-то, я говорю, надо знать какъ говорить правду-то,
а не осуждать за глаза отца родного, при чужихъ людяхъ.

— Онъ, вѣрно, и не осуждалъ, а разбиралъ, анализи-
ровалъ.

— Насъ, старухъ, изругалъ ни къ стру, ни къ смотру.
Вреднѣйшіе мы люди, тунеядицы.

— Монастыри, тетя, — отжившія учрежденія. Это всѣ
говорять.

— А почему это они отжившія учрежденія, смѣю спросить?

— Потому, что люди должны трудиться, а не сидѣть
запершись, ничего не дѣлая.

— Кто жь это вамъ сказалъ, что здѣсь ничего не дѣ-
лаютъ? Не угодно ли присмотрѣться самой-то тебѣ поближе.
Можетъ-быть, здѣсь еще болѣе работаютъ, чѣмъ гдѣ-нибудь.
У насъ каждая почти однимъ своимъ трудомъ живетъ.

— А въ мірѣ она бы втрое болѣе могла трудиться.

— Или совсѣмъ бы не могла.

— Это отчего?

— Отъ многого. Отъ неспособности сжиться съ этимъ
міромъ-то; отъ неумѣнья отстоять себя; отъ недостатка силъ
бороться съ тѣмъ, что не всякій поборетъ. Есть люди, ко-
торымъ нужно, просто необходимо такое безмятежное при-
станище, и пристанище это существуетъ, а если не отжила
еще потребность въ этихъ учрежденіяхъ, то, значить, вся-
кій молокососъ не имѣетъ и права называть ихъ отжив-
шими и поносить въ глаза людямъ, дорожающимъ своимъ
тихимъ пріютомъ.

— Вы сейчасъ обвиняли ея брата въ томъ, что онъ
осуждаетъ людей въ глаза, а теперь обвиняете его въ томъ,
что онъ говоритъ правду въ глаза. Какъ же говорить ес-
лучно?

Мать Агнии совсѣмъ вспыхнула.

— Говорить надо съ умомъ, — замѣтила она рѣзко.

— Да я тутъ, собственно, не вижу глупости.

— Очень жаль, что ты не видишь неблаговоспитанности и мѣщанства.

— Что жъ, и мѣщане люди, тети?

— Да, люди, люди неблаговоспитанные, несносные, люди, вносящіе въ жизнь гадкую мѣщанскую дрязгу.

— Стало-быть, они совсѣмъ ужъ не того стѣять, чего мы?

— Совсѣмъ не того, чего стѣять всѣ люди благовоспитанные, щадящіе человѣка въ человѣкѣ. То люди, а то *мѣщане*.

Лиза встала со стула, сдѣлала ироническую гримасу и, пожавъ плечами, проговорила:

— Не понимаю, какъ такой взглядъ согласовать съ идеею христіанскаго равенства.

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Очень просто. Всѣ мы равны передъ Богомъ.

— Только-то?

— И только. Мѣщанство всегда останется мѣщанствомъ.

— Какъ ты думаешь объ этомъ, Женни? — спросила Лиза, стоя лицомъ къ открытому окну.

Но прежде чѣмъ Женни успѣла что-нибудь отвѣтить, мать Агніи отвѣтила за нее:

— Геша не будетъ такъ дерзка, чтобы произносить разговоръ о томъ, чего она сама еще хорошо не знаетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Молодой пересадокъ.

Большой монастырскій колоколь гудѣлъ и заливался, призывая сестеръ безмятежнаго пристанища къ вечерней молитвѣ и долгому, праздничному всенощному бдѣнію. По длиннымъ дощатымъ мосткамъ, перекрещивавшимъ во всѣхъ направленіяхъ монастырскій дворъ и такимъ образомъ поддерживавшимъ при всякой погодѣ удобное сообщеніе между кельями и церковью, потянулись сестры. Много ихъ было подъ началомъ матери Агніи. Лиза сѣла у окна въ теткинѣ спальнѣ и глядѣла на проходившія мимо ея черныя фигуры. Шли тихимъ, солиднымъ шагомъ пожилыя монахини въ такихъ шапкахъ и такихъ же вуаляхъ, какъ носила мать Агніа и мать Манеѳа; прошли три еще болѣе суровыя фигуры въ длинныхъ мантияхъ, далеко волокшихся свади длинными шлейфами; шли такъ же чинно и поту-

нивъ глаза въ землю молодыхъ послушницы въ черныхъ, остроконечныхъ шапочкахъ. Между послѣдними было много очень, очень молодыхъ существъ, въ которыхъ молодая жизнь жадно глядѣла сквозь опущенные глазки. Новы были впечатлѣнія, толпившіяся въ головкахъ Лизы и Женни, стоявшей тутъ же за кресломъ подруги и вмѣстѣ съ нею находившейся подѣ страннымъ вліяніемъ монастырской суеты. Веселый звонъ колоколовъ, розовое вечернее небо, свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, окружающихъ каждую келью, и эти черныя фигуры, то согбенныя и закутанныя въ черныя покрывала, то молодыя и стройныя, съ милевидными личиками и потупленными глазами: все это было ново для нашихъ героинь и все это располагало ихъ къ задумчивости и молчанію. Наконецъ, кончился третій трезвонъ; двѣ молоденькія послушницы, съ большими книгами подѣ руками, шибко пробѣжали къ церкви, а за дверью матери Агніи чистый, молодой контральтъ произнесъ нараспѣвъ: «Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ».

— Аминь, — отвѣчала мать Агніи, оканчивавшая прикладываніе своего вуаля.

Въ дверь вошла молодая, очаровательно милая монахиня и, быстро подойдя къ игуменѣ, поцѣловала ея руку.

— Здравствуй, Θεоктиста! Посмотри-ка, аккуратно ли я закололась сзади.

— Хорошо вездѣ, матушка, — отвѣчала милевидная черница, внимательно осматривая игуменью.

— Все готово?

— Уже началъ положили.

— Ну, пойдемъ, — давай мантию.

Сестра Θεоктиста сняла со стѣны мантию и накиннула ее на плечи игуменѣ. Мать Агніи была сурово-величественна въ этой длинной мантии. Даже самое лицо ея какъ-то преобразилось: ничего на немъ не было теперь, кромѣ сухости и равнодушія ко всему окружающему міру.

— Ну, до свиданія, дѣти, — сказала она, подавая руки оставшимся у окна дѣвушкамъ.

— А мы развѣ не пойдемъ въ церковь? — спросила Лиза.

— Какъ хотите. Вы устали, служба сегодня долгая будетъ, оставайтесь дома.

— Лучше пойдемъ и мы, постоимъ сколько намъ захочется.

— Ну, хорошо. Позовите Марину и поправьтесь тутъ, а я сейчасъ пришло за вами сестру Теокисту, она васъ проводитъ въ церковь.

По мосткамъ опустѣлаго двора шла строгою поступью мать Агнія, а за нею, держась нѣсколько сзади ея лѣваго плеча и потупивъ въ землю прелестные голубые глазки, брела сестра Теокиста.

— Ахъ, какая хорошенькая!—сказала Лиза вслѣдъ прошедшимъ монахинямъ.

— Чудо, что такое,—подтвердила Гловацкая.

— Это вы про сестру Теокисту изволите говорить, барышня?—взмѣшалась весноватая бѣлица, камеръ-юнгфера матери Агнии.

— Вотъ про эту монахиню,—отвѣтила Гловацкая.

— Это она и есть сестра Теокиста-съ.

— Прехорошенькая.

— Это, барышня, въ міру красоту-то наблюдаютъ; а здѣсь всѣ равны, что Теокиста, что другая какая.

— Давно она въ монастырѣ?

— Третій годъ, матушка; третій годъ, овдовѣвши, какъ въ монастырѣ пошла. Она вѣдь еще въ маломъ постригѣ.

— Что же она тутъ при тетушкѣ?—спросила Лиза.

— Такъ, тетенька любятъ, чтобы она при нихъ находилась.—Адъютантомъ своимъ называютъ ее.

— Развѣ она съ тетушкой живетъ?

— Нѣтъ, у нея есть своя полкелья, а только, когда въ церковь, или когда у тетеньки гости бывають, такъ ужъ сестра Теокиста при нихъ.

— Зачѣмъ же это?

— Такъ... Тетенькѣ такъ угодно.

— Она знакома была тетушкѣ прежде, что ль?

— Не могу вамъ про это доложить, — да нѣтъ, врядъ, чтобы была знакома. Она вѣдь изъ простыхъ, изъ городѣ Брянска, изъ купецкой семьи. Да простые такіе купцы-то, не то, чтобы какъ-вонъ наши губернскіе или московскіе. Совсѣмъ изъ простаго званія.

— Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!—раздалось опять за дверью. Весноватая бѣлица твердо возгласила: «Аминь», и на порогѣ показалась сестра Теокиста.

— Спаси васъ Господи и помилуй,—проговорила она, подходя къ дѣвушкамъ и смиренно придерживая одною ру-

кою полу ряски, а другою собирая длинныя шелковыя четки съ крестомъ и изящными волокнистыми кистями.

— Здравствуйте, здравствуйте, — привѣтливо отвѣчали въ одинъ голосъ обѣ дѣвушки.

Феоктиста добродушно поцѣловала обѣихъ и опять поклонилась.

— Вотъ вы уже пришли; а мы еще не готовы совсѣмъ, — извините насъ, пожалуйста.

Сестра Феоктиста ласково улыбнулась и сказала:

— Ничего-съ: я посижу, подожду, — и она сѣла на кончикъ дивана.

— Много мірскихъ въ церкви? — спросила сестру Феоктисту продолжавшая торчать здѣсь бѣлица.

— Много. Яблоку упасть негдѣ. Очень тѣсно въ храмѣ.

— Поплите, пожалуйста, нану няню, — попросила Лиза бѣлицу, послѣ чего та тотчасъ же вышла, а вслѣдъ затѣмъ появилась Марина Абрамовна.

Старуха, растопыривъ руки, несла въ нихъ только-что выправленныя утюгомъ бѣлыя платица барышень и другія принадлежности ихъ туалета.

— Одѣвайтесь, матушки, а то къ шапочному разбору придете, — говорила Марина Абрамовна, кладя на столъ принесенныя вещи.

Дѣвушки стали одѣваться, няня помогала то той, то другой.

— Дайте я вамъ помогу, — сказала сестра Феоктиста, положивъ въ уголъ дивана свои четки.

Дѣвушки вѣжливо отклоняли ея услужливость.

— Нѣтъ, что жъ такое, я помогу. Развѣ это трудно?

И сестра Феоктиста, встряхнувъ бѣлую, крахмальную юбку, набросила ее на Гловацкую.

— Благодарю васъ, душка моя, — отвѣчала, покраснѣвшись, дѣвушка и, обернувшись, поцѣловала два раза молодую монахиню.

А монахиня опять заворочалась въ накрахмаленныхъ вещахъ и одѣвала Женни въ то же самое время, какъ Абрамовна снаряжала Лизу.

— Какъ нынче манишки-то стали шить! Совсѣмъ какъ мужчинская рубашка, — говорила сестра Феоктиста, оправляя надѣтую на Женни манишку.

— Вамъ нравится этотъ фасонъ?

— Нѣтъ, я такъ говорю; легче какъ будто, а то бывало у насъ все шнурки, да шнурочки.

— Вы давно въ монастырѣ?

— Давно. Ужъ и не помню когда, — отвѣчала, смѣясь, Θεоктиста. — Три года ужъ.

— И нескучно вамъ?

— О чемъ скучать-то? — Спаси Господи и помилуй!

Сестра Θεоктиста глубоко вздохнула и въ серединѣ двухъ юницъ отправилась въ церковь. Въ церкви была страшная давка и духота. Сестра Θεоктиста насилу провела Лизу съ Женей впередъ къ рѣшеткѣ, окружающей амвонъ, и отошла къ особенному возвышенію, на которомъ неподвижно стояла строгая игуменья. Воздухъ въ церкви все болѣе и болѣе сгущался отъ запаха жарко горящихъ въ огромномъ количествѣ восковыхъ свѣчъ, ладана и дыханія плотной толпы молящагося народа. Передъ началомъ стихиръ мать Агніа незамѣтно кивнула пальцемъ сестрѣ Θεоктистѣ. Та подошла къ ней, сдѣлала поясной поклонъ и подставила ухо, а потомъ опять поклонилась тѣмъ же пояснымъ поклономъ и стала тихонько пробираться къ нашимъ героинямъ.

— Мать игуменья беспокоится за васъ, — шепнула она дѣвушкамъ. — Онѣ велѣли мнѣ проводить васъ домой; вы устали, васъ Богъ простить; вамъ отдохнуть нужно.

— Пойдемте, — такъ же шопотомъ отвѣчали обѣ дѣвушки и стали пробираться вслѣдъ за Θεоктистою къ выходу.

На дворѣ стояли густыя сумерки.

— Чаю напьетесь? — спросила сестра Θεоктиста, входя на крыльцо кельи.

— По правдѣ сказать, такъ всего болѣе спать хочется, — отвѣчала Лиза.

— Ну, такъ Христось съ вами, спите. Прощайте, Господь съ вами.

— А нѣтъ, зайдите, зайдите, — заговорили дѣвушки.

— Раздуйте самоварчикъ, — сказала входя сестра Θεоктиста. — Ну, такъ спать? — добавила она, обратясь къ дѣвицамъ.

— Лежать, сестра Θεоктиста, — отвѣчала Лиза.

— Ну, ложитесь, покатайтесь, поваляйтесь, расправьте косточки, а я вамъ душепарочки волью.

— Милая! какая вы милая! — сказала Лиза и крѣпко, врасось, по-институтски, поцѣловала монахиню.

— Чѣмъ такъ вамъ мила стала? Голуби вы мои! Раздѣ-
вайтесь-ка, да на постельку.

Истомленные дорогою дѣвушки начали спѣшно разобла-
чаться.

— Гдѣ же лечь?—спросила Лиза.

— На постель, на постель, мой ангелъ. Тетюшка такъ
сказала,—отвѣчала сестра Теокиста.

— Валимся! — проговорила Лиза и, забросивъ за уши
свои кудри, упала на мягкую теткинѣ постель. За нею съ
краю легла тихо Гловацкая.

— Ну, и отлично. Теперь я подамъ чайку.

— Зачѣмъ же вы сами, сестра Теокиста?

— Да что жъ за бѣда. Я и сама напьюсь съ вами.

Чаекъ подали, и дѣвушки, облокотясь на подушечки, стали
пить. Сестра Теокиста усѣлась въ ногахъ, на кровати.

Дѣвушки, утомленные шестидневной дорогой, очень рады
были мягкой постелькѣ и не хотѣли чаю. Сестра Теокиста
налила имъ по второй чашкѣ, но эти чашки стояли нетро-
нутыя и стыли на столикѣ.

— Кушайте!

— Не хочется,—отвѣчали обѣ дѣвушки.

— Ну, почивайте. Всенощная еще не скоро кончится.
Часа полтора еще пройдетъ, почивайте, а я пойду.

— Нѣтъ, посидите съ нами, вы вѣдь тоже устали, тамъ
духота такая въ церкви.

— Сестра Теокиста! Какъ вы думаете, можно покурить
потихоньку?

— Охъ, не знаю, право.

— Вѣдь никто не взойдетъ?

— Не знаю.

Лиза спрыгнула съ кровати, зажгла пашироску и сѣла у печки.

— Не тянетъ что-то.

— Труба, вѣрно, закрыта отъ грома. Я открою сейчасъ,—
и Теокиста открыла трубу.

Женни тоже покурила, и обѣ дѣвушки снова улеглись.

— Душно точно, голова такъ и кружится, да это ни-
чего, Господь подкрѣпляетъ, я привыкла ужъ,—говорила
Теокиста, продолжая прерванный разговоръ о церков-
ной духотѣ.

— Какъ вы успѣли привыкнуть такъ скоро?—спросила,
внимательно глядя на сестру Теокисту, Лиза.

- М-мъ! Такъ привыкла, потому что здѣсь вѣдь хорошо.
- Чѣмъ же хорошо?
- Тихо такъ, хорошо.
- Вышла пауза.
- И вы никогда не скучаете?—спросила Женни.
- Чего скучать, надо Богу молиться, а не скучать.
- Иногда противъ воли скучается.
- Сестра Θεоктиста вздохнула.
- Молитвой надо ограждать себя,—проговорила она тихо.
- А если нельзя молиться?—спросила быстро Лиза.
- Отчего нельзя?
- Если не спокоенъ, разстроенъ, взволнованъ.
- Тутъ-то и молиться.
- Вы это на себѣ испытали когда-нибудь?
- Какъ же. Испушенія тоже бывають большія и въ монастырѣ.
- Интриги?
- Какъ изволите?
- Интриги, говорю, есть? — Сплетни, ссоры, клеветы,—пояснила Лиза.
- А! Ну, все надо перенести! на то покаяніе, на то монастырь.
- А есть это все?
- Какъ вамъ сказать?—отвѣчала Θεоктиста съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ на своемъ добромъ, хорошенькомъ личикѣ.—Бываетъ, врагъ смущаетъ человѣка, все по слабости по нашей. Тутъ вѣдь не то, чтобъ какъ со злости говорится чтò, или дѣлается.
- А все врагъ смущаетъ?
- Все по слабости нашей.
- Вы зачѣмъ пошли въ монастырь-то?
- Какъ изволите?—переспросила сестра Θεоктиста.
- Лиза повторила свой вопросъ.
- Такъ, пошла да и только.
- Дурно вамъ было дома, что-ль?
- М-мъ... такъ. Мужъ померъ, дитя померло, тятенька померъ, я и пошла.
- Развѣ никого больше не оставалось у васъ, я состоянія никакого не было?
- Нѣтъ, видите,—п. вернувшись лицомъ къ Лизѣ и взявъ ее за колено, начала сестра Θεоктиста:—я вѣдь вотъ пер-

ковная, ну, понимаете, православная, т. е. по-нашему, по русскому закону крещена, ну, только тятенька мой жили мы въ нуждѣ большой. Городецъ нашъ маленькій, а тятенька, на волю откупившись, тутъ домикъ въ долгъ тоже купили, хотѣли трактирчикъ открыть, такъ какъ они были поваромъ, ну, не пошло. Только приказные судейскіе когда придутъ, да и то все въ долгъ больше, а помѣщики все на почтовую станцію заѣзжали. Такъ, бывало, и плиты по недѣлѣ цѣлой не разводимъ. Ну, я ужъ была на возрастѣ, шестнадцатый годокъ мнѣ шелъ; матери не было, братецъ въ лакейской должности гдѣ-то въ Петербургѣ, у важнаго лица, говорятъ, служить, только отцу они не помогали. Извѣстно въ этойко столицѣ, самимъ имъ что, я думаю, нужно, въ большомъ-то домѣ!

Феокиста вздохнула и, помолчавъ, продолжала:

— Жениховъ у насъ мало, да и то все глядятъ на богатенькихъ, а мы же опять и въ мѣщанство-то только приписались, да и бѣдность. Очень тятенька покойникъ обо мнѣ печалился. Ну, а тутъ, такъ черезъ улицу отъ насъ купцы жили, — тоже недавно они въ силу пошли, изъ мѣщанъ, а только ужъ богатые были; всѣмъ торговали: солью, хлѣбомъ, желѣзомъ, всякимъ, всякимъ товаромъ. У насъ вѣдь, по нашему маленькому мѣсту, нѣтъ этихъ магазиновъ, а все вмѣстѣ всѣмъ торгуютъ. Только были эти купцы старовѣры.. не нашего, значить, закона, поповъ къ себѣ не принимаютъ, а все безъ поповъ. Ну, какъ тамъ, Богъ самъ знаетъ, какъ это сдѣлалось, только этотъ купеческій сынъ Естифей Ефимычъ вздумалъ ко мнѣ присвататься. Изъ себя былъ какой, вѣдь, молодецъ; всякая бы, то-есть всякая, всякая у насъ, въ городѣ-то, за него пошла; ну, а онъ ко мнѣ сватался. Въ домѣ-то что у нихъ изъ-за этого было, страсти Божьи, какъ, бывало, расскажутъ. Мать у него была почтенная старуха, древняя такая и строгая. Я-то тогда дѣвчонка была, ничего этого не понимала. Ужъ не знаю, какъ тамъ покойничекъ Естифей-то Ефимычъ все это съ маменькой своей уладилъ, только такъ о снажинкахъ прислали къ тятенькѣ сватовъ.

— Ну?

— Ну, и выдали меня замужъ, въ церкви такъ въ нашей вѣнчали, по-нашему. А тутъ я годочекъ всего одинъ съ мужемъ-то пожила, да и овдовѣла, дитя родилось, да

умерло, все, какъ говорила вамъ, — тятенька тоже померши еще прежде.

— А вы въ монастырь и пошли?

— Да и пошла вотъ.

— А съ мужемъ вы счастливы были?

— Извѣстно какъ замужемъ. Сама хорошо себя ведешь, такъ и тебѣ хорошо. Я жъ мужа почитала и онъ меня жалѣлъ. Только свекровь очень ужъ строгая была. Страсть какія онѣ были суровыя.

— Обижала она васъ?

— Нѣтъ, обиды чтобъ такъ не было, а все, разумѣется, за вѣру мою, да за бѣдность сердились, все мужа, бывало, урекають, что взять неровню; ну, а мнѣ мужа жаль, я, бывало, и заплачу. Вотъ изъ чего было, все изъ моей дурусти.— Жарко какво!—проговорила Θεоктиста, откинувъ съ плеча креповое покрывало.

— Снимите шапку.

— И то.

Θеоктиста сняла бархатную шапку, и золотисто-русая коса, вырвавшись изъ-подъ сдерживавшей ее шапки, рассыпалась по черной раскѣ.

— Господи, какое великолѣпіе!—вскрикнула Лиза.

— Чтò это вы?

— Смотри, смотри, Женни, какіе волосы!

— Что вы, что вы это,—закраснѣвшись, лепетала сестра Θεоктиста и протянула руку къ только-что снятой шапкѣ; но Лиза схватила ее за руки и, любуясь монахиней, нѣсколько разъ крѣпко ее поцѣловала. Женни тоже не отказалась отъ этого удовольствія и, перегнувъ къ себѣ стройный станъ Θεоктисты, обѣ дѣвушки съ восторгомъ цѣловали ее своими свѣжими устами.

— Что это вы?—опять пролепетала монахиня.

— Какая вы красавица, сестра Θεоктиста.

— Спаси Господи и помилуй; чтò это вамъ вздумалось! Искушеніе съ вами, съ мірскими, право.

Сестра Θεоктиста набожно перекрестилась и добавила:

— Ну, такъ вотъ я вамъ ужъ доскажу. Вышедши замужь-то, я затяжелѣла; ну, брюхомъ-то мнѣ то того, то другого смерть вотъ какъ хочется. А Великій постъ былъ: у насъ въ домѣ, какъ вотъ словно въ монастырѣ, опричь грибовъ ничего не варили, да и то по середамъ и по пят-

видамъ безъ масла. Маменька строго это соблюдала. А мнѣ то это икры захочется, то рыбы соленой, да такъ захочется, что вотъ просто душенька моя выходитъ. Я, бывало, это Естифею Ефимовичу ночью скажу, а онъ днемъ припасетъ, пронесетъ мнѣ въ карманѣ, а какъ спать ляжемъ съ нимъ, я пологомъ задернусь на кровати, да и ѣмъ. Грѣхъ это такъ ѣсть-то, Богу помолитесь, ну, а я ужъ никакъ стерпеть не могла. Брюхомъ это часто у женщинъ бываетъ. Ну, и наказалъ же меня Господь за мои за эти за глупости! Охъ-хо-хо!

Оеоктиста утерла слезы, наполнившія длинныя рѣсницы ея большихъ голубыхъ глазъ, и продолжала:

— Въ самый въ Страстной вторникъ задумалось мнѣ про селянку съ рыбой. Вотъ умираю, хочу селянку съ севрюжкой, да и только. Пришелъ мужъ изъ лавки, легли спать, я ему это и сказываю про свое про хотѣнье-то. Чтò ты, говоритъ, дура, какіе дни! Люди теперь хлѣба мало вкушаютъ, а ты чтò задумала? Молись, говоритъ, больше, все пройдетъ. А я вмѣсто молитвы-то цѣловать его да упрашивать: голубчикъ, говорю, соколъ мой ясный, Естифей Ефимычъ! уважь ты меня разъ, я тебя сто разъ уважу. Пристаю къ нему: ручки, ножки, говорю, тебѣ перецѣлую, только уважь, покорми ты меня селяночкой. Знала я, что какъ пристанешь къ нему лаской, безпремѣнно онъ тебѣ сдѣлаетъ. Смотрю, точно ужъ, говоритъ, только какъ, говорить, пронести? Пронести никакъ нельзя. Это и правда. Рыбу тамъ или икру можно какъ въ карманѣ пронести, а селянку жидкую никакъ нельзя. Такъ я это въ горѣ и заснула. Утромъ, гляжу, мужъ толкъ меня подъ бокъ: прибѣжи, говоритъ, часовъ въ двѣнадцать въ лавку. Я догадалась, опять-таки его расцѣловала. Охъ, Боже, Боже мой, Боже мой! великая я грѣшница передъ Тобюю!.. Жду не дождусь. Только пробило одиннадцать часовъ, я и стала надѣвать шубейку, чтобъ къ мужу-то идти, да только-что хотѣла поставить ногу на порогъ, а въ двери нашъ молодецъ изъ лавки, какъ есть полотно блѣдный. Что ты, что ты, Герасимъ? — спрашиваемъ его съ маменькой, а онъ и слова не выговорить. — Что, молъ, пожаръ, что ли? Въ окно такъ-то посмотримъ, а онъ глядѣль-глядѣль на насъ, да разомъ какъ крикнетъ: хозяйинъ, говоритъ, Естифей Ефимычъ потонули. — Какъ потонулъ? гдѣ? — Къ городничему, гово-

рить, за рѣку чего-то пошли, сказали, что боги Федосья Ивановна, — это я-то, — придетъ, чтобъ его въ чуланчикѣ подождали, а тутъ, слышимъ, кричатъ на берегу: обломился, обломился, потонулъ. Побѣгли, — ничего ужъ не видно, только дыра во льду и водой сравнялась, а приступить нельзя, весь ледъ иструхъ. Ничего тутъ ужъ я и не помню. Побѣгли къ городничему, и городничій самъ пришелъ. Онъ, говорить, у меня не былъ, а былъ у повара, севрюги кусокъ принесъ, просилъ селянку сварить. Это въ трактиръ-то на станцію ему нельзя было идти, далеко, да и боязно, встрѣтишь кого изъ своихъ, онъ, мой голубчикъ, и пошелъ мнѣ селяночку-то эту, проклятую, готовить къ городническому повару, да торопился, на мостъ-то далеко, онъ льдомъ хотѣлъ, грѣхъ и случился. Во всемъ я передо всѣми повинилась. Чтò тутъ только мнѣ было! Боже мой, Господи! Хуже меня по цѣлому городу человѣка не ставили. И точно, что стоило. А ужъ свекровь, бывало, какъ начнетъ: силы небесныя, чтò только она говорила! И змѣя-то я, и блудница вавилонская, сѣдящая при водахъ на звѣрѣ червленнѣ, — чего только не говорила она съ гори. Разумѣется, мать, больно ей было, одинъ сынъ только, и того лишилась. И не знаю я, какъ ужъ это все я только пережила! А только мнѣ даже лучше было, что меня ругала маменька. А тутъ ужъ безъ покойника я родила дѣвочку, — хорошенькая такая была, да черезъ двѣ недѣли померла. Какъ я ни старалась маменькѣ угождать, все ужъ не могла ей угодить: противна я ей ужъ очень стала. Какъ я ей въ глаза, она сейчасъ: иди, иди, еретница проклятая! Гонить меня. Думала въ тятенькинъ домикъ перейти, что онъ мнѣ оставилъ — маменька еще пуще осерчала: развратничать, говорить, захотѣла, полюбовниковъ на свободѣ собирать хочется. Я и стала проситься въ монастырь, да вотъ и живу.

— А домикъ вашъ?

— Такъ свекровь его взяла, а мнѣ тутъ полкельи поставила.

— И ничего вамъ не даютъ?

— Нѣтъ, на что же мнѣ, я работаю. Мнѣ развѣ много нужно?

— Зачѣмъ же вы ей отдали?

— Да пусть. На что мнѣ. Такъ оставила ей.

— И тутъ вамъ, говорите, хорошо?

— Хорошо, молюсь да работаю, что жъ мнѣ. Конечно, иной разъ...

— Что, скучно?

— Нѣтъ, спаси Господи и помилуй! А все вотъ за эту... за красоту-то, что вы говорите. Не то, такъ то выдумаютъ.

— Что жъ, кому мѣшаетъ ваша красота?

— Да такъ, нѣтъ это по злобѣ! Такъ врагъ-то смущаетъ. Онъ вѣдь въ мѣрѣ такъ не смущаетъ, а здѣсь, гдѣ блюдутся, онъ тутъ и вередуетъ.

— Вамъ жаль вашего мужа?

— Очень жаль! Ахъ, какъ жаль. И гдѣ онъ, гдѣ его тѣло-то понесли быстрыя воды весеннія. Молюсь я, молюсь за него, а все не смолить мнѣ моего грѣха.

— Вы его любили?

— Какъ же не любить мужа!

— А дитя тоже жаль?

— Не знаю ужъ какъ и сказать, кого больше жаль! Дитя жаль, да все не такъ, все усну, такъ забуду, а мужа и-во снѣ-то не забуду. И во снѣ онъ меня мучитъ. Молюсь, молюсь Создателю: Господи, упокой Ты его, отжени отъ меня грѣхъ мой. А только усну, только заведу глаза, а онъ надо мною стоитъ. Вотъ совсѣмъ стоитъ. Чувствую, холодный такой, мокрый весь, синій, какъ извѣстно, утопленникъ, а потомъ будто бѣлѣть; лицо опять человѣческое становится, глазами смотреть все на меня и совсѣмъ какъ живой, совсѣмъ живой. Просто вотъ беретъ меня за плечи, цѣлуетъ, Оня, говорить, моя, другъ мой!

Сестра Θεоктиста остановилась, долго смотрѣла молча въ одну точку темной стѣны и потомъ неожиданно, дернувъ на себѣ риску, тревожно проговорила:

— Кудри его черныя вотъ такъ по лицу по моему... Ахъ ты, Господи! Боже мой! Когда жъ эти сны кончатся? Когда Ты успокоишь и его душеньку, и меня, грѣшницу нераскайную.

Тихо, безъ всякаго движенія сидѣла на постели монахиня, устремивъ полныя благоговѣйныхъ слезъ глаза на озаренное лампадой распятіе, молча смотрѣли на нее дѣвушки. Всенощная кончилась, подъ окномъ послышались шаги и голосъ игумены, возвращавшейся съ матерью Манеёой. Сестра Θεоктиста быстро встала, надѣла свою шапку

съ покрываломъ и, поцѣловавъ обѣихъ дѣвицъ, быстро скользнула за двери игуменьиной кельи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ ночной тишинѣ.

Глубоко запахъ въ молодя сердца нашихъ героинь простодушный рассказъ сестры Теокисты. Ни слова имъ не хотѣлось говорить, и ни слова онѣ не сказали по ея уходѣ.

Мать Агнія тихо вошла въ комнату, гдѣ спали маленькія дѣвочки, тихонько пріотворила дверь въ свою спальню, и видя, что тамъ только горятъ лампы и ничего не слышно, заключила, что гости ея уснули, и, затворивъ опять дверь, позвала бѣлицу.

— Умыться и раздѣться. — сказала она вошедшей дѣвущкѣ.

— Тамъ приготовлено-сь.

— Перенести сюда, да тише, не разбуди дѣтей.

Въ спальню вошла бѣлица и тихонько понесла оттуда умывальный приборъ.

— Пили чай?—спросила игуменья вполголоса.

— Кушали, матушка.

— Давно легли?

— Давно-сь, только они не спали должно-быть.

— Отчего?

— Сестра Теокиста все у нихъ тамъ сидѣла на кровати, только вотъ сейчасъ выскочила.

— Спасибо ей.

— Все разговаривали съ нею.

— Молодые люди, поговорить хотять.

— Да-сь, все про мужа говорили.

— Про какого мужа?

— Про Теокистинова.

— Что жъ они говорили?

— Все Теокиста рассказывала, какъ жила у своихъ въ міру.

— Ну?

— А онѣ, барышни, все слушали. Все про сны какіе-то сказывала имъ, что мужа видитъ.

— Это ты слышала?

— Какъ же-сь!

— Сходи-ко къ ней, чтобъ завтра, какъ встанетъ... пораньше бѣ встала и пришла ко мнѣ.

— Слушаю-сь!

— Давай умываться!

Послышались плески воды.

— Лихаревская Аннушка заходила отдохнуть,—говорила, подавая умываться, бѣлица.

— Ну и что жъ?

— Барыня-то ихняя вернулась.

— Вернулась?

— Вернулась, говорить, и прямо мужу въ ноги.

— Ну?

— Простилъ-сь, говорить, во всемъ.

— Дуракъ! — какъ бы про себя замѣтила мать Агнѣя и сѣвъ на стуль, начала тщательно вытираться полотенцемъ.

— А у матери Варсонофѣи опять баталѣя была съ этой съ новой бѣлицей, что изъ дворянокъ, вотъ что мать-то отдала.

— За что это?

— Все дворянствомъ своимъ кичится, стало-быть. У васъ, говорить, все необразованіе, кляузы, говорить, наушничество. Такая ядовитая дѣвушка, Богъ съ ней совсѣмъ.

— Вѣрно, досадили ей.

— Не знаю-сь.

— Варсонофѣя-то сама хороша. Велика завтра этой бѣлицѣ за часами у ранней на поклоны стать. Скажи, что я приказала безъ разсужденій.

— Слушаю-сь.

— Давай чистить зубы.

Бѣлица опять взошла на цыпочкахъ въ спальню и опять вышла.

— Что это у тебя въ той рукѣ?—спросила игуменья.

— Сорь какой-то... бумажку у печки какую-то подняла.

— Покажи.

Бѣлица подала окурочекъ тоненькой папироски, засунутый дѣвушками въ печку.

— Откуда это?

— Барышни, вѣрно, курили.

— Не забудь, чтобъ рано была у меня Θεоктиста.

— Слушаю-сь.

Игуменья положила окурочекъ папиросы въ карманъ своей ряски.

— А Никита былъ здѣсь?

— Какъ же-съ.

— Я его и видѣть не успѣла. А ты сказала казначей, чтобъ отправила Татьянѣ на почту что я приказала?

— Виновата, запомнила-съ, завтра скажу. Плохо ей, Татьянѣ-то бѣдной. Мужа-то ея теперь въ пожарную команду перевели; все одна, недостатки, говорить, страшные терпеть.

— Бѣдная женщина.

— Да-съ. На васъ, говорить, только и надѣется. Грѣхъ, говорить, будетъ барышнѣ: я имъ всей душой служила, а онѣ и забыли. Таково-то, говорить, господское сердце.

— Врешь.

— Право. Никитушка сказывалъ, что очень обижается.

— Врешь, говорю тебѣ.—Къ брату давно поѣхали дать знать, что барышни прибыли?

— Передъ вторымъ звономъ Борисъ поѣхалъ.

— Отчего такъ долго собирался?

— Съѣдо, говорить, никуда не годится, никакой, говорить, сбруи нѣтъ. Подъ бабынмъ начальствомъ жить — лучше, говорить, камни ворочать. На весь житный дворъ зѣваль.

— Его ужъ давно пора со двора долой. А гусаръ не былъ?—совсѣмъ понизивъ голосъ, спросила игуменя.

— Нѣтъ-съ, нынче не было его. Я все смотрѣла, какъ народъ проходилъ и выходилъ, а только его не было: врать не хочу.

— То-то. Если ты только врешь на нее...

— Вотъ убей меня Богъ на семь мѣстъ!

— Ну, ужъ половину соврала. Я съ ней говорила и изъ глазъ ея вижу, что она ничего не знаетъ и въ помысленіи не имѣетъ.

— Да вѣдь я и не докладала, что она чѣмъ-нибудь тутъ причина, а я только...

— Врешь, докладывала.

— Нѣтъ, матушка, вѣрно говорю: не докладывала я ничего о ней, а только докладала точно, что онѣ это, какъ взойдетъ въ храмъ Божій, такъ уставить въ нее свои бѣлмы поганья и такъ и не сводить.

— Глядѣть никому нельзя запретить, а если другое что...

— Нѣтъ, другого прочаго до сихъ поръ точно, что ужъ не замѣчала, такъ не замѣчала, и грѣха брать на себя не хочу.

— А что Дороев!

— Трезвонить-сь.

— Г-мъ! усмирилась?

— Нѣтъ-сь. И ни вотъ капельной капельки.

— Все свое.

— Умру, говорить, а правду буду говорить. Миѣ, говорить, сработать на себя ничего некогда, пусть казначею за покупками посылаютъ. На то она, говорить, казначея. на то есть лошади, а я не кулъеръ какой-нибудь, чтобъ летать. Нравная женщина!

— Я ее успокою.

— Владыкѣ, говорить, буду жаловаться. Хочетъ въ другой монастырь проситься.

— Что-о! въ другой монастырь?

— Да-сь. Такъ рассуждала.

— Въ другой монастырь! А! ну, посмотримъ, какъ се переведутъ въ другой монастырь. Разуи меня и иди спать. — добавила игуменья.

Лиза повернулась на кровати и шепнула:

— Вонъ оно, мѣщанство-то!

— Да, — также шопотомъ отвѣчала Женни, и дѣвушки, завернувшись въ одѣяло, обнялись другъ съ другомъ.

А мать Агнѣ тихо вошла, перекрестила ихъ, поцѣловала въ головы, потомъ тихо перешла за перегородку, упала на колѣни и начала читать положенную монастырскимъ уставомъ полунощницу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Родныя липы.

Село Мерево отстоитъ сорокъ верстъ отъ губернскаго города и семь отъ уѣзднаго, въ которомъ отецъ Гловацкій служить смотрителемъ уѣзднаго училища. Село Мерево стоитъ на самой почтовой дорогѣ. Въ немъ около двухсотъ крестьянскихъ дворовъ, каменная церковь и два помѣщичьи дома. Одинъ изъ господскихъ домовъ, построенный на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки, принадлежитъ вдовѣ камергера Мерева, а другой, утопающій въ зелени сада, разросшагося на роскошной почвѣ лугового берега рѣки Рыбницы, кавалерійскому полковнику и мѣстному уѣздному предводителю дворянства Егору Николаевичу Бахареву. Деревня вытянута по обѣ стороны рѣки, и какъ разъ про-

тивъ сада Бахаревыхъ, доходящаго до самаго берега, черезъ рѣку есть мостъ.

Быль девятый часъ вечера. Если бъ я былъ поэтъ, да еще хорошій поэтъ, я бы непременно описалъ вамъ, каковъ былъ въ этотъ вечеръ воздухъ и какъ хорошо было въ такое время сидѣть на лавочкѣ подь высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, глядя на зеркальную поверхность тихой рѣки и запоздалыхъ овецъ, съ бляніемъ перебѣгавшихъ по опустѣвшему мосту. Кругомъ тихо, тихо, и все надвигается ступающійся сумракъ, а между тѣмъ какъ-то все видишь: только всѣ предметы принимаютъ какіе-то гигантскіе размѣры, какіе-то фантастическіе образы. Верстовой столбъ представляется великаномъ и совсѣмъ какъ будто идетъ, какъ будто вотъ-вотъ нагонитъ; надбрежная ракета смотритъ горою, и запоздалая овца, торопливо перебѣгающая по разошедшимся половицамъ моста, такъ хорошо и такъ звучно стучитъ своими копытками, что никакъ не хочется вѣрить, будто есть люди, равнодушные къ красотамъ природы, люди, способные то же самое чувствовать, сидя вечеромъ на каменномъ порожекѣ инвалиднаго дома, что чувствуешь только припоминая эти милыя, теплыя ночи, когда и сонная рѣка, покрываемая туманной дымкой, колеблющаяся возлѣ вашихъ ногъ луговая травка и коростель, дерущій свое горло на противоположномъ косогорѣ, говорятъ вамъ: мы всѣ одно, мы всѣ природа, будемъ тихи теперь, теперь такая пора тихая. Въ деревняхъ мало такихъ индифферентныхъ людей и то, всего чаще, это бываютъ или барышни, или барыни. Деревенскій человѣкъ, какъ бы ни мала была степень его созерцательности, какъ бы ни велики были гнетущія его нужды и заботы, всегда чутокъ къ тому, что происходитъ въ природѣ. Никогда онъ утромъ не приметъ къ сердцу извѣстнаго вопроса такъ, какъ приметъ его въ густыя сумерки или въ палящій полдень.

Итакъ, подь высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, надь самою рѣкою, была прилажена длинная дощатая скамейка, на которой теперь сидитъ цѣлое общество. Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, высокій, плотный мужчина, съ огромнѣйшими сѣдыми усищами, толстымъ славянскимъ носомъ, дѣтски веселыми и дѣтски простодушными голубыми глазами. На лѣвой щекѣ у него широкой бѣлый шрамъ отъ сабельнаго удара. Одѣтъ онъ въ голубую гусарскую

венгерку съ довольно полинялыми шнурами и въ форменной военной фуражкѣ. Онъ курить огромную нѣмецкую трубку, выпуская изъ-подъ своихъ сѣдыхъ, прокопченныхъ усовъ цѣлыя облака дыма, который по тихому вѣтерку прямо ползеть на лицо сидящихъ возлѣ Бахарева дамъ и отъ котораго дамы, ничего не говоря, безцеремонно отмахиваются платками. Въ колѣняхъ у него сидитъ старая левая сука, Сумбека, стоявшая будто бы когда-то тысячу рублей, которую Егору Николаевичу нѣсколько разъ за нее даже и давали, но ни разу не дали. Бахаревъ сидитъ вторымъ отъ края; справа отъ него помѣщаются четыре женщины и въ концѣ ихъ одна стоящая фигура мужескаго рода, а слѣва сидитъ очень высокій и очень тонкій человѣкъ, одѣтый совершенно такъ, какъ одѣваются польскіе ксендзы: длинный черный сюртукъ до пятъ, черный двубортный жилетъ и черныя панталоны, заправленные въ голенища козловыхъ сапожекъ, а по жилету часовой шнурокъ, сплетенный изъ русыхъ женскихъ волосъ. Онъ уже совсѣмъ сѣдъ, гладко выбритъ и коротко стриженъ. Въ живыхъ черныхъ глазахъ этого лица видно много уцѣлѣвшаго огня и нѣжности, а характерные заломы въ углахъ тонкихъ губъ говорятъ о силѣ воли и сдержанности. Это смотритель уѣзднаго училища, Петръ Лукичъ Гловацкій. Возлѣ Гловацкаго, заложивъ за спину руки, стоитъ вольнонаемный конторщикъ, мѣщанинъ Наркизь Θεодоровъ Перепелицынъ. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ, онъ полонъ, приземистъ, съ совершенно краснымъ лицомъ и синебагровымъ носомъ, вводящимъ всѣхъ въ заблужденіе насчетъ его склонности къ спиртнымъ напиткамъ, которыхъ Перепелицынъ не пьетъ отъ роду. Онъ въ синемъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и штанахъ бланжеваго трико. Слева стоитъ законная супруга предводителя, приобретенная посредствомъ ночного похищенія, Ольга Сергѣевна, въ бѣломъ чепцѣ очень стараго и очень своеобразнаго фасона, въ марселиновомъ темненькомъ платкѣ безъ кринолина и въ большомъ красномъ французскомъ платкѣ, въ который она безпрестанно самымъ тщательнымъ образомъ закутывала съ головы до ногъ свою сухошавую фигурку. Рядомъ съ матерью сидитъ старшая дочь хозяевъ, Зинаида Егоровна, второй годъ вышедшая замужъ за помѣщика Шатохина, очень недурная собою особа съ блѣдно-сахарнымъ лицомъ и капризною

верхнею губкою; потомъ матушка попадья, — очень полная женщина въ очень узкомъ темненькомъ платьѣ, и ея дочь, очень тоненькая, миловидная дѣвушка въ очень широкомъ платьѣ, а, наконецъ, Соня Бахарева. Она нѣсколько похожа на сестру Зину и нѣсколько напоминаетъ Лизу, но все-таки она болѣе сестра Зины, чѣмъ Лизы. У нея очень хорошіе каштановые волосы и очаровательный свѣженькій ротикъ. Вообще, это барышня, какихъ много: существо мелочно-самолюбивое, тирански-жестокое и сентиментально-мечтательное. Такое существо, которое, пока растетъ, такъ ничего въ немъ нѣтъ, а вырастетъ — станетъ ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ. Противъ Сони и дочери священника сидитъ на зеленой муравкѣ человекъ лѣтъ двадцати восьми или тридцати; на немъ парусинное пальто, такія же панталоны и пикейный жилетъ съ турецкими букетами, а на головѣ ветхая студенческая фуражка съ голубымъ околышемъ и просаленнымъ дномъ. Это кандидатъ юридическихъ наукъ Юстинъ Феликсовичъ Помада. Наружность кандидата весьма симпатична, но очень непрезентабельна: онъ невысокъ ростомъ, сутулъ, съ широкою впалой грудью, огромными руками и большою головою съ волосами самаго неопредѣленного цвѣта. Эта голова составляетъ самую рѣзкую особенность всей фигуры Юстина Помады: она у него постоянно какъ будто падаетъ и въ этомъ паденіи тянетъ его то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго на то соизволенія ея владѣльца.

Все это общество, сидя противъ меревского моста, ожидало нашихъ героинь, и нѣкоторые изъ его членовъ уже начинали терять терпѣніе.

— Вѣрно, не прійдутъ сегодня, — замѣтила матушка попадья, опасаясь, чтобы батрачка безъ нея не поставила квасить неочередный кубань.

— Очень можетъ быть, — поддержала ее Ольга Сергѣевна, по мнѣнію которой ни одинъ разумный человекъ вечеромъ не долженъ былъ оставаться надъ водою.

— Все этого не можетъ быть, — возразилъ Бахаревъ: — сестра пишетъ, что онѣ выйдутъ тотчасъ послѣ обѣда; — значитъ, ужъ если считать самое позднее, такъ это будетъ часа въ четыре, въ пять. Тутъ около пятидесяти верстъ; ну, пять часовъ проѣдутъ и будутъ.

— А можетъ-быть раздумали, — слабо возразила Ольга Сергѣевна.

— Не можетъ этого быть, потому что это было бы глупо, а Агнія дурить не охотница.

— Въ дорогѣ что-нибудь могло случиться скорѣе, — проговорилъ сквозь зубы Гловацкій.

— Это такъ; это могло случиться: лошади и экипажъ сдѣлали большую дорогу, а у Никитыпустосвята вѣтеръ въ банкѣ ходить, — не осмотрѣлъ навѣрное.

— Верхового не послать ли-съ навстрѣчу? — предложилъ Перепелицынъ.

— Ну... подождемъ часочекъ еще: если не будетъ ихъ, тогда нужно будетъ послать.

— Чѣмъ посылать, такъ лучше жъ самимъ ѣхать, — опять процѣдилъ Гловацкій.

— И то правда. Только если мы съ Петромъ Лукичемъ уѣдемъ, такъ ты, Нарцизь, смотри! Не моргай тутъ... дѣйствуй. Чтобъ все какъ говорилъ... понимаешь: хлопсъ-хлопсъ, и готово.

— Понимаю-съ.

— То-то, а то вѣдь тамъ, небось, въ носки жарять.

— Какъ можно-съ?

— Ну, да, толкуй: можно-съ... Эхъ, Зина, Алексѣя-то твоего нѣтъ!

— Да, нѣтъ, — простонала Зина.

— Чудакъ, право, какой! Семейная, можно сказать, радость, а онъ запропастился.

Зина глубоко вздохнула, склонила на бокъ головку и, скручивая пальчиками кисточку своей мантилии, печально обиженнымъ тономъ снова простонала:

— Я ужъ къ этому давно привыкла.

— Давно-о? — спросилъ старикъ.

— Да. Это всегда такъ. Стоить мнѣ пожелать чего-нибудь отъ мужа, и этого ни за что не будетъ.

— Что ты вздоръ-то говоришь, матушка! Алексѣй мужикъ добрый, честный, а ты ему жена, а не метресса какая-нибудь, что онъ тебѣ на зло все будетъ дѣлать.

— Какой ты странный, Егоръ Николаевичъ, — томно вмѣшалась Ольга Сергѣевна: — ужъ вѣрно женщина имѣетъ причины такъ говорить, когда говоритъ.

— Нѣтъ, это еще не вѣрно.

— Неужто же женщина, любящее, преданное, самоотверженное существо, станет лгать, выдумывать, клеветать на человека, съ которымъ она соединена неразрывными узами! Странны ваши сужденія о дочери, Егоръ Николаевичъ.

— А ваши еще страннѣе и еще вреднѣе. Дуйте, дуйте ей, сударыня, въ уши-то, что она несчастная, ну и въ самомъ дѣлѣ увидите несчастную. Москва вѣдь отъ грошовой свѣчи сгорѣла. Вы вотъ сегодня все выболтали ужъ, такъ и беретесь снова за старую пѣсню.

— Я не болтаю, какъ вы выражаетесь, и не дую никому въ уши, а я...

Но въ это время за горою послышались ритмическіе удары копытъ скачущей лошади и вслѣдъ за тѣмъ показался знакомый всадникъ, несшійся во весь опоръ къ спуску.

— Костикъ! — вскрикнулъ Бахаревъ, быстро поднимаясь въ тревогѣ со скамейки.

— Онъ-съ, — такъ же тревожно отвѣчалъ конторщикъ.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и торопливо пошли къ мосту.

Между тѣмъ фореиторъ Костикъ, проскакавъ половину моста, замѣтилъ господъ и, поднявъ фуражку, кричалъ:

— Ыдутъ! Ыдутъ!

— Ыдутъ? Гдѣ ѣдутъ? — спрашивалъ Бахаревъ, теряясь отъ волненія.

— Сейчасъ ѣдутъ, за меревскими овинами ужъ.

— А! за овинами... Боже мой!.. Смотри, Нарцизь... ахъ, Боже... — и старикъ побѣжалъ рысью по мосту, вдогонку за Гловацкимъ, который уже шагаль на той сторонѣ рѣки, наискось по направленію къ довольно крутому спиралеобразному спуску.

Дамы шли тоже такъ торопливо, что Ольга Сергѣевна, нѣсколько разъ споткнувшись на подолѣ своего длиннаго платья, наконецъ пріостановилась и, обратясь къ младшей дочери, сказала:

— Миѣ неловко совсѣмъ идти съ Матузалевной, понеси ее, пожалуйста, Сонечка. Да нѣтъ, ты ее задушишь; ты все это какъ-то такъ дѣлаешь, Богъ тебя знаетъ! Саша, дружочекъ, понесите, пожалуйста, вы мою Матузалевну.

Священническая дочь приняла изъ-подъ шали Ольги Сергѣевны бѣлую кошку и положила ее на свои руки.

— Осторожнѣй, дружочекъ, она не такъ здорова, — скоро-

говоркою добавила Ольга Сергѣевна и, приподнявъ передъ своего платья, засѣменила вдогонку за опередившими ее дочерьми и попадею.

Кандидата уже не было съ ними. Увидѣвъ бѣгущихъ стариковъ, онъ самъ не выдержалъ и, не размышляя долго, во всѣ лопатки ударился навстрѣчу ѣдущимъ.

Три лица, бросившіяся на гору, всѣ разбились другъ съ другомъ. На половинѣ спуска, отдуваясь и качаясь отъ одышки, стоялъ Бахаревъ, стараясь разстегнуть скорѣе шнуры своей венгерки, чтобы вдохнуть болѣе воздуха; немного впереди его торопливо шелъ Гловацкій, но тоже безпрестанно спотыкался и задыхался. Немощная плоть стариковъ плохо повиновалась бодрости духа. Зато Помада, уже преодолевъ самую большую крутизну горы, настоящимъ орловскимъ рысакомъ неся по болѣе отлогой косинѣ верхней части спуска. Онъ ни на одно мгновенье не призадумался, что онъ скажетъ дѣвушкамъ, которыя его никогда не видали въ глаза и которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Завидя впереди на дорогѣ двѣ бѣлѣвшіяся фигуры, онъ удвоилъ рысь и въ одно мгновенье сталъ противъ дѣвушекъ, нѣсколько испуганныхъ и еще болѣе удивленныхъ его появленіемъ.

— Здравствуйте!--сказалъ онъ, задыхаясь, и загѣмъ не могъ вспомнить ни одного слова.

— Здравствуйте,—растерянно отвѣчали дѣвицы.

Помада снялъ фуражку, обтеръ ея дномъ раскрасѣвшееся лицо и совсѣмъ растерялся.

— Кто вы?—спросила Лиза.

— Я?... Тутъ ждуть... идутъ вотъ сейчасъ... идите...

— Кто? гдѣ ждетъ?

— Ваши.

Дѣвушки пошли, за ними пошелъ молча Помада, а сзади ихъ, изъ-за перваго поворота спуска, заскрипѣлъ заторможеннымъ колесомъ тарантасъ.

— Евгений! дочь! Женичка! — раздалось впереди, и изъ окружающей ночной темноты выдѣлилась длинная фигура.

Гловацкая отгадала отцовскій голосъ, вскрикнула, бросилась къ этой фигурѣ и, охвативъ своими античными руками худую шею отца, плакала на его груди тѣми слезами, которыми, по сказанію нашего народа, ангелы Божіи радуются на небесахъ. И ни Помада, ни Лиза, безотчетно остановив-

шіеся въ молчаніи при этой спѣтѣ, не замѣтили, какъ къ нимъ колтыхалъ ускореннымъ, но не скорымъ шагомъ, Бахаревъ. Онъ не могъ ни слова произнестъ отъ удушья и, не добѣжавъ пяти шаговъ до дочери, сдѣлалъ надъ собой отчаянное усиліе. Онъ какъ-то прохрипѣлъ: «Лизокъ мой!»— и, прежде чѣмъ дѣвушка успѣла сдѣлать къ нему шагъ, споткнулся и упалъ прямо къ ея ногамъ.

— Папа, милый мой, вы зашиблись?—спрашивала Лиза, наклонясь къ отцу и обнимая его.

— Нѣтъ... ничего... споткнулся... старъ становлюсь,—лепеталъ эксъ-гусаръ голосомъ, прерывающимся отъ радостныхъ слезъ и удушья.

— Вставайте же, милый вы мой.

— Постой... это ничего... дай мнѣ еще поцѣловать твои ручки, Лизокъ... Это... ничего... охъ!

Бахаревъ стоялъ на колѣняхъ на пыльной дорогѣ и цѣловалъ дочернины руки, а Лиза, опустившись къ нему, цѣловала его сѣдую голову. Обѣ пары давно-давно не были такъ счастливы и обѣ плакали. Между тѣмъ подошли дамы, и пріѣзжія дѣвушки стали переходить изъ объятій въ объятія. Старики, прійдя въ себя послѣ перваго волненія, обняли другъ друга, поцѣловались, опять заплакали, и все общество, осыпая другъ друга разспросами, шумно отправилось подъ гору. Въ всякой радости и въ всякаго вниманія оставался одинъ Юстинъ Помада, шедшій нѣсколько въ сторонѣ, пошевеливая по временамъ свою пропотѣвшую подъ масляной фуражкой куафюру.

У самаго моста, гдѣ кончался спускъ, общество нагнало тарантасъ, возлѣ котораго стояла Марина Абрамовна, глядя, какъ Никитушка отцѣплялъ отъ колеса тормозъ, прилаженный еще по допотопному манеру.

— Здорово, ребятки!—крикнулъ Егоръ Николаевичъ, поровнявшись съ тарантасомъ.

— Здравствуйте, батюшка Егоръ Николаевичъ,—отозвались Никитушка и Марина Абрамовна, устремляясь поцѣловать барскую руку.

— Здравствуй, Марина Мнишекъ, здравствуй, Никита Пустосвятъ,—говорилъ Бахаревъ, цѣлуясь съ слугами.—Какъ ѣхали?

— Ничего, батюшка, ѣхали слава Богу.

— Ну, фхали, такъ и поѣзжайте. Маршъ! — скомандовалъ онъ.

Тарангасъ поѣхалъ, стуча по мостовинамъ; господа пошли сбоку его по лѣвую сторону, а Юстинъ Помада съ неопредѣленнымъ чувствомъ одиночества, неумолчно вопиющимъ въ человѣкѣ при видѣ людскаго счастья, безотчетно перешелъ на другую сторону моста и, крутя у себя передъ носомъ сорванный стебелекъ подорожника, брель одинокого, смотря на мѣрную выступку усталой пристяжной.

«Что жъ,—размышлялъ самъ съ собою Помада.—Стоить вѣдь вытерпѣть только. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ на мою долю таки-такъ ужъ никакой радости, никакого счастья. Отчего?.. Жизнь, люди, встрѣчи, вѣдь разныя встрѣчи бываютъ!.. Случай какой-нибудь неожиданный... вѣдь бываютъ же всякіе случаи...»

Эти размысленія Помады были неожиданно прерваны молніей, блеснувшей справа изъ-за частокола бахаревского сада и раздавшимся тотчасъ же залпомъ изъ пяти ружей. Лошади храпнули, метнулись въ сторону и прежде чѣмъ Помада могъ что-нибудь сообразить, взвившаяся на дыбы пристяжная подобрала его подъ себя и, обломивъ утлыя перила, вмѣстѣ съ нимъ свалилась съ моста въ рѣку.

— Что такое? что такое? Рѣжьте скорѣй постромки!—крикнулъ Бахаревъ, подскочивъ къ испуганнымъ лошадямъ и держа за поводъ дрожащую коренную, между тѣмъ какъ упавшая пристяжная барахталась, стоя по брюхо въ водѣ, съ оторваннымъ поводомъ и одною только постромкою. Набѣжали люди, благополучно свели съ моста тарангасъ и вывели, не входя вовсе въ воду, упавшую пристяжную.

— Водить ее, водить теперь, гонять; она напилась воды горячая!—кричалъ старый кавалеристъ.

— Слушаемъ, батюшка, погоняемъ.

— Слушаемъ! что надѣлали? Черти?

— Мы, Егоръ Николаевичъ, выслушамши ваше приказаніе...

— Что приказаніе?—кричалъ разсерженный и сконфуженный старикъ.

— Такъ какъ было ваше на то приказаніе.

— Какое мое приказаніе? Такого приказанія не было.

-- Выпалить приказывали-сь.

— Выпалить, — ну, что же! Гдѣ я приказывалъ выпалить? Я приказалъ салютъ сдѣлать, какъ съ моста съѣдутъ, а вы...

— Не спопанились, Егоръ Николаевичъ.

Тѣмъ и кончилось дѣло на чистомъ воздухѣ. Въ большой свѣтлой залѣ сконфуженнаго Егора Николаевича встрѣтилъ улыбающійся Гловацкій.

— Ну, что, обморокъ небось? — спросилъ его вполголоса Бахаревъ.

— Ничего, ничего, — отвѣчалъ Гловацкій: — все ужъ прошло; дѣти умываться пошли. Все прошло.

— Ну-у, — Бахаревъ перекрестился, и проговоривъ: — слава въ вышнихъ Богу, что на землѣ миръ, — бросилъ на столъ свою фуражку.

— Угораздило же тебя выдумать такую штуку; хорошо, что тѣмъ все и кончилось, — смѣясь, замѣтилъ Гловацкій.

— И не говори лучше! Чортъ ихъ зналъ, что они и этого не сумѣютъ.

— Да этого нужно было ожидать.

— Ну, полно, — знаешь: и на Машку бываетъ промашка. Пойдемъ-ка къ дѣтямъ. А дѣти-то!

— Что дѣти?

— Большая совсѣмъ.

— Дождались, Петръ Пустынникъ.

— Дождались, драбантъ, дождались.

Старики пошли коридоромъ на женскую половину и просидѣли тамъ до полночи. Въ двѣнадцать часовъ поужинали, повторивъ полный обѣдъ, и разошлись спать по своимъ комнатамъ. Во всемъ домѣ разомъ погасли все огни и все заснули мертвымъ сномъ, кромѣ одной Ольги Сергѣевны, которая долго молилась въ своей спальнѣ, потомъ внимательно осмотрѣла въ ней все закоулочки и, отзыбнувъ дверь въ комнату прѣхавшихъ дѣвицъ, тихонько проговорила:

— Лизочка, нѣтъ ли у тебя моей Матузалеvны?

Но Лизочка уже спала, какъ убитая, и, къ крайнему затрудненію матери, ничего ей не отвѣтила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Университетскій антикъ прошлаго десятилѣтія.

Какъ только кандидатъ Юстинъ Помада припелъ въ состояніе, въ которомъ былъ способенъ сознать, что въ

самомъ дѣлѣ въ жизни бываютъ неожиданныя и довольно странныя случаи, онъ отодвинулся отъ мокрой сваи и хотѣлъ идти къ берегу, но жестокая боль въ плечѣ и въ боку тотчасъ же остановила его. Онъ снова охватилъ ослизшую, мокрую сваю и, прислонясь къ ней лбомъ, остановился въ почти безчувственномъ состояніи. Платье его было все мокро; онъ стоялъ въ холодной водѣ по самый животъ, и ноги его крѣпко увязли въ илистой грязи, покрывающей дно Рыбницы. На небѣ начинало сѣрѣть и по водѣ закрутился легонькій парокъ. Помада дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ удержать прыгающихъ челюстей; а въ головѣ у него и стучало, и звенѣло, и все сознавалось какъ-то смутно и неясно. Бѣднякъ то забывался, то снова вспоминалъ, что онъ въ рѣкѣ, изъ которой ему надо выйти и идти домой. Но тутъ, при первой же попыткѣ вывязить затянутыя иломъ ноги, несносная боль снова останавливала его, и онъ снова забывался. Наконецъ, кандидатъ собралъ свои послѣднія силы и, не покидая сваи, началъ потихоньку высвобождать свои ноги. Мало-по-малу онъ вытянулъ изъ пла одну ногу, потомъ другую, и наконецъ, стиснувъ отъ боли зубы, сдѣлалъ одинъ шагъ, потомъ ступилъ еще десять шаговъ и выбрелъ на берегъ. Ступивъ на землю, Помада остановился, потрогалъ себя за лѣвое плечо, за ребра и опять двинулся; но, дойдя до моста, снова остановился. Оглянувъ свой костюмъ и улыбнувшись, Помада проговорилъ:

— Какъ есть чортъ изъ болота, — и, вздохнувъ, пошелъ по направленію къ дому камергерши Меревой.

На господскомъ дворѣ еще все спало. Только старая леваая собака, стоявшая у коновязи, передъ которою чистили лошадей, увидя входящаго кандидата, зѣвнула, сторбилась, потомъ вытянулась и опять стала укладываться, выбирая посуше мѣстечко на росной травѣ. Дворъ, принадлежащій къ дому камергерши, былъ не изъ модныхъ, не изъ новыхъ помѣщичьихъ дворовъ. Онъ былъ очень великъ, но со всѣхъ сторонъ обнесенъ различными хозяйственными строеніями. Большой одноэтажный домъ, немножко похожій снаружи на уѣздную городскую больницу, занималъ почти цѣлую сторону этого двора. Окна парадныхъ комнатъ дома выходили на гору, на которой былъ разбитъ новый англійскій садъ, и подъ ней катилась свѣтлая Рыбница, а всѣ жилия и

вообще непарадные комнаты смотрѣли на дворъ. Тутъ же со двора были построены въ рядъ четыре подъѣзда: парадный, съ котораго былъ ходъ на мужскую половину, женскій чистый, женскій черный и, наконецъ, такъ-называемый ковровый подъѣздъ, которымъ ходили въ комнаты, занимаемая постоянно швеями, кружевницами и коверщицами, экстренно—гостями женскаго пола и приживалками. По лѣвой сторонѣ двора, прямо противъ воротъ, тянулся рядъ службъ; тутъ были конюшни, денники, сараи, ледникъ, погребъ и нѣсколько амбаровъ. Какъ разъ противъ дома, по ту сторону двора, тянулась длинная рѣшетка, отгораживавшая дворъ отъ стараго сада, а съ четвертой стороны двора стояла кухня, прачечная, людская, контора, ткацкая и столярная. Всѣ эти заведенія помѣщались въ трехъ флигеляхъ, по два въ каждомъ. Всѣ три флигеля были, что называется, ростъ въ ростъ, колосъ въ колосъ и голосъ въ голосъ. Фундаменты сѣрые, стѣны желтыя, оконницы бѣлыя, крыши красныя. Три окна въ рядъ, посрединѣ крыльцо, и опять три окна.

Въ одномъ изъ этихъ флигелей обиталъ Юстинъ Помада. Онъ занималъ два дощатые чуланчика въ флигелѣ, вмѣщавшемъ контору и столярную.

Стѣдуетъ рассказать, какъ Юстинъ Помада попалъ въ эти чуланчики, а при этомъ рассказать кое-что и о прошедшемъ кандидата, съ которымъ мы еще не разъ встрѣтимся въ нашемъ романѣ.

Юстинъ Помада происходилъ отъ польскаго шляхтичи Феликса Антонова Помады и его законной жены Констанці-Августовны Помады. Отецъ кандидата, прикосновенный какъ кимъ-то бокомъ къ польскому возстанію 1831 года, былъ сосланъ съ женою и малолѣтнимъ Юстиномъ въ одинъ изъ великороссійскихъ губернскихъ городовъ. Феликсъ Помада былъ человѣкъ очень добрый, но довольно пустой. Долго онъ не находилъ себѣ въ ссылкѣ никакого занятія. Наконецъ-то, наконецъ онъ какъ-то опредѣлился писаремъ въ магистратъ и побиралъ тамъ маленькія, невинныя взяточки, которыя, не столько по любви къ пьянству, сколько по слабости характера, тотчасъ же послѣ присутствія пропивалъ съ своими магистратскими товарищами въ трактирѣ «Адріанополь» купца Лямина. Всю семью содержала мать Юстина. Молодая, еще очень хорошенькая женщина и очень

нѣжная мать, Констанція Помада съ горемъ видѣла, что на мужа ни ей, ни сыну надѣяться нечего, сообразила, что слезами здѣсь ничему не поможешь, а жалобами еще того менѣе и стала изобрѣтать себѣ профессію. Она умѣла довольно скоро и бойко играть на фортепіано легкія вещицы, и особенно знала танцевальную музыку: это она и сдѣлала своимъ ремесломъ. Днями она бѣгала по купеческимъ домамъ, давая полтинные уроки толстоногимъ дочерямъ русскаго купечества, а по вечерамъ часто играла за два цѣлковыхъ на балахъ и танцевальныхъ вечеринкахъ у того же купечества и вообще у губернскаго *demi-mond'a*. Въ городѣ даже славилась ея мазурки и у нея постоянно было столько работы, что она одними своими руками могла пропитать пьянаго мужа и маленькаго Юстина. По одиннадцатому году, она записала сына въ гимназію и содержала его всѣ семь лѣтъ до окончанія курса, освобождаясь по протекціи предводителя только отъ вноса пяти рублей въ годъ за сынино ученіе. Феликсъ Помада умеръ отъ перепоя, когда сынъ его былъ еще въ третьемъ классѣ; но его смерть не произвела никакого ущерба въ труженическомъ бюджетѣ вдовы, и она, собирая зернышко къ зернышку, успѣла накопить около ста рублей, назначавшихся на отправку Юстина въ харьковскій университетъ. Въ Харьковѣ у вдовы былъ братъ, служившій чѣмъ-то по винному откупу. Къ нему и былъ отправленъ восемнадцатилѣтній Юстинъ съ гимназическимъ аттестатомъ, письмомъ, облитымъ материнскими слезами, ста рублями и тысячею благословеній. Проводивъ сына, мать Помады взяла квартиру еще потѣнѣе и еще болѣе обрѣзала свои расходы. Все она гоношила, чтобы хоть время отъ времени послать что-нибудь своему милому Юськѣ. Но не велики были и вообще-то ея достатки, а съ отъездомъ Юстина они и еще стали убавляться. Молодое купечество и юный *demi-monde* стали замѣчать, что «портится Помада; выдохлась», что нѣтъ въ ея игрѣ прежней удалы, пружиняго огня. И точно, словно какіе-то болѣзненные стоны прорывались у нея иной разъ въ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ залихватскихъ любовныхъ мазуркахъ танцоровъ, а къ тому же еще въ городъ пріѣхалъ молодой гаперь-пѣмецъ; началась конкуренція, отодвинувшая вдову далеко на задній планъ, и она черезъ два года послѣ отъѣзда Юстина тихо скончалась, шепча горячую молитву за

сына. Юстину въ Харьковѣ жилось трудно, но занимался онъ съ страшнымъ усердіемъ. Юридическій факультетъ, по которому онъ подвизался, въ то время въ Харьковѣ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, и Юстинъ Помада долженъ былъ многое брать самъ, копаясь въ источникахъ. Жилъ онъ у дяди въ каморкѣ, иногда обѣдалъ, а иногда нѣтъ, участія не видалъ ни отъ кого и былъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ за свою неуклюжесть и необычайную влюбчивость, обыкновенно весьма неудачную. Уроковъ Помада никакъ не могъ набрать и имѣлъ только два урока въ домѣ богатаго купца Конопатина, который платилъ ему восемь рублей въ мѣсяць за работу съ восемью безтолковыми ослятами.

Это составляло всѣ доходы Помады, и онъ былъ весьма этимъ доволенъ. Онъ былъ, впрочемъ, вѣчно всѣмъ доволенъ, и это составляло, въ одно и то же время, и отличительную черту его характера, и залогъ его счастья въ несчастіи.

Юстинъ Помада только одинъ разъ горевалъ во все время университетскаго курса. Это было, когда онъ получилъ отъ стараго друга своей матери письмо за черной печалью, а тяжелой посылкой образокъ Остробрамской Божіей Матери, Которой его поручала, умирая, покойная страдалица. Но потомъ опять все пошло своимъ порядкомъ по-старому. Юстинъ Помада ходилъ на лекціи, давалъ уроки и былъ снова тѣмъ же дѣтски-наивнымъ и безпечнымъ «Корнишонкомъ», какимъ его всегда знали товарищи, давшіе ему эту кличку. Въ основѣ его безпечности лежала непоколебимая вѣра въ судьбу, поддерживавшая въ немъ самыя неясныя и самыя смѣлыя надежды.

— Все это вздоръ передъ вѣчностью, — говорилъ онъ товарищамъ, указывавшимъ ему на худой сапогъ или лопнувшій подъ мышкою сюртукъ.

Помада оставался спокойнымъ даже тогда, когда инспекторъ, завидѣвъ его лопнувшій сюртукъ, командовалъ ему:

— Извольте отправиться на двое сутокъ въ карцеръ за этотъ безпорядокъ.

Такъ Юстинъ Помада окончилъ курсъ и получилъ кандидатскій дипломъ.

Надо было куда-нибудь пристраиваться. На первый разъ это очень поразило Помаду. Потомъ онъ и здѣсь успокоился,

рѣшили, что пока онъ еще поживетъ уроками, «а тѣмъ временемъ что-нибудь да подвернется».

И точно, «тѣмъ временемъ» подвернулась вотъ такая оказія. Встрѣтилъ Помаду на улицу тотъ самый инспекторъ, который такъ часто сажалъ его въ карцеръ за прорванный подъ мышками сюртукъ, да и говоритъ:

— Не хотите ли вы мѣста братъ? Очень, очень хорошее мѣсто: у очень богатой дамы одного мальчика приготовить въ пажескій корпусъ.

Юстинъ Помада такъ и подпрыгнулъ. Не столько его обрадовало мѣсто, сколько нечаянность этого предложенія, въ которой онъ видѣлъ давно ожидаемую имъ заботливость судьбы. Мѣсто было точно хорошее: Помадѣ давали триста рублей, помѣщеніе, прислугу и все содержаніе у помѣщицы, вдовы камергера, Меровой. Онъ мигомъ собрался и «попиль» себѣ «цивильный» сюртукъ, «брюндели», пальто и отправился, какъ говорятъ въ Харьковѣ, «въ Россію», въ извѣстное намъ село Мерево.

Это было за семь лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мы встрѣтились съ Юстиномъ Помадою подъ частоколомъ бахаревского сада.

Два года промелькнули для Помады какъ одинъ день счастливый. Другой, въ его положеніи, можетъ-быть, нашелъ бы много неприятнаго, другого задѣвали бы и высокомерное, нѣсколько презрительное третированіе камергерши, и совершенное игнорированіе его личности жирнымъ управителемъ изъ дворовыхъ, и холопское нахальство камергерской прислуги, и неумѣстныя шутки барченка, но Помада ничего этого не замѣчалъ. Его плѣняли поля, то цвѣтушія и колеблющіяся переливами зрѣющихъ хлѣбовъ, то блестящія дѣвственною чистотою бѣлаго сѣнга, и онъ жилъ да поживалъ, любя эти поля и читая получившіяся въ камергерскомъ домѣ, по заведенному изстари порядку, журналы, которыхъ, тоже по изстари заведенному порядку, никто въ цѣломъ домѣ никогда не читалъ. А «тѣмъ временемъ» ученикъ Помады пришелъ въ подобающій возрастъ, и толстый управитель сталъ собираться въ Петербургъ для представленія его въ пажескій корпусъ. Старуха камергерша давно никуда не выѣзжала и почти никого не принимала къ себѣ, находя всѣхъ сосѣдей людьми, недостойными ея знакомства. Съ нею жили три компань-

онки, внучекъ, котораго приготавлилъ къ корпусу Помада, и внучка, дѣвочка лѣтъ семи. Мать этихъ дѣтей, разставшись съ мужемъ, вѣтрилась гдѣ-то за границей и о ней здѣсь никто не думалъ.

Съ отъездомъ ученика въ Питеръ, Помада было опять призадумался, что съ собой дѣлать, но добрая камергерша позвала его какъ-то къ себѣ и сказала:

— Monsieur Pomada! Если вы не имѣете никакихъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ себя, то не хотите ли вы пока заняться съ Леночкой? Она еще мала, серьезно учить ее рано еще, но вы можете ее такъ, шутя... ну, понимаете... поучивать, читать ей чистописаніе... Я, право, дурно говорю по-русски, но вы меня понимаете?

Помада отозвался, что совершенно понимаетъ, и остался читать дѣвочкѣ чистописаніе.

«А тѣмъ временемъ,—думалъ онъ,—что-нибудь и опять трафится».

Такъ опять уплылъ годъ и другой, и Юстинъ Помада все читалъ чистописаніе. Въ это время камергерша только два раза имѣла съ нимъ разговоръ, касавшійся его личности. Въ первый разъ, черезъ годъ послѣ отправленія внучка, она объявила Помадѣ, что она приказала управителю расчесть его за прошлый годъ по сту пятидесяти рублей, прибавивъ при этомъ:

— Вы сами, monsieur Помада, знаете, что за Леночку нельзя платить столько, сколько я платила за Теодора.

А во второй разъ, опять черезъ годъ, она сказала ему, что намѣрена освѣжить стѣны въ домѣ новыми бумажками и потому просить его перейти на нѣкоторое время въ конторскій флигель. Юстина Помаду перевели въ два дощатые чулана, устроенные при столярной въ конторскомъ флигелѣ, и такъ онъ тутъ и остался на застойной, несмотря на то, что стѣны его бывшихъ комнатъ въ домѣ уже второй разъ подговаривались, чтобы ихъ послѣ трехъ лѣтъ снова освѣжили бумажками. А «тѣмъ временемъ» въ село перевели новаго священника съ молодой дочкой. Бахаревъ лѣтомъ сталъ жить въ деревнѣ, Помада познакомился съ нимъ на охотѣ и сдѣлался ежедневнымъ собесѣдителемъ бахаревского дома. И семья священника, и семья Бахарева не питали къ Помадѣ особеннаго расположенія, но привыкли къ нему какъ-то и считали его своимъ человѣкомъ. Помада

былъ этимъ очень доволенъ и, по нѣжности своей природы, на-смерть привязался ко всѣмъ членамъ этихъ семействъ совершенно безразлично привязанностью. Онъ любилъ и самого прямодушнаго Бахарева, и его пискливую половину, и слабонервную Зину, и пустую Софи, и матушку попадью, и веселаго отца Александра, посвящавшаго все свое свободное время изобрѣтенію *perpetuum mobili*. Особымъ расположеніемъ Помады пользовался только одинъ уѣздный врачъ, Дмитрій Петровичъ Розановъ, лѣкаръ *cum eukimia laude*. Онъ былъ лѣтъ на пять старѣе кандидата, составилъ себѣ въ уѣздѣ весьма мудреную репутацію и имѣлъ неотразимый авторитетъ надъ Юстиномъ Помадой. Помада часто съ нимъ споривалъ и возмущался противъ его «грубыхъ положеній», но очень хорошо зналъ, что послѣ его матери Розановъ единственное лицо въ мірѣ, которое его любитъ, и самъ любилъ его безъ мѣры. Управитель ненавидѣлъ Помаду Богъ вѣсть за что, и дворня его тоже не любила. Даже столярный ученикъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ Епифанька, отряженный для услугъ Помадѣ, ненавидѣлъ его отъ всего сердца и повиновался только изъ страха, что неравно наѣдетъ лѣкаръ и оттаскаетъ его, Епифаньку, за виски. Кого бы вы ни спросили о Помадѣ, какой онъ человѣкъ,—старъ и малъ отвѣтитъ только: «такъ, изъ поляковъ», и словно въ этомъ «изъ поляковъ» высказывалось категорическое обвиненіе Помады въ такомъ проступкѣ, послѣ котораго о немъ ужъ и говорить не стоило. А въ существѣ-то Помаду никакъ нельзя было и назвать полякомъ. Выросши въ Россіи и воспитавшіеся въ русскихъ училищахъ, онъ былъ совершенно русскій и даже самъ не считалъ себя полякомъ. Отецъ на него не имѣлъ никакого вліянія, и если что въ немъ отражалось отъ его дѣтской семейной жизни, то это развѣ вліяніе матери, которая жила вѣчными упованіями на справедливость рока.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранила все дѣтскую вѣру.

Но какъ бы тамъ ни было, а только Помаду въ меревскомъ дворѣ такъ ни за что, ни про что, а никто не любилъ. До такой степени не любили его, что когда онъ, протавившіеся мокрый по двору, простоналъ у двери: «отворите,

Бога ради, скорѣе», столяръ Алексѣй, слышавшій этотъ стонъ съ перваго раза, заставилъ его простонать еще десять разъ, прежде чѣмъ протянулъ съ примостка руку и отсунулъ клямку.

— Епифаньку, сдѣлай милость, пошли, Алексѣй, — простоналъ снова Помада, перенося за порогъ ногу.

— Спать Епифанька. Гдѣ теперь вставать ребенку, — отвѣчалъ столяръ, посылающій этого же Епифаньку ночью за шесть верстъ къ своей разлапушкѣ.

— Побуди, Бога ради, — я расшибся на-смерть.

— Гдѣ такъ?

— О, Господи! Да полно тебѣ разспрашивать, — побуди, говорю.

Столяръ сталъ чесаться, а Помада вошелъ въ свои апартаменты.

Въ первой комнатѣ, имѣвшей три шага въ квадратѣ, у него стоялъ ушатъ съ водой, плетеный стулъ съ продавленной плетенкой и мочальная швабра. Тутъ же выходило устье варистой печи, задернутое полоской диконькаго, пестраго ситца, навѣшеннаго на шнурочкѣ. Во второй комнатѣ стояла желтая, деревянная кровать, покрытая кашемировымъ одыаломъ, съ одною подушкою въ довольно грязной наволочкѣ, черный столикъ съ большою круглою чернильницею сняго стекла, полки съ книгами, три стула и старая, довольно хорошая отоманка, на которой обыкновенно, заѣзжая къ Помадѣ, спалъ лѣкаръ Розановъ.

Кандидатъ, какъ вошелъ, такъ и упалъ на кровать и громко вскрикнулъ отъ ужасной боли въ плечѣ и колѣнѣ.

Долго лежалъ онъ, весь мокрый, охая и стоная, прежде чѣмъ на порогѣ показался Епифанька и недовольнымъ тономъ пробурчалъ:

— Чтò вамъ нужно?

— Гдѣ ты бываешь, паршивый? — сквозь зубы проговорилъ Помада.

— Гдѣ? Напрасно не сидѣлъ для васъ всю ночь.

— Стащи съ меня сапоги.

Мальчикъ глянулъ на сапоги и сказалъ:

— Гдѣ это такъ вобрались?

— Я расшибся; погише, Бога ради.

Вволю накричался Помада, пока его раздѣлъ Епифанька, и упалъ безъ памяти на жесткій тюфякъ.

Въ обѣдъ пришла костоправка, старушка - однодворка. Стали будить Помаду, но онъ ничего не слышалъ. У него былъ глубокой обморокъ, вслѣдъ за которымъ почти непосредственно начался жестокой бредъ и страшный пароксизмъ лихорадки.

Такое состояніе у больного не прекращалось цѣлыя сутки; костоправка растерялась и не знала, что дѣлать. На другое утро доложили камергерикъ, что учитель ночью гдѣ-то расшибся и лежитъ теперь безъ ума, безъ разума. Та испугалась и послала въ городъ за Розановымъ, а между тѣмъ старуха, не предвидя никакой возможности разобрать, что дѣлается въ плечевомъ сочлененіи подъ высоко-поднявшеюся опухолью, все «вспаривала» больному плечо разными травками да муравками. Не нашли Розанова въ городѣ, — былъ гдѣ-то на слѣдствіи, а Помада все оставался въ прежнемъ состояніи, переходя изъ лихорадки въ обморокъ, а изъ обморока въ лихорадку. И страшно стоналъ онъ, и хотѣлось ему метаться, но при первомъ движеніи нестерпимая боль останавливала его, и онъ снова впадалъ въ безпамятство.

На третью сутки, въ то самое время, какъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, возсѣдая за прощальнымъ завтракомъ, по случаю отъѣзда Женни Гловацкой и ея отца въ уѣздный городокъ, вспомнилъ о Помадѣ, Помада въ первый разъ пришелъ въ себя, открылъ глаза, повелъ ими по комнатѣ и, посмотрѣвъ на костоправку, заснулъ снова. До вечера онъ спалъ спокойно, и вечеромъ, снова проснувшись, попросилъ чаю.

Ему подали чай, но онъ не могъ поднять руки, и старуха поила его съ блюда.

— Что, Николаевна? — проговорилъ онъ, обращаясь къ давно ему знакомой костоправкѣ.

— Что, батюшка?

— Худо мнѣ, Николаевна.

— Ничего, батюшка, пройдетъ, — и не то, да проходить.

— А что у меня такое?

— Ничего, родной.

— Сломано что, или свихнуто?

— Опухъ очень большой, кормилецъ, ничего знать подъ нимъ, подъ опухомъ-то, нельзя.

— Гдѣ опухоль? — тихо спросилъ Помада.

— Да вот плечико-то, видишь, какъ разнесло.

— А!

— Да, вздумшись все.

Большой снова завель глаза, но ему ужъ не спалось.

— Николавна!—позвать онъ.

— Что, батюшка?

— Ты за мной хорошо глядѣла?

— Какъ же не глядѣть!

— То-то. Я тебя за это награждать желаю.

— Спасибо, кормилецъ. Я здли всякаго, здли всякаго
завсегда готова, что только могу...

— Я тебѣ штаны подарю,—тихо перебилъ ее съ легкой
улыбкой Помада.

— Штаны-ы?—спросила старуха.

— Да. Суконныя,—важныя штаны, со штрипками.

— На что мнѣ твои штаны?

— Зимой будешь ходить. Я тебя научу, что тамъ пере-
дѣлать придется. Теплынь будетъ!

— Охъ ты!

— Чего?

— Полно. Нѣшъ я изъ корысти какой! А то взаправду
хоть и подари: я себѣ безрукавочку такую, курточку сошью;
подари. Только я, вѣдь, не изъ-за этого. Я что умѣю, тѣмъ
завсегда готова.

— Да жаль, что ничего не умѣешь-то.

— Ну,—что умѣю, родной.

— Да что жъ умѣешь? Вонъ видишь, говоришь: «опухъ
великъ», ничего не разберешь, значить.

— Точно, опухъ ужъ очень вздулся, великъ.

— Ахъ!

Помада вздохнулъ и хотѣлъ повернуться лицомъ къ стѣнѣ,
но боль его удержала и онъ снова остался въ прежнемъ
положеніи.

Наступила и ночь темная. Старуха зажгла свѣчку и
усѣлась у столика. Помада вспомнилъ мать, ея ласки теп-
лая, веселую жизнь университетскую, и скучно, скучно ему
становилось.

«Что же это, однако, будетъ со мной?» — думалъ онъ и
спросилъ:

— А что со мною будетъ, Николавна?

— Ничего, милый, — дохтарь завтра, бають, прїдетъ.
Онъ сичась узнаеть.

— Онъ, значитъ, больше твоего знаетъ?

— Ну,—ученые люди, или мы?

— А ты-то что со мной дѣлала?

— Вспаривала,—что жъ еще дѣлать? Опухъ великъ, ничего нельзя дѣлать.

— Сѣномъ парила?

— Нѣтъ, травками.

— То-то, изъ сѣна?

— Все-то ты пересмѣшничаетъ надо мной.

— Да развѣ не все равно травы, что у тебя, что на сѣнникѣ?

Старуха сощипнула со свѣчи, потомъ потянула губы, потомъ вздохнула и проговорила:

— Нѣтъ, милый, есть травы тоже рѣдкія.

— Да ты-то ихъ, Николавна, не знаешь?

— Ну, какъ не знать!

— Ну, расскажи, какія ты знаешь травы рѣдкія-то, что въ сѣнѣ ихъ нѣтъ?

— Что въ сѣнѣ-то нѣтъ! Мало ли ихъ!

— Ну!

— Да мало ли ихъ!

— Да ну же, расскажи, Николавна,—спать не хочется.

— Ну, вотъ тебѣ хошь бы первая теперь трава есть, называется коптырь-трава, растеть она корешкомъ вверхъ.

Помада засмѣялся и охнулъ.

— Чего ты?

— Ну, какая трава корешкомъ вверхъ можетъ расти?

— А вотъ же растеть и твѣты у нея подъ землей твѣтуть.

Помада опять охнулъ и махнулъ рукой, удерживая смѣхъ, причинявшій ему боль.

— Что? не вѣришь? А полисада-трава вонъ и совсѣмъ безъ корня.

— Полно, Николавна,—не смѣши.

— Я и не на смѣхъ это говорю. Есть всякія травы. Напримѣръ, теперь, кто хорошо знаетъ, опять находять лепестанъ-траву. Такая мокрая трава называется. Что ты ее больше сушишь, то она больше мокнетъ.

— Охъ, будетъ, Николавна, — вздоръ какой ты рассказываешь.

— Нѣтъ, другъ ты мой, не вздоръ это, не вздоръ. Есть всякія травы на свѣтѣ. Есть и въ травахъ-то своя разница. Иная трава больше стоитъ у Господа, а другая — меньше. Иная одно опредѣленіе отъ Бога имѣетъ, а иная и два, и три, и нѣсколько. Есть вотъ трава, такъ называется Адамова голова. Растетъ она возлѣ сильныхъ, раменныхъ болотъ кустиками, по пяти и по девяти листовъ. Растетъ она въ четыре вершка, вотъ этакенькая вотъ будетъ. — Старуха показала вершка четыре отъ століка. — Твѣтъ у этой у травы алый, алый, въ родѣ даже какъ синій. И когда она расцвѣтетъ, страсть тутъ какъ хороша бываетъ. И эту траву рвутъ со крестомъ, говоря Отчу и помилуй мя, Боже, — или же какихъ другихъ тридцать молитвъ святыхъ. Этой-то вотъ травой что можно сдѣлать на свѣтѣ! Все ею можно сдѣлать. Этой травой пользуютъ испорченнаго человѣка, или у кого нѣтъ плоду дѣтямъ, то дать той женщинѣ пить, — сейчасъ отъ этого будетъ плодъ. Если жъ опять кто хочетъ видѣть дьявола, то пусть возьметъ онъ корень этой травы и положить его на сорокъ дней за престоль, а потомъ возьметъ, ушьетъ въ ладанку, да при себѣ и носить, — только чтобъ во всякой чистотѣ, — то и увидитъ онъ дьяволовъ воздушныхъ и водяныхъ... Или опять на случай приостановленія мельницы, то вода остановится, гдѣ только пожелаешь. Это трава богатая, любимая у Бога травка, и называется эта травка во всѣхъ травахъ царь... Спishi, родной?

Старуха нагнулась къ больному, который сладко уснулъ подъ ея говоръ, перекрестила его три раза древнимъ большимъ крестомъ и, свернувшись ежичкомъ на отоманкѣ, уснула тѣмъ спокойнымъ сномъ, какимъ врядъ ли намъ съ вами, читатель, придется засыпать въ ея лѣта.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Лѣтнее утро.

Стояло сѣрое лѣтнее утро. Тучъ на небѣ не было, но и солнце не выглядывало, воздухъ едва колебался тихими, несмѣлыми порывами чрезмѣрно теплаго вѣтерка. Такія лѣтнія утра въ срединной Россіи необыкновенно благоприятно дѣйствуютъ на всякое живое существо, до изнеможенія согрѣтое знойными днями. Такимъ утрамъ обыкновенно предшествуютъ теплыя, безлунныя ночи, хорошо зна-

комья охотникамъ на перепеловъ. Чудныя дѣла дѣлаются съ этой птицей въ такія чудныя ночи! Всегда падкій на сладострастную приманку, перепелъ тутъ какъ будто совсѣмъ одурѣваетъ отъ неукротимыхъ влеченій своего крошечнаго организма. Заслышавъ манящій кликъ залегшаго въ хлѣбахъ вабильщика, онъ мигомъ срывается съ мѣста и мчится на роковое свиданіе, толкаясь сѣрою головкою о розовые корешки растущихъ хлѣбовъ. Только разставишь сѣтку, только уляжешься и начнешь вабить, подражая голосу перепелки, а ужъ гдѣ-то, загончика за два, за три откликается пернатый Донъ-Жуанъ. Въ другое время, въ свѣтлую лунную ночь его все-таки нужно поманывать умнечко, осторожно, соображая предательскій звукъ съ разстояніемъ жертвы; а въ теплыя безлунныя ночи, предшествующія сѣрымъ днямъ, птица совершенно ошалѣваетъ отъ сладострастья. Тутъ не нужно съ нею никакой осторожности. Не успѣешь сообразить, какъ далеко находится птица, отзвываясь на первую поманку, и поманишь ее потише, думая, что она все-таки еще далеко, а она уже отзывается близехонько. Кликнешь потихоньку въ другой разъ—больше уже и вабить не надо. Сладострастно-нетерпѣливое оханье слышится въ двухъ шагахъ, и между розовыхъ корней хлѣба лѣзетъ перепелъ. Тутъ онъ уже не мчится сумасшедшимъ бедуиномъ, а какъ-то плетется, тяжело дыша и безпрестанно оглядываясь во всѣ стороны. Еще разъ помануть его уже никакъ невозможно, потому что самый тихій звукъ вабилки заведетъ птицу дальше чѣмъ нужно. Тутъ только лежишь и, удерживая смѣхъ, смотришь подъ сѣтку, а перепелъ все лѣзетъ, лѣзетъ, шумя стебельками хлѣба, и вдругъ предстаешь глазамъ охотника въ самомъ смѣшномъ видѣ. Кто имѣлъ счастье живать лѣтомъ на Крестовскомъ или преимущественно въ деревнѣ Коломягѣ и кто бродилъ раннимъ утромъ по тощимъ полямъ, начинающимся за этою деревнею, тотъ легко можетъ представить себѣ нашихъ перепеловъ. Для этого стѣдуетъ припомнить чиннаго петербургскаго нѣмца, преслѣдующаго рано, на зорькѣ, крестьянскихъ дѣвушекъ. Нѣмецъ то бѣжитъ полемъ, то присядетъ въ рожь, такъ, что его совсѣмъ тамъ не видно, то надъ колосьями снова мелькнетъ его черная шляпа; и вдругъ, заслышавъ веселый хохотъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, онъ встанетъ, вздохнетъ и, никого не видя глазами, водить во

всѣ стороны своимъ тевтонскимъ клювомъ. Павталонишки у него всѣ подтрепаны отъ утренней росы, оживившей тощія, холодныя поля; фалды сюртучка тоже мокры, руки красны, колѣна трясутся отъ безпрестанныхъ пригибаній и прискакиваній, а свернутый трубкой ротъ совершенно сухъ отъ тревогъ и томленья. Таковъ бываетъ и перепелъ, когда, прекращая стремительный бедунскій бѣгъ между розовыми корешками высокихъ тоненькихъ стеблей, онъ таеетъ отъ нетерпѣливаго желанія угасить пламень пожирающей его страсти. Толчется пернатый сластолюбецъ во всѣ стороны и глаза его не докладываютъ ему ни о какой опасности. Онъ весь мокръ, сѣренькія перышки на его маленькихъ голенахъ спились и свернулись; мокрый хвостикъ вытянулся въ двѣ фрачныя фалдочки; крылышки то трепещутся, оживляясь страстью, то отпадаютъ и танцуются, окончательно затрепываясь мокрою полевою пылью; головенка вся взерошена, а крошечное сердчишко тревожно бьется, и сильно сирается въ маленькомъ зобикѣ скорое дыханіе. Метнется отуманенная страстью пташка туда, метнется сюда и вдругъ на вашей щекѣ чувствуется прикосновение ея холодныхъ лапокъ и мокраго, затрепаннаго фрачка, а надъ ухомъ раздается сладострастный вздохъ. Надо имѣть много равнодушія, чтобы не размѣяться въ такую минуту. Самый серьезный русскій мужичокъ, вабящій перепеловъ въ то время, когда ему нужно бы дать покой своимъ усталымъ членамъ, всегда добродушно относится къ обтрепанному франту. «Ахъ ты, поганецъ, этакой!» скажетъ онъ съ ласковой улыбкой и тихонько опуститъ пернатого фертика въ рѣшето, надшитое холщевымъ мѣшечкомъ.

Такая чудотворящая ночь предшествовала тому покойному утру, въ которое Петръ Лукичъ Гловацкій выѣхалъ съ дочерью изъ Мерева въ свой уѣздный городъ. Отъ всякой другой поры подобныя утра отличаются, между прочимъ, совершенно особеннымъ вліяніемъ на человѣческую натуру. Человѣкъ въ такую пору бываетъ какъ-то спокоенъ, тихъ и безкорыстенъ. Даже ярмарочные купцы, проѣзжая на возахъ своего гнилого товара, не складываютъ тогда въ головахъ барышей и прибытковъ и не клюютъ носомъ, предаваясь соблазнительнымъ мечтамъ о ловкомъ банкротствѣ, а ѣдутъ молча, смотря то на поле, волнующееся подъ легкимъ набѣгомъ теплаго вѣтерка, то на задумчиво стоящія

деревья, то на тонкій парокъ, поднимающійся съ соннаго озера или рѣчки.

Рѣдко самая заскорузлая торговая душа захочетъ нарушить этотъ покой отдыхающей природы и перемолвиться словомъ съ товарищемъ или приказчикомъ. Да и то заговорить эта душа не о себѣ, не о своихъ хлопотахъ, а о той же спокойной природѣ.

— Ишь, птица-то полетѣла,—скажетъ ярмарочникъ, слѣдя за поднявшейся изъ хлѣбовъ птахою.

— Да,—отвѣтитъ товарищъ или приказчикъ.

И опять ѣдутъ тихо.

— Должно, у нея тутъ гдѣ-нибудь дѣти есть,—опять замѣтилъ приказчикъ.

— А можетъ и перелетная.

— Да, можетъ что и перелетная,—предположить приказчикъ.

И опять разговоръ оборвется, и опять ѣдутъ тихо.

Женни съ отцомъ ѣхала совсѣмъ молча. Старикъ только иногда взглядывалъ на дочь, улыбался совершенно счастливой улыбкой и снова впадалъ въ чисто созерцательное настроеніе. Женни была очень серьезна, и спокойная задумчивость придавала новую прелесть ея свѣжему личику.

На половинѣ короткой дороги отъ Мерева къ городу ихъ встрѣтилъ меревскій Наркись.

Конторщикъ скоро шелъ по опушкѣ мелкаго кустарника и, завидѣвъ Петра Лукича, быстро направился къ дорогѣ.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Лукичъ!—кричалъ онъ, снимая широкодонный картузь съ четырехугольнымъ козырькомъ.

— Здравствуйте, Наркись Григорьевичъ,—отвѣчалъ Гловацкій.

Лошадь остановилась.

— Охотился?

— Да, половилъ перепелочковъ немножко, Петръ Лукичъ.

— Ты самъ-то, братъ, точно перепелъ,—улыбаясь замѣтилъ смотритель.

— Да вѣдь, батюшка, отрепишься съ ними, съ безпутниками. Это ужъ такая дичь низкая.

Наркись, точно, былъ похожъ на перепела. Пыль и полевой соръ насѣли на его росные сапоги и заправленные

въ голенища панталоны; синій сюртучокъ его тоже былъ мокръ и мѣстами сильно запачканъ.

За плечами у конторщика моталась перепелиная сѣтка и рѣшето съ перепелами.

— Что-жь, какъ полеваль?

— Много-таки, батюшка, наловилъ. Нынче они глупы въ такую-то ночь бываютъ, — сами лѣзутъ.

— На что ихъ ловятъ? — спросила Женни.

— А вотъ, матушка, на жаркое, пашкеты тоже готовить и въ торговлю идутъ они.

— Вы ими торгуете?

— Я? — Нѣтъ, я такъ только, для охоты ловлю ихъ. Иной съ пѣвомъ удается, ну того содержу, а то такъ.

— Выпускаете?

— Нѣтъ, на что выпускать? — Да вотъ позвольте вамъ, сударыня, презентовать на новоселье.

— На что же они мнѣ?

— На что угодно, матушка.

— Ну, бери, Женни, на новоселье.

Нарцисъ поставилъ на колѣни дѣвушки рѣшето съ перепелами и, простившись, пошелъ своей дорогой, а дрожки покатались къ городу, который точно выросъ передъ Гловацкими, какъ только они обогнули маленькій лѣсной остро-вочекъ.

— Узнаешь, Женичка? Вонъ соборная глава, а это Иванъ Крестителя куполь: узнаешь?

— Какое все маленькое это стало, — задумчиво проговорила Женни.

— Маленькое! Это тебѣ такъ кажется послѣ Москвы. Все такое же, какъ и было. Ты смотри, смотри, вонъ судьи домъ, вонъ бойницы за городомъ, гдѣ скотъ бьютъ, вонъ каланча. Каланча-то, видишь желтую каланчу? Это надъ городническимъ домомъ.

Женни все смотрѣла впередъ и ручкою безотчетно выпускала одного перепела за другимъ.

— Э, да ты ихъ почти всѣхъ повыпустила, — замѣтилъ Гловацкій.

— Да. Смотрите-ка, смотрите.

Женни вынула еще одну птичку, и еще одну, и еще одну. На лицѣ ея выражалось совершенное, дѣтское счастье, когда она слѣдила за отлетавшими съ ея руки перепелами.

— Ты ихъ всѣхъ выпустишь?

— Всѣхъ выпущу, — весело отвѣтила она, раскрывая разомъ пришитый къ рѣшету бездонный мѣшокъ.

Перепела засуетились, увидя надъ собою вольное небо, вмѣсто грязной холщевой покрывки, жались другъ къ другу, присѣдали на ножкахъ, и одинъ за другимъ быстро поднимались на воздухъ.

— Вотъ теперь славно, — проговорила она, ставя въ ноги пустое рѣшето. — Хорошо, что я взяла ихъ

— Дитя ты, Женичка.

— Отчего же, папа, дитя; пусть ихъ летаютъ на волѣ.

— Ихъ завтра опять поймають.

— Нѣтъ, ужъ они теперь не попадутся.

Гловацкій засмѣялся. Въ его сѣдой головѣ мелькнула мысль о страстяхъ, о ловушкахъ, и веселая улыбка замѣнилась выраженіемъ трепетной отцовской заботы.

— Боже, Господи милосердый, спаси и сохрани ее! — прошепталъ онъ, когда дрожки остановились у воротъ уѣзднаго училища.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Колыбельный уголокъ.

Петръ Лукячъ Гловацкій съ самаго дня своей женитьбы отдавалъ Женинъ приданный домъ внаймы, а самъ постоянно обиталъ въ небольшомъ каменномъ флигелькѣ подвѣдомственнаго ему уѣзднаго училища. Въ этотъ самый каменный флигель, двадцать три года тому назадъ, онъ привезъ изъ церкви молодую жену, здѣсь родилась Женни, отсюда же Женни увезли въ институтъ и отсюда же унесли на кладбище ея мать, о которой такъ тепло вспоминала игуменя. Училищный флигель состоялъ всего изъ пяти очень хорошихъ комнатъ, выходившихъ частью на чистенькій, всегда усыпанный желтымъ пескомъ дворъ уѣзднаго училища, а частью въ старый густой садъ, тоже принадлежащій училищу, и наконецъ, изъ трехъ оконъ залы была видна огибавшая городъ рѣчка Саванка. На дворѣ училища было постоянно очень тихо, но все-таки дворъ два раза въ день оглашался веселыми, рѣзкими голосами школьничковъ, а ужъ зато въ саду, начинавшемся за смотрительскимъ флигелемъ, постоянно царилла ненарушимая, глубокая тишина. Въ этотъ садъ выходили два окна залы (два другія

окна этой комнаты выходили на берег рѣчки, за которою кончался городъ и начинался безконечный заливной лугъ), да въ этотъ же садъ смотрѣли окна маленькой гостиной съ стеклянною дверью и угловой комнаты, бывшей некогда спальнею смотрительши, а нынче будуаромъ, кабинетомъ и спальнею ея дочери. Рядомъ съ этой комнатой былъ кабинетъ смотрителя, изъ котораго можно было обозрѣвать весь дворъ и окна классныхъ комнатъ, а даѣе, между кабинетомъ и передней, находился очень просторный покой со множествомъ книгъ, уставленныхъ въ высокихъ шкафахъ, четырехугольнымъ столомъ, застланномъ зеленымъ сукномъ, и двумя сафьянными отоманками. Только и всего помѣщенія было въ смотрительской квартирѣ! Но зато все въ ней было такъ чисто, такъ уютно, что никому даже въ голову не пришло бы желать себѣ лучшаго жилища. А ужъ о комнатѣ Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая дѣвственная комнатка, что стоило въ ней побыть десять минутъ, чтобы начать чувствовать себя какъ-то и спокойнѣе, и выше, и чище, и нравственнѣе. Старинныя кресла и диванъ свѣтлаго березоваго выплавка, съ подушками изъ шерстяной матеріи бирюзоваго цвѣта, такого же цвѣта занавѣси на окнахъ и дверяхъ; той же березы письменный столикъ съ туалетомъ и кроватка, закрытая бѣлымъ покрываломъ, да нѣсколько растений на окнахъ и больше ровно ничего не было въ этой комнаткѣ, а между тѣмъ всѣмъ она казалась необыкновенно полнымъ и комфортабельнымъ покоемъ.

— Вотъ твой колыбельный уголочекъ, Женичка, — сказали Гловацкій, введя дочь въ эту комнату. — Здѣсь стояла твоя колыбелька, а материна кровать вотъ тутъ, гдѣ и теперь стоитъ. Я ничего не трогалъ послѣ покойницы, все думалъ: придетъ Женья, тогда какъ сама захочетъ, — захочетъ, пусть измѣняетъ по своему вкусу, а не захочетъ, пусть оставитъ все по-материному.

И Евгенія Петровна зажила въ своемъ колыбельномъ уголкѣ, оставивъ здѣсь все по-старому. Только надъ березовымъ комодомъ повѣсили шитую картину, подаренную матерью Агніею, и на комодѣ появилось нѣсколько книгъ.

— Возьмешься, Женни, хозяйничать? — спросилъ Петръ Лукичъ дочь на другой день пріѣзда въ городъ.

— Какъ же, папа, непременно.

— То-то, какъ хочешь. У меня хозяйство маленькое и люди честные, но, по-моему, дѣвушка хорошо заняться этимъ дѣломъ.

— Разумѣется, папа, разумѣется.

— Нынче этимъ пренебрегаютъ, а напрасно, право напрасно.

— И нынче, папа, я думаю, не всѣ пренебрегаютъ: это не одинаково.

— Конечно, конечно, не всѣ, только я такъ говорю... Знаешь, — старческая слабость: все какъ ты ни гонись, а все старья-то симпатн, какъ старья ноги, сзади волокутся. Впрочемъ, я не спорщикъ. Вотъ моя молодая команда, такъ тѣ горячо заварены, а, впрочемъ, ладимъ, и отлично ладимъ.

— Агнія Николаевна очень строго судитъ молодыхъ.

— Она и старымъ, другъ мой, не даетъ спуска: брюзжитъ немножко, а женщина весьма добрая, весьма добрая.

— На брата жаловалась.

Старикъ добродушно улыбнулся.

— Да, вотъ чудакъ-то! Нашель, гдѣ свой обличительный методъ прикладывать.

— И вы, папа, молодыхъ людей тоже, кажется, не долюбливаете?

— Отчего же, мой другъ! Только вотъ они нынче рѣзковаты становятся, точно ужъ рѣзковаты. Можетъ-быть, это намъ такъ кажется. Да вѣдь, право, нельзя все такъ круто. Старики не правы, что не умѣютъ стерпѣть, да и молодежь не права. У старости тоже есть свои права и свои привычки. — Снисходить бы не грѣшно было немножко. Я естественныхъ наукъ не знаю вовсе, а все мнѣ думается, что мозгъ, привыкшій понимать что-нибудь такъ, не можетъ скоро понимать что-нибудь иначе. Такъ что-жъ и сердиться. Надо снисходить. Народъ говорить, что и у воробья, и у того есть амбиція, а человѣкъ, какой бы онъ ни былъ, если только мало-мальски самостоятеленъ, все-таки не хочетъ быть поставленъ ниже всѣхъ. Вотъ хоть бы у насъ, — городокъ, вѣдь, небольшой, а таки-торговый, есть люди зажиточные, и газеты, и журналы кое-кто почитываютъ изъ купечества, и умныхъ людей не обѣгаютъ. — Старикъ улыбнулся и сквозь смѣхъ проговорилъ: — А ты знаешь, кто здѣсь зенить-то просвѣщенія? Это мы, я, да

учители... Ну, вѣдь, и у насъ есть учителя очень молодые, вотъ, наиримѣръ, Зарницинъ Алексѣй Павловичъ, всего пятый годъ курсъ кончилъ, Вязмитиновъ, тоже пять лѣтъ какъ изъ университета; люди свѣжіе и неустанно слѣдящіе и за наукой, и за литературой, и притомъ люди добросовѣстно преданные своему дѣлу, а посмотри-ка на нихъ! Ты вотъ ихъ увидишь. Вотъ какъ мало-мальски оправившись, позовемъ ихъ вечеромъ на чаекъ. Все, вѣдь, говорю, люди, которые смотрять на жизнь совсѣмъ не такъ, какъ наше купечество, да даже и дворянство, а посмотри, какого о нихъ мнѣнія всѣ?—Кого ни спроси, въ одно слово скажутъ: «прекрасные люди». Какъ-то у нихъ отношенія-то къ людямъ все человѣческія. Вотъ тоже докторъ у насъ есть, Розановъ, человѣкъ со странностями и даже не безъ рѣзкостей, но и у этого самыя рѣзкости-то какъ-то, затрудняюсь, право, какъ бы тебѣ выразить это... ну, только именно рѣзки, только выказываютъ прямоту и горячность его натуры, а вовсе не стремятся смять, уничтожить, стереть человѣка. Къ его рѣзкости здѣсь всѣ привыкли и нимало ею не тяготятся, даже очень его любятъ. А тѣ, вѣдь, всѣ какъ-то... право, ужъ и совсѣмъ не умѣю назвать. Вотъ и Ипполитъ нашъ, и Звягина сынъ, и Ступинъ молодой—второй годъ пріѣзжаютъ такіе мудреные, что гляжу, гляжу на нихъ, да и руки врозь. Какъ-то будто и дико съ ними. Право, я вотъ теперь смотритель, и, слава Богу, двадцать пятый годъ, и пенсійка ужъ недалеко: всякихъ людей видалъ, и всякихъ терпѣлъ, и со всѣми сживался, ни одного учителя во всю службу не представилъ ни къ перемѣщенію, ни къ отставкѣ, а воображаю себѣ, будь у меня въ числѣ наставниковъ твой братъ, непременно долженъ бы искать случая отъ него освободиться. Нельзя иначе. Дѣтей всѣхъ разберуть, что жъ изъ этого толку будетъ? Ты вотъ познакомишься съ ними, сама ихъ разберешь. Особенно рекомендую тебѣ Николая Степановича Вязмитинова. Дивный человѣкъ! Честный, серьезный и умница. Принимай хозяйство, а я ихъ и зазову.

Не велико было хозяйство смотрителя, а весь придворный штатъ его состоялъ изъ кухарки Целагеи, да училищнаго сторожа, отставного унтера Яковлева, исправлявшаго должность лакея и ходившаго за толстою, обезножившею отъ настоя, смотрительскою лошадыю. Женни въ два дня

вошла во всю домашнюю администрацію и на ее поясѣ появился крючокъ съ ключами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прогрессивные люди уѣзднаго города.

— Господа! вотъ моя дочь, Женичка! рекомендую тебѣ моихъ сотоварищей: Николай Степановичъ Вязмитиновъ и Алексѣй Павловичъ Зарницынъ, — проговорилъ смотритель, представляя, разъ вечеромъ, своей дочери двухъ очень благопристойныхъ молодыхъ людей.

Оба они на видъ имѣли не болѣе какъ лѣтъ по тридцати, оба были одѣты просто. Зарницынъ былъ невысокъ ростомъ, съ розовыми щеками и живыми черными глазами. Онъ смотрѣлъ немножко денди. Вязмитиновъ, напротивъ, былъ очень стройный молодой человекъ, съ блѣднымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ и очень скромнымъ симпатичнымъ взглядомъ. Въ немъ не было ни тѣни дендизма. Вся его особа дышала простотой, натуральностью и сдержанностью.

Женни, сидѣвшая за столомъ, на которомъ весело шумѣли и посвятившая блестящій тульскій самоваръ, встала, привѣтливо поклонилась и покраснѣла. Ее видимо конфузила непривычная роль хозяйки.

— Безъ церемоніи, господа, — прошу васъ поближе къ самовару и къ хозяйкѣ, а то я боюсь, что она со мною, старикомъ, заскучаетъ.

— Какъ вамъ не грѣхъ, папа, такъ говорить, — тихо промолвила Женни и совсѣмъ зардѣлась какъ маковый цвѣточекъ.

— Петръ Лукичъ подговаривается, чтобы ему любезность сказали, что съ нимъ до сихъ поръ люди не скучали, — проговорилъ, любезно улыбаясь, Зарницынъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! Нѣтъ, господа, ужъ какъ тамъ ни храбрись, а пора сознаваться, что отстаю, отстаю отъ вашихъ-то понятій. Бывало, что ни читаешь, все это находишь такъ въ порядкѣ вещей и самъ понимаешь, и съ другимъ станешь говорить, и другой одинаково понимаетъ, а теперь иной разъ читаешь этакую тамъ статейку, или практическую замѣтку какую и чувствуешь, и сознаешь, что давно бы должна быть такая замѣтка, а какъ-то, Богъ его знаетъ... Просто, иной разъ глазамъ не вѣришь. Чув-

ствуешь, что правда это все, а рука-то своя ни за что бы не написала этого. Даже на подпись-то цензурную не разъ глянешь, думаешь: Господи! ужъ не такъ ли махнули, чего добраго?—А вамъ это все ничего, даже мало кажется. Я вонъ прочелъ въ приказахъ, что Павелъ Ивановичъ Чичиковъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе совѣтники. Дѣло самое пустое: есть такой Чичиковъ, служить, его за выслугу лѣтъ и повышаютъ чиномъ, а мнѣ ужъ чортъ знаетъ что показалось. Подсунули, думаю, такую исторію въ насмѣшку, а за эту насмѣшку и покатыя на тройкахъ. Послѣ-то раздумалъ, а сначала... Нѣтъ, мы вѣдь другой школы, намъ теперь ужъ на васъ смотрѣть только, да внучать качать.

— А знаете, Евгенія Петровна, когда именно и по какому случаю послѣдовало отреченіе Петра Лукича отъ единомыслия съ людьми нашихъ лѣтъ?—опять, любезно осклабясь, спросилъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, не знаю. Папа мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Во-первыхъ, не отъ единомыслия, а, такъ-сказать, отъ единоспособности съ вами,—замѣтилъ смотритель.

— Ну, это все равно,—перебилъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, батюшка, Алексѣй Петровичъ, это не все равно.

— Ну, положимъ, что такъ, только произошло это въ Петрѣ Лукичѣ разомъ, въ одинъ пріемъ.

— Да, разомъ,—потому что разомъ я понялъ, что я человѣкъ неспособный дѣлать то, что самымъ спокойнымъ образомъ дѣлаютъ другіе. Представь себѣ, Женя: встаю утромъ, беру принесенныя съ почты газеты, и читаю, что какой-то господинъ Якушкинъ имѣлъ въ Псковѣ исторію съ полицейскими,—тамъ заподозрили его, посадили за клинъ, ну, и потомъ выпустили,—ну, велика важность!—Конечно, оно неприятно, да мало ли чиновниковъ за клинъ сажали. Ну, выпустятъ и уходи скорѣй, благо отвязались; а онъ, какъ вырвался, и ну все это выписывать. Валяется и полиціймейстера, и вице-губернатора, да вѣдь какъ! Точно.—я самъ знаю, что въ Европѣ существуетъ гласность, и понимаю, что она должна существовать, даже... между нами говоря... (смотритель оглянулся на обѣ стороны и добавилъ, понизивъ голосъ), я самъ нѣсколько разъ «Колоколъ» чи-

таль и не безъ удовольствія, скажу вамъ, читаль; но у насъ-то, на родной-то землѣ, какъ же это, думаю?—Что жъ это обо всемъ, стало-быть, люди смѣютъ говорить?—А мы смѣли объ этомъ *подумать*?—Подумать, а не то, что говорить?— Не смѣли, да и что толковать о насъ! А вотъ эти господа хохочутъ, а докторъ Розановъ говорить: я, говорить, сейчасъ самого себя обличу, что, получая сто сорокъ девять рублей годового жалованья, изъ коихъ половину удерживаетъ инспекторъ управы, восполняя свой домашній бюджетъ четырьмя стами шестьдесятью рублями взяточобразно. Ну, а я, говорю, не обличу себя, что, по недостатку средствъ, употребляю училищнаго сторожа, Яковлевича, для собственныхъ услугъ. Не могу, говорю, смѣлости нѣтъ, цѣли не вижу, да и вообще, просто, не могу. Я другой школы человѣкъ. Я могу переводить Ювенала, да, быть-можетъ, вонъ соберу систематически матеріалы для исторіи Абассидовъ, но этого не могу; я другой школы, насъ учили классически; мы литературу не принимали гражданскимъ орудіемъ; мы не приучены дѣйствовать, и не по силамъ намъ дѣйствовать.

— Ну, однако, изъ вашей-то школы выходили и иные люди, не все о маврскихъ династіяхъ размышляли, а тоже и дѣйствовали,—замѣтилъ Зарницынъ.

— А, а! Нѣтъ, батюшка,—извините. То совсѣмъ была не наша школа,—извините.

— Конечно, — въ первый разъ проронилъ слово Вязмитиновъ.

— Точно, виновать, я ошибся,—оговорился Зарницынъ.

— А теперъ вонъ еще новая школа заходитъ, и попомните мое слово, что скоро она скажетъ и вамъ, Алексѣй Павловичъ, и вамъ, Николай Степановичъ, да даже, чего добраго, и доктору, что всѣ вы люди отсталые, для дѣла не годитесь.

— Это несомнѣнно,—замѣтилъ опять Вязмитиновъ.

— Да, вотъ вамъ, что значить школа-то, и не годитесь, и пронесутъ имя ваше яко зло, несмотря на то, что директоръ нынче все настаиваетъ, чтобъ я почаще наворачивался на ваши уроки. И будетъ это скоро, гораздо прежде, чѣмъ вы до моихъ лѣтъ доживете. Въ наше-то время отца моего учили, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, и мнѣ то же твердили, да и мой сынъ

видѣть, какъ я не могъ отказываться отъ головки купеческаго сахарцу; а нынче все это двинулось, пошло, и школа будетъ смѣнять школу. Такъ, Николай Степановичъ?

— По-моему такъ.

— А такъ, такъ наливай, Женни, по другому стаканчику. Тебѣ, я думаю, мой дружочекъ, наскучилъ нашъ разговоръ. Плохо мы тебя занимаемъ. У насъ все такъ, что поспоримъ, то будто какъ и дѣло сдѣлаемъ.

— Напротивъ, папа, зачѣмъ вы такъ думаете? Меня это очень занимаетъ.

— Да! Вонъ видите, школа-то: мѣсяца нѣтъ какъ съ институтской скамьи, а ее занимаетъ. Попробуйте-ка Оленьку Розанову такимъ разговоромъ занять.

— Ну, еще кого вспомнили!

— Чего, батюшка мой? Она, вѣдь, вонъ о самостоятельности тоже изволить разсуждать, а мужъ-то? Съ такимъ мужемъ, какъ ея, можно до многого додуматься.

— Да что жъ это онъ хотѣлъ быть, а не идти? — замѣтилъ Зарницынъ.

— Идешь, идешь, — отвѣчала изъ передней довольно симпатичный мужской голосъ, и на порогъ залы показался человекъ лѣтъ тридцати двухъ, невысокаго роста, немного сутуловатый, но весьма пропорционально сложенный, съ очень хорошимъ лицомъ, въ которомъ крупность чертъ выгодно выкупалась силою выраженія. Въ этомъ лицѣ выражалась какая-то весьма пріятная смѣсь энергіи, ума, прямоты, силы и русскаго безволя и распушенности. Докторъ былъ одѣтъ очень небрежно. Платье его было все пропылено, такъ что пыль вѣлась въ него и не отчищалась, рубашка измятая, шея повязана чернымъ платкомъ, концы котораго висѣли до половины груди.

— А мы здѣсь только-что злословили васъ, докторъ, — проговорилъ Зарницынъ, протягивая врачу свою руку.

— Да чѣмъ же вамъ болѣе заниматься на гулянкахъ, какъ не злословіемъ, — отвѣчалъ докторъ, пожимая мимоходомъ поданныя ему руки. — Прошу васъ, Петръ Лукичъ, представить меня вашей дочери.

— Женичка! — нашъ докторъ. Совѣтую тебѣ заискать его расположеніе, человекъ весьма нужный, случайный.

— Преимущественно для мертвыхъ, съ которыми имѣю постоянныя дѣла въ теченіе пяти лѣтъ сряду, — прогово-

рилъ докторъ, развязно кланяясь дѣвушкамъ, отвѣтившей ему ласковымъ поклономъ.

— А мы ужъ думали, что вы, по обыкновенію, не сдержите слова,—замѣтилъ Гловацкій.

— Ужъ и *по обыкновенію!* Эхъ, Петръ Лукичъ! Ужъ вотъ на кого Богъ-то, на того и добрые люди. Я, Евгения Петровна, позвольте, ужъ буду искать сегодня исключительно вашего вниманія, уповаю, что свойственная человечеству злоба еще не успѣла достигъ вашего сердца, и вы, конечно, не найдете самоуслажденія допиливать меня, чѣмъ занимается весь этотъ прекрасный городъ съ своимъ уѣздомъ и даже съ своимъ уѣзднымъ смотрителемъ, сосредоточивающимъ въ своемъ лицѣ половину всѣхъ добрыхъ свойствъ, отпущенныхъ намъ на всю нашу мѣстность.

Женни покраснѣла, слегка поклонилась и тихо проговорила:—Прикажете вамъ чаю?

— Гдѣ это васъ сегодня разобидѣли? — спросилъ смотритель.

— Вездѣ, Петръ Лукичъ, вездѣ, батюшка.

— А на примѣръ?

— А на примѣръ, исправникъ двѣсти раковъ съѣлъ и говоритъ: не могу завтра на вскрытіе ѣхать; фельдшеръ въ больницѣ бабу умирить ни за што, ни про што; двухъ рекрутъ на нашъ счетъ вернули; съ эскадроннымъ командиромъ разбранился; въ Хилговѣ бѣшенный волкъ человѣкъ пятнадцать на лугу искусалъ, а тутъ нѣмецъ Абрамзонъ съ женою мимо моихъ оконъ проѣхалъ,—бѣда да и только.

Всѣ, кромѣ Женни, разсмѣялись.

— Да, вамъ смѣхъ, а мнѣ хоть въ воду, такъ въ пору.

— Что-жъ вы сдѣлали?

— Что? Исправнику лошадиную кладь закатилъ и сказать, что если онъ завтра не поѣдетъ, то я ѣду къ другому тѣлу; бабу записалъ умершею отъ апоплексическаго удара, а фельдшеру далъ записочку къ городничему, чтобы тотъ съ нимъ позаялся; эскадронному командиру сказалъ: убирайтесь, ваше благородіе, къ чорту, я вашихъ мошенничествъ прикрывать не намѣренъ и написалъ, что слѣдовало; волка посоветовалъ исправнику казнить по полемому военному положенію, а отъ Ольги Александровны, взволнованной каретою нѣмца Ицки Готлибовича Абрамзона, ушелъ къ вамъ чай пить. Вотъ вамъ и все!

— Распоряженія все резонныя,—замѣтилъ Зарницынъ.

— Ну, какія есть: не хороши, другія присовѣтуйте.

— Фельдшера поучать, а онъ черезъ полгода другую бабу отравить.

— Черезъ полгода! Экую штуку сказали! Двѣ бабы въ годъ,—велика важность. А по - вашему не новаго ли было бы требовать?

— Конечно.

— Ну, вѣтъ, слуга покорный. Этотъ пару въ годъ отравить, а новый съ непривычки по парѣ въ мѣсяць спустить.—Что, батюшка, тутъ радикальничать-то? Лѣчить нечѣмъ, содержать не на что, да что и говорить! Радикальничать, такъ по-моему надо изъ земли Илью Муромца вызывать, чтобы съѣлъ онъ на коня ратнаго, взялъ въ могучія руки булаву сто-пудовую, да и пошелъ бы насъ, православныхъ, крестить по маковкамъ, не разбирая ни роду, ни сану, ни племени.—А то, что тамъ копать! *Idem per idem* все будемъ Кузьма съ Демидомъ.—Нечего и людей смѣшивать. Эхъ, не слушайте нашихъ мерзостей, Евгенія Петровна. Поберегите свое вниманіе для чего-нибудь лучшаго. Вы, пожалуйста, никогда не сидите съ нами. Не сидите съ моимъ другомъ, Зарницынымъ, онъ затмитъ вашъ дѣвственный умъ своей туманной экономіей счастья; не слушайте моего друга Вязмитинова, который погубитъ ваше свѣтлое мышленіе гегелианскою ересью; не слушайте меня, преподлѣйшаго въ сношеніяхъ съ звѣрями, которые станутъ называть себя передъ вами разными кличками греко-россійскаго календаря; даже отца вашего, которому отпущена половина всѣхъ добрыхъ качествъ нашей проклятой Гоморы, и его не слушайте. Все васъ это спутаетъ, потому что все, что ни выйдетъ изъ нашихъ устъ,—или злосмрадное дыханіе антихристово, или же хитросплетенныя лукавства, уловляющія свободный разумъ. Уйдите отъ насъ, гадкихъ и вредныхъ людей, и пожалуйте, что мы еще, къ несчастью, не самые гадкіе люди своего просвѣщеннаго времени.

— Уйди, уйди, Женичка, —смѣясь, проговорилъ Гловацкій:—и вели давать, что ты тамъ намъ поѣсть приготовила Нашъ медицинскій Гамлетъ всегда мраченъ...

— Безъ водки,—чего же было не договаривать! Я точно, Евгенія Петровна, люблю закусывать и счелъ бы позоромъ.

скрыть отъ васъ этотъ маленькій порокъ изъ обширной коллекціи моихъ пороковъ.

Женни встала и вышла въ кухню, а Яковлевичъ сталъ собирать со стола чай, за которымъ, по мѣстному обычаю, всегда почти непосредственно слѣдовала закуска.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Нежданный гость.

Въ то же время, какъ Яковлевичъ, вывернувъ кренделемъ локти, несъ поднось, уставленный различными солеными яствами, а Пелагея, склонивъ на бокъ голову и закусивъ, въ знакъ осторожности, верхнюю губу, тащила другой поднось съ двумя графинами разной водки, бутылкою хереса и двумя бутылками столоваго вина, по усыпанному пескомъ двору уѣзднаго училища простучалъ легкой экипажець. Вслѣдъ затѣмъ въ двери кухни, гдѣ Женни, засучивъ рукава, разбирала жареную индѣйку, вошелъ маленькій казачокъ и спросилъ: дома ли Евгенія Петровна?

— Дома, — отвѣтила Женни, удивленная, кто бы могъ о ней осведомиться въ городѣ, въ которомъ она никого не знаетъ.

— Это вы-съ? — спросилъ, ослабившись, казачокъ.

— Я, я, — кто тебя прислалъ?

— Барышня-съ къ вамъ пріѣхали.

— Какая барышня?

— Барышня, Елизавета Егоровна-съ.

— Лиза Бахарева! — въ восторгѣ воскликнула Женни, бросивъ кухонный ножъ и спѣша обтирать руки.

— Точно такъ-съ, онѣ пріѣхали, — отвѣчалъ казачокъ.

— Боже мой! гдѣ же она?

— На кабріолеткѣ-съ сидятъ.

Женни отодвинула отъ дверей казачка, выбѣжала изъ кухни и вспорхнула въ кабріолетъ, на которомъ сидѣла Лиза.

— Лиза! голубчикъ! дуся! ты ли это?

— А! видишь, я тебѣ, гадкая Женька, дѣлаю визитъ первая. Не говори, что я аристократка, — ну, поцѣлуй меня еще, еще. Ангелъ ты мой! Какъ я о тебѣ соскучилась — силъ моихъ не было ждать, пока ты пріѣдешь. У насъ гостей полно въ домъ, скука смертельная, просилась, просилась къ тебѣ, — не пускають. Папа пріѣхалъ съ поля, я съѣла въ его кабріолетъ покататься, да вотъ и прикатила къ тебѣ.

— Будто такъ?

— Право.

Дѣвушки разсмѣялись, еще разъ поцѣловались, и обѣ соскочили съ кабриолета.

— Я, вѣдь, только на минуточку, Женни.

— Боже мой!

— Ну да. Какая ты чудиха! Тамъ, вѣдь, съ ума посходятъ.

— Ну пойдемъ, пойдемъ.

— А вы еще не спите?

— Нѣтъ, гдѣ же спать. Всего девять часовъ и у насъ гости.

— Кто?

— Учителя и докторъ.

— Какой?

— Розановъ, кажется, его фамилія.

— Говорятъ, очень странный.

— Кажется. А ты отъ кого слышала?

— Мы съ папой ходили навѣщать этого меревского учителя больного, — онъ очень любить этого доктора и много о немъ рассказывалъ.

— А что этотъ учитель, лучше ему?

— Да, лучше, но онъ все ждетъ доктора. Впрочемъ, папа говорилъ, что у него сильный ушибъ и простуда, а больше ничего.

Дѣвушки перешли черезъ кухню въ Женнину комнату.

— Ахъ, какъ у тебя здѣсь хорошо, Женни! — воскликнула, осматриваясь по сторонамъ, Лиза.

— Да, — я очень довольна.

— А я пока очень недовольна.

— У тебя хорошая комната?

— Да, хорошая, но неудобная, проходная.

— Папа! у насъ новый гость, — крикнула неожиданно Гловацкая.

— Кто, мой другъ?

— Отгадайте!

— Ну, какъ отгадаешь.

— Мой гость, собственно ко мнѣ, а не къ вамъ.

— Ну, теперь и поготово не отгадаю.

Женни открыла двери, и изумленнымъ глазамъ старика предстала Лиза Бахарева.

— Лизанька! съ кѣмъ вы, дитя мое?

— Одна.

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Гдѣ Егоръ Николаевичъ?

— Дома съ гостями,—отвѣчала, смѣясь, Лиза.

— Въ самомъ дѣлѣ вы однѣ?

— Ахъ, какой вы странный, Петръ Лукичъ! Разумѣется, одна, съ казачкомъ Гришей.

Лиза рассказала, какъ она пріѣхала въ городъ, и добавила, что она на минуточку, что ей нужно торопиться домой.

Смотритель взялъ Лизу за руки, ввелъ ее въ залу и познакомилъ съ своими гостями, причемъ гости ограничивались однимъ молчаливымъ, вѣжливымъ поклономъ.

— Не хочешь ли чаю покушать, Лиза? Съѣшь что-нибудь; вѣдь, это я хозяйничаю.

— Ты! Ну, для тебя давай, буду ѣсть.

Дѣвушки взяли стулья и сѣли къ столу.

— Какъ у васъ весело, Петръ Лукичъ!—замѣтила Лиза.

— Какое-жъ веселѣе, Лизанька? такъ себѣ сошлись,—не утерпѣлъ на старости лѣтъ похвастаться товарищамъ дочкою. У васъ въ Меревѣ, я думаю, гораздо веселѣе; своя семья большая, всегда есть гости.

— Да, это правда, а все у васъ какъ-то, кажется, веселѣе выглядить.

— Это сегодня, а то мы все вдвоемъ съ Женней сидѣли, и еще чаще она одна. Я, напротивъ, боюсь, что она у меня заскучаетъ, журналъ для нея выписалъ. Мои-то книги, думаю, ей не по вкусу прійдутся.

— У васъ какія больше книги?

— Разный специальный хламъ, а изъ русскихъ только историческія.

— А у насъ цѣлый шкапъ все какой-то допотопной французской беллетристики, читать невозможно.

— А я часто видалъ, что ваши сестрицы читають.

— Да, онѣ читають, а мнѣ это не нравится. Мы въ институтѣ доставали разные русскіе журналы и все читали, а здѣсь ничего нѣтъ. Вы какой журналъ выписали для Женни?

— «Отечественныя Записки», — старый журналъ и все одинъ и тотъ же редакторъ, при которомъ покойникъ Бѣлинскій писалъ.

— Да, знаю. Мы все доставали въ институтѣ и «Оте-

чественныя Записки», и «Современникъ», и «Русскій Вѣстникъ», и «Библіотеку», всѣ, всѣ журналы. Я просила папу выписать мнѣ хоть одинъ теперь,—мамаша не хочетъ.

— Отчего?

— Богъ ее знаетъ! говорить, читай то, что читаютъ сестры, а я этого читать не могу, не нравится мнѣ.

— Женни будетъ съ вами дѣлиться своимъ журналомъ. А я вотъ буду просить Николая Степановича еще снабжать Женничку книгами изъ его библіотеки. У него много книгъ и онъ можетъ руководить Женничку, если она захочетъ заняться однимъ предметомъ. Самъ я устарѣлъ ужъ, за хлопотами да дразгами поотсталъ отъ современной науки, а Николаю Степановичу за дочку поклоняюсь.

— Если только Евгенія Петровна пожелаетъ и позволить, я буду очень радъ служить ей, чѣмъ могу,—вѣжливо отвѣтилъ Вязмитиновъ.

Женни поблагодарила.

— Какъ жаль, что и я не могу пользоваться вашими совѣтами!—живо замѣтила Лиза.

— Отчего же?

— Я живу въ деревнѣ, а зимой, вѣроятно, уѣдемъ въ губернской городъ.

— Пріѣзжайте къ намъ почаще лѣтомъ, Лизанька. Тутъ вѣдь рукой подать, и будете читать съ Николаемъ Степановичемъ,—сказалъ Гловацкій.

— Въ самомъ дѣлѣ, Лиза, пріѣзжай почаще.

— Да,—хорошо, какъ можно будетъ, а не пустять, такъ буду сидѣть.—Ахъ, Боже мой!—сказала она, быстро вставая со стула;—я и забыла, что мнѣ пора ѣхать.

— Побудь еще, Лиза,—просила Женни.

— Нѣтъ, милая, не могу, и не говори лучше.—А вы что читаете въ училищѣ?—спросила она Вязмитинова.

— Я преподаю исторію и географію.

— Оба интересные предметы, а вы? — обратилась Лиза къ Зарницину.

— Я учитель математики.

— Фуй, какая ужасная наука. Я выше двойки никогда не получала.

— У васъ вѣрно былъ дурной учитель, — немножко рисуясь сказала Зарницинъ.

— Нѣтъ, а впрочемъ, не знаю. Онъ кандидатъ, молодой

и нѣкоторыя у него хорошо учились. Вотъ Женни, напри- мѣръ, она всегда высшій балль брала. Она по всѣмъ пред- метамъ высшіе баллы брала. Вы знаете,—она, вѣдь, у насъ первая изъ цѣлаго выпуска,—а я первая съ другого конца. Я терпѣть не могу нѣкоторыхъ наукъ и особенно вашей математики. А вы естественныхъ наукъ не знаете? Это, го- ворять, очень интересно.

— Да, но занятіе естественными науками тоже требуетъ знанія математики.

— Будто! Вѣдь это для химиковъ или для другихъ, а такъ для любителей, я думаю, можно и безъ этой скучной математики.

— Право, я не умѣю вамъ отвѣчать на это, но думаю, что въ извѣстной мѣрѣ возможно. Впрочемъ, вотъ у насъ докторъ знатокъ естественныхъ наукъ.

— Ну, какъ не знатокъ,—проговорилъ докторъ.

— Мнѣ то же самое говорилъ о васъ меревскій учи- тель,—отнеслась къ нему Лиза.

— Помада! Онъ того мнѣнія, что я все на свѣтѣ знаю и все могу сдѣлать. Вы ему не вѣрьте, когда дѣло касается меня,—я его сердечная слабость. Позвольте мнѣ лучше освѣдомиться, въ какомъ онъ положеніи?

— Ему лучше, и онъ, кажется, ждетъ васъ съ нетер- пѣніемъ.

— Что жъ дѣлать. Я только узналъ о его несчастіи и не могу тронуться къ нему, ожидая съ минуты на ми- нуту непремѣннаго засѣдателя, съ которымъ тотчасъ дол- женъ выѣхать.

— Будто вы сегодня ѣдете?—спросилъ Гловацкій.

— А какъ же! Онъ сюда за мною долженъ заѣхать: вѣдь искусанные волкомъ не ждуть, а завтра къ обѣду назадъ и сейчасъ ѣхать съ исправникомъ. Вотъ вамъ и жизнь, и естественныя, и всякія другія науки,—добавилъ онъ, глядя на Лизу. — Что и зная-то когда-нибудь, и то все успѣлъ семь разъ позабыть.

— Какая странная должность!

— У насъ всѣ должности удивять васъ, если найдете интересъ въ нихъ всмотрѣться. Это еще не самая стран- ная, самую странную занимаетъ Юстинъ Помада. Онъ *чи- таетъ чистотисаніе*.

Всѣ засмѣялись.

— Право! Вы его самого разспросите о его обязанностях: онъ и самъ то же самое вамъ скажетъ.

— Вотъ, Женни, фатальный нашъ прїѣздъ! Не успѣли показаться и чуть-чуть не стоили человѣку жизни,—замѣтила Лиза.

— И еще какому человѣку-то! Единственному, можетъ-быть, цѣлому человѣку на пять тысячъ верстъ кругомъ.

— А вы, докторъ, говорили, что лучший человѣкъ здѣсь мой папа,—проговорила, немножко краснѣя, Женни.

— Это между нами: я говорилъ, Петръ Лукичъ солнце, а Помада вездѣ Антикъ. Петръ Лукичъ все-таки чего-нибудь для себя желаетъ, а тотъ, не сводя глазъ, взираетъ на птицы небесныя, какъ не жнуть, не сѣютъ, не собираютъ въ житницы, а и сыты и одѣты. Я ужъ его пять лѣтъ сряду стараюсь испортить, да ни на одинъ шагъ въ этомъ не подвинулся. Вы обратите на него вниманіе, Лизавета Егоровна, — это дорогой экземпляръ, скоро такихъ ужъ ни за какія деньги нельзя будетъ видѣть. Онъ стоить вниманія и изученія не менѣе самаго допотопнаго монстра. Право. Если любите натуру, въ изученіи которой не можемъ вамъ ничѣмъ помочь ни я, ни мои просвѣщенные друзья, сообществомъ которыхъ мы здѣсь имѣемъ удовольствіе наслаждаться, то вотъ разсмотрите-ка, что такое подъ черепомъ у Юстина Помады. Говорю вамъ, это будетъ интересное занятіе для вашей любознательности, далеко интереснѣйшее, чѣмъ то, о которомъ возвѣщаетъ мнѣ приближеніе вотъ этого проклятаго колокольчика, котораго, кажется, никто даже, кромѣ меня, и не слышитъ.

Изъ-за угла улицы, дѣйствительно, послышался колокольчикъ, и прежде чѣмъ онъ замолкъ у воротъ училища, докторъ всталъ, пожалъ всѣмъ руки и, взявъ фуражку, молча вышелъ за двери. Зарницинъ и Вязмитиновъ тоже стали прощаться.

— Боже, а я-то! Что жъ это я надѣлала, засидѣвшись до сихъ поръ? — тревожно проговорила Лиза, хватаясь за свою шляпку.

— Вы! Нѣтъ, ужъ вы не беспокойтесь: я вашу лошадь давно отослалъ домой и написалъ, что вы у насъ, — сказала, останавливая Лизу, Гловацкій.

— Что вы надѣлали, Петръ Лукичъ! Теперь забранятъ меня.

— Не бойтесь. Нынче больше бы забрали, а завтра поѣдете на моей лошади съ Женичкой, и все благополучно обойдется.

Прощаясь съ Женни, Вязмитиновъ спросилъ ее:

— Вы знакомы, Евгенія Петровна, съ сочиненіями Гизо?

— Нѣтъ, вовсе ничего не знаю.

— Хотите читать этого писателя?

— Пожалуйста. Да вы ужъ не спрашивайте. Я все читаю и постараюсь понять. Это вѣдь историческій писатель?

— Да.

— Пожалуйста,—я съ удовольствіемъ прочту.

Гости ушли, хозяева тоже стали прощаться.

— Ну, что, Женни, какъ тебѣ новые знакомые показались?—спросилъ Гловацкій, цѣлуя дочернину руку.

— Право, еще не думала объ этомъ, папа. Кажется, хорошіе люди.

— Она вѣдь пять лѣтъ думать будетъ, прежде чѣмъ скажетъ,—шутливо перебила Лиза:—а я вотъ вамъ сразу отвѣчу, что каждый изъ нихъ лучше, чѣмъ всѣ тѣ, которые въ эти дни пріѣзжали къ намъ и съ которыми меня познакомили.

Смотритель добродушно улыбнулся и пошелъ въ свою комнату, а дѣвушки стали раздѣваться въ комнатѣ Женни.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Семейная картина въ Меревѣ.

— Однако, что-то плохо мнѣ, Женька, — сказала Лиза, улегшись въ постель съ хозяйкою. — Ждала я этого дома, какъ Богъ знаетъ какой радости, а...

— Что жъ тамъ у васъ? — съ безпокойнымъ участіемъ спросила Женни.

— Такъ, — и рассказать тебѣ не умѣю, а какъ-то сразу тяжело мнѣ стало. Мѣсяць всего дома живу, а все, какъ няня говорить, никакъ въ стихъ не войду.

— Ты еще не осмотрѣлась.

— Боюсь, чтобъ еще хуже не было. Вотъ у тебя я съ первой минуты осмотрѣлась. У васъ хорошо, легко; а тамъ, у насъ, Богъ знаетъ... мудрено все... очень тяжело какъ-то, скучно,—невыносимо скучно.

— Что, Петръ Лукичъ? — спросила Лиза, помѣщаясь на другое утро за чайнымъ столикомъ противъ смотрителя.

— Что, Лизанька?

— Боюсь домой ѣхать.

Смотритель улыбнулся.

— Право!—продолжала Лиза.—Вы не можете себя представить, какъ мнѣ становится чего-то страшно и неловко.

— Полноте, Лизочка,—я отпущу съ вами Женни, и ничего не будетъ, ни слова никто не скажетъ.

— Да я не этого и боюсь, Петръ Лукичъ, а какъ-то это все не то, что я себя воображала, что я думала встрѣтить дома.

— Это вы, дитя мое, не осмотрѣлись съ нами и больше ничего.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что я съ *вами*-то совсѣмъ осмотрѣлась, у васъ мнѣ такъ нравится, а дома все какъ-то такъ странно—и суетливо будто, и мертво. Вообще странно.

— Потому и странно, что не привыкли.

— А какъ совсѣмъ не привыкну, Петръ Лукичъ?

Смотритель опять улыбнулся и, махнувъ рукою, проговорилъ:

— Полноте сочинять, другъ мой!—Какъ къ родной семьѣ не привыкнуть.

Тотчасъ послѣ чаю Женни и Лиза въ легкихъ соломенныхъ шляпкахъ впорхнули въ комнату Гловацкаго, расцѣловали старика и поѣхали въ Мерево, на смотрительскихъ дрожкахъ.

Быль десятый часъ утра, день стоялъ прекрасный, теплый и безоблачный; дорога до Мерева шла почти сплошнымъ дубячкомъ.

Дѣвушки встали съ дрожекъ и безъ малаго почти всѣ семь верстъ прошли пѣшкомъ. Свѣжее, теплое утро и ходьба прекрасно отразились на расположеніи ихъ духа и на ихъ молодыхъ, свѣжихъ лицахъ, горѣвшихъ румянцемъ усталости.

Передъ околицей Мерева онѣ оправили другъ на другѣ платья, сѣли опять на дрожки и въ самомъ веселомъ настроеніи подѣхали къ высокому крыльцу бахаревского дома.

— Встали наши?—торопливо спросила, вбѣгая на крыльцо, Лиза у встрѣтившаго ее лакея.

— Баринъ вставши давно-съ, чай въ залѣ кушаетъ, а барышни еще не выходили,—отвѣчалъ лакей.

Егоръ Николаевичъ одинъ сидѣлъ въ залѣ за самоваромъ

и пить чай изъ большого краснаго стакана, надъ которымъ носились густые клубы табачнаго дыма.

Заслышавъ по залу легкій шорохъ женскаго платья, Бахаревъ быстро повернулся на стулѣ и, не выпуская изъ рукъ стакана, другою рукою погрозилъ подходившей къ нему Лизѣ.

— Шалуха, шалуха, что ты надѣлала!—говорилъ онъ съ добродушнымъ упрекомъ.

— Что, папочка?

— Я хотѣлъ - было за тобою ночью посылать, да такъ ужъ... Какъ таки можно?

— Что жъ такое, папа! Было такъ хорошо, мнѣ хотѣлось повидаться съ Женею, я и поѣхала. Я думала, что успѣю скоро возвратиться, такъ что никто и не замѣтитъ. Ну виновата, ну простите, что жъ теперь дѣлать?

— То-то, что дѣлать?—Шалуныя! Я на тебя и не сержусь, а вонъ, смотри-ка, что съ матерью.

— Что съ мамашей?—тревожно спросила дѣвушка.

— Она совсѣмъ въ постель слегла.

— Боже мой! я побѣгу къ ней. Побудь здѣсь пока, Женни, съ папой.

— Ни, ни, ни!—остановилъ ее Бахаревъ.—У нея цѣлую ночь были истерики и она только передъ утромъ глаза сомкнула, не ходи къ ней, не буди ее, пусть успокоится.

— Ну, я пройду къ сестрамъ.

— Онѣ тоже обѣ не спали. Садитесь-ка, вотъ пейте пока чай, Богъ дастъ все обойдется. Только другой разъ не пугай такъ мать.

За дверями гостиной послышались легкіе шаги и въ залу вошла Зинаида Егоровна. Она была въ бѣломъ утреннемъ пеньюарѣ и ея роскошная, густая коса красиво покоилась въ синелевой сѣткѣ, а всегда блѣдное, болѣзненно прозрачное лицо казалось еще блѣднѣе и прозрачнѣе отъ лежавшаго на немъ слѣда бессонной ночи. Зинаида Егоровна была очень эффектна: точно средневѣковая, рыцарственная дама, мечтающая о своемъ далекомъ рыцарѣ.

Тихой, ровной поступью подошла она къ отцу, спокойно поцѣловала его руку и спокойно подставила ему для поцѣлуя свой мраморный лобъ.

— Что, Зинушка, съ матерью?—спросилъ старикъ.

— Мамѣ лучше, она успокоилась и съ семи часовъ за-

снула. Здравствуйте, Женни! — добавила Зина, обращаясь къ Гловацкой и протягивая ей руку. — Здравствуй, Лиза.

— Здравствуй, Зина.

— Позвольте, пана, — проговорила Зинаида Егоровна, взявшись за спинку отцовскаго стула, и сѣла за самоваръ.

— Чего ты такая блѣдная сегодня, Зиночка, — съ участіемъ освѣдомилась Лиза.

— Не спала ночь, — мнѣ это всегда очень вредно.

— Отчего ты не спала?

— Нельзя же всёмъ оставить мать.

Лиза покраснѣла и закусила губку. Всѣ замолчали.

Женни чувствовала, что здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то тяжело дышится.

Коридоромъ вошла въ залу Софи. Она не была блѣдна, какъ Зина, но тоже казалась нѣсколько утомленною.

Лиза замѣтила это, но уже ни о чемъ не спросила сестру.

Софи поцѣловала отца, потомъ сестеръ, потомъ съ нѣкоторымъ видомъ старшинства поцѣловала въ лобъ Женни и попросила себѣ чаю.

— Весело тебѣ было вчера? — спросила она Лизу, выпивъ первую чашку.

— Да, очень весело, — нѣсколько нерѣшительно отвѣчала Лиза.

И опять всѣ замолчали.

— Чтò вашъ пана дѣлаетъ, Женни? — протянула Зинаида Егоровна.

— Онъ все въ своемъ кабинетѣ: вѣдомости какія-то составляетъ въ дирекцію.

— А вы же чѣмъ занимались все это время?

— Я? Пока еще ничѣмъ.

— Она хозяйничаетъ; у нея все такъ хорошо, такъ тихо, что не вышелъ бы изъ дома, — сочла нужнымъ сказать Лиза.

— А! это прекрасно, — опять протянула Зинаида Егоровна, и опять всѣ замолчали.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь скучно!» — подумала Женни, поправивъ бретели своего платья, и стала смотрѣть въ открытое окно, изъ котораго было видно колосистое поле бурѣвшей ржи.

— Здравствуй, красавица! — проговорила за плечами у Женни старуха Абрамовна, вошедшая съ подносомъ, на

которомъ стояла высокая чайная чашка, раскрашенная синимъ съ золотомъ.

— Здравствуй, няничка! — воскликнула съ восторгомъ Женни и, обнявъ старуху, нѣсколько разъ ее поцѣловала.

— А ты, проказница, забѣхала, да и горя тебѣ мало, — съ ласковымъ упрекомъ замѣтила Лизѣ Абрамовна, пока Зина наливала чай въ матушкину чашку.

— Ахъ, полно, няня!

— Чтѣ полно? не нравится? Вотъ пожалуй-ка къ маменькѣ. Она какъ проснулась, такъ сейчасъ о тебѣ спросить изволила: видѣть тебя желаетъ.

Лиза встала и пошла къ коридору.

— Ты послушай-ка! Постой, моль, подожди, не скачи стрекозою-то, — проговорила Абрамовна, идя вслѣдъ за Лизой по длинному и довольно темному коридору.

Лиза остановилась.

— Ишь у тебя волосы-то какъ разбрылялись, — бормотала старуха, поправляя пальцемъ свободной руки набѣжавшіе у Лизы на лобъ волосы. — Ты поди въ свою комнату, да поправься прежде, причешись, а потомъ и приходи къ родительницѣ, да не фонъ-барономъ, а покорно приди, чувствуя, что ты мать обидѣла.

— Чтѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, всѣ на меня? — вспыльчиво сказала долго сдерживавшаяся Лиза.

— Ахъ, мать моя! не хвалить ли прикажешь?

— Ничего я дурного не сдѣлала.

— Гостей полонъ домъ, а она, фить! улетѣла.

— Ну и улетѣла.

— Какъ это грустно, — говорила Женни, обращаясь къ Бахареву: — что мы съ папой удержали Лизу и надѣлали вамъ столько хлопотъ и неприятностей.

Бахаревъ выпустилъ изъ-подъ усовъ облако дыма и ничего не отвѣтилъ. Въмѣсто его, на этотъ вызовъ отвѣчала Зина.

— Вы здѣсь ничѣмъ не виноваты, Женичка, и вашъ папа тоже. Лиза сама должна была знать, чтѣ она дѣлаетъ. Она еще ребенокъ, прямо съ институтской скамьи и позволяетъ себѣ такія странныя выходки.

— Она хотѣла тотчасъ же ѣхать назадъ, — это мы ее удержали ночевать. Папа безъ ея вѣдома отослалъ лошадь. Мы думали, что у васъ никто не будетъ беспокоиться, зная, что Лиза съ нами.

— Да это вовсе не въ томъ дѣло. Здѣсь никто не сердился и не сердится, но скажите, пожалуйста, развѣ вы, Женни, оправдываете то, что сдѣлала сестра Лиза по своему легкомыслию?

Для Женни былъ очень непріятенъ такой оборотъ разговора.

— Я, право, не знаю, — отвѣчала она: — кто какое значеніе придаетъ тому, что Лиза поѣхалась ко мнѣ.

— Нѣтъ вы, Женичка, будьте прямодушнѣе, отвѣчайте прямо: сдѣлали бы вы такой поступокъ?

— Я не знаю, вздумалось ли бы мнѣ пошалить такимъ образомъ, а если бы вздумалось, то я поѣхала бы. Мнѣ кажется, — добавила Женни, — что мой отецъ не придавалъ бы этому никакого серьезнаго значенія, и поэтому я нимало не оуждала бы себя за шалость, которую позволила себѣ Лиза.

— Правда, правда, — подхватилъ Бахаревъ. — Пойдутъ дуть, да раздувать и надуютъ и себѣ всякія лихія болѣсти, и другимъ безпокойство. Охъ ты, Господи! Господи! — произнесъ онъ, вставая и направляясь къ дверямъ своего кабинета: — ты ищешь только покоя, а онъ знай исторію разводять. И изъ-за чего, за что дѣвочку разогорчили! — добавилъ онъ, входя въ кабинетъ, и такъ хлопнулъ дверью, что въ залѣ задрожали стѣны.

Осторожно, на цыпочкахъ входили въ комнату Ольги Сергѣевны Зина, Софи и Женни. Женни пла сзади всѣхъ.

Оба окна въ комнатѣ у Ольги Сергѣевны были занавѣшены зелеными шерстяными занавѣсками, и только въ одномъ уголокъ занавѣски былъ приподнятъ и приколотъ булавкой. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Ольга Сергѣевна съ нѣскольکو разстроеннымъ лицомъ лежала въ кровати. Возлѣ ея подушекъ стоялъ кругленькій столикъ съ баночками, пузыречками и чашкою недопитаго чаю. Въ ногахъ, держась обѣими руками за кровать, стояла Лиза. Глаза у нея были заплаканы и ноздри раздувались.

— Здравствуй, Женичка! — безучастно произнесла Ольга Сергѣевна, подставляя щеку наклонившейся къ ней дѣвушкѣ, и сейчасъ же непосредственно продолжала: — Положимъ, что ты еще ребенокъ, многого не понимаешь, и потому тебѣ, разумѣется, во многомъ снисходить; но, помилуй скажи, что же ты за репутацию себѣ составишь? Да и не себѣ

одной: у тебя еще есть сестра дѣвушка. Положимъ опять и то, что Соничку давно знаютъ здѣсь всѣ, но все-таки ты ея сестра.

— Господи, маман! ужъ и сестрѣ я даже могу вредить, ну что же это? Будьте же, маман, хоть каплю справедливы,—не вытерпѣла Лиза.

— Ну да, я такъ и ожидала. Это цвѣточки, а будутъ еще ягодки.

— Да Боже мой, чѣмъ же я такое дѣлаю? За какія вины мною всѣ недовольны? Все это за то, что къ Женни на часокъ проѣхала безъ спроса?—произнесла она сквозь душившія ея слезы.

— Лиза! Лиза!—произнесла вполголоса и качая головою Софи.

— Что?

— Оставьте ее, она не понимаетъ,—съ многозначительной гримасой простионала Ольга Сергѣевна:—она не понимаетъ, что убиваетъ родителей. Штуку отляла: исчезла ночью при стороннихъ людяхъ. Это все ничего для нея не значить,—оставьте ее.

Всѣ замолчали. Лиза откинула набѣжавшіе на лобъ волосы и продолжала спокойно стоять въ прежнемъ положеніи.

— Пусть свѣтъ, люди, тяжелыми уроками научать тому, чего она не хочетъ понимать,—продолжала чрезъ нѣкоторое время Ольга Сергѣевна.

— Да что же понимать, маман?—совсѣмъ нетерпѣливо спросила послѣ короткой паузы Лиза.—У тети Агнии я сказала свое мнѣніе, можетъ-быть, очень невѣрное, и, можетъ-быть, очень некстати, но неужто это ужъ такой проступокъ, которымъ нужно постоянно пилить меня?

— Да,—вздохнувъ, застонала Ольга Сергѣевна.—Одну глупость сдѣлаемъ, за другую возьмемся, а тамъ за третью, за четвертую и такъ далѣе.

— Если ужъ я такъ глупа, маман, то что-жъ со мной дѣлать? Буду дѣлать глупости, мнѣ же и будетъ хуже.

— Ахъ, уйди, матушка, уйди Бога ради!—нервно вскрикнула Ольга Сергѣевна.—Не распускай при мнѣ этой своей философіи. Ты очень умна, просвѣщенна, образованна, и я не могу съ тобой говорить. Я глупа, а не ты, но у меня есть еще другія дѣти, для которыхъ нужна моя жизнь. Уйди, прошу тебя.

Лиза тихо повернулась, и твердою, спокойною поступью вышла за двери.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Перепилили.

Гловацкой очень хотѣлось выйти вслѣдъ за Лизой, но она осталась.

Ольга Сергѣевна вздохнула, сдѣлала гримасу и, обратясь къ Зинѣ, сказала:

— Накапъ мнѣ на сахаръ гофманскихъ капель, да пошлите ко мнѣ Абрамовну.

Женни воспользовалась этимъ случаемъ и пошла позвать няню.

Лиза сидѣла на балконѣ, положивъ свою головку на руку. Глаза ея были полны слезъ, но она безпрестанно смаргивала эти слезы и глядѣла на разстилавшееся за рѣкою колосистое поле.

Женни подошла, поцѣловала ее въ лобъ и сѣла съ ней рядомъ на плетеный диванчикъ.

— Чтò тамъ теперь?—спросила Лиза.

— Ничего; Ольга Сергѣевна, кажется, хочетъ уснуть.

— Что если это такъ будетъ всегда, цѣлую жизнь?

— Ну, Богъ знаетъ чтò, Лиза! Ты не выдумывай себѣ, пожалуйста, горя больше, чѣмъ оно есть.

— Что-жъ это по-твоему — ничего? Можно, по-твоему, жить при такихъ сценахъ? А это первое время; первый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ дома послѣ шестилѣтней разлуки! Боже мой! Боже мой! — воскликнула Лиза и, не удержавъ слезъ, горько заплакала.

— Полно плакать, Лиза, — уговаривала ее Гловацкая.

Лиза не могла удержаться и, зажавъ платкомъ ротъ, вся дергалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Перестань, что это! Застануть въ слезахъ, и еще хуже будетъ. Пойдемъ, пройдемся.

Лиза молча встала, отерла слезы и подала Женни свою руку.

Дѣвушки прошли молча длинную тополевою аллею сада и вышли черезъ калитку на берегъ, съ котораго открывался домъ и англійскій садъ камергерши Меревой.

— Какой красивый видъ отсюда! — сказала Гловацкая.

— Да, красивый, — равнодушно отвѣчала Лиза, снова обтирая платкомъ слезы, наполнившія ея глаза.

— А оттуда, изъ ея оконъ, я думаю, еще лучше.

— Богъ знаетъ, — поле и нашъ домъ, должно-быть, видны. Впрочемъ, я, право, не знаю, и меня теперь это вовсе не занимаетъ.

Дѣвушки продолжали идти молча по берегу.

— Ваши съ нею знакомы? — спросила Женни, чтобы не давать задумываться Лизѣ, у которой безпрестанно навертывались слезы.

— Съ кѣмъ? — нетерпѣливо спросила Лиза.

— Съ Меревой.

— Знакомы.

Лиза опять обтерла слезы.

— А ты познакомилась?

— Съ Меревой?

— Да.

— Нѣтъ; мы ходили къ ней съ папой, да она нездорова что-ль-то была: не приняла. Мы только были у Помады, навѣщали его. Хочешь, зайдемъ къ Помадѣ?

— Я очень рада была бы, Лиза, но какъ же это? Идти однимъ, къ чужому мужчинѣ, на чужой дворъ.

— Да что жъ такое? Ну что жъ съ нами сдѣлается?

— Ничего не сдѣлается, а пойдутъ толковать.

— Что жъ толковать? Больного развѣ нельзя навѣстить? Больныхъ всѣ навѣщаютъ. Я же была у него съ папой, отчего же мнѣ теперь не пойти съ тобою?

— Нѣтъ, я не пойду, Лиза, именно съ тобою и не пойду, потому что здоровья мы ему съ собою не принесемъ, а тебѣ ужъ такъ достанется, что и мѣста не найдешь.

— Да, вотъ это-то! — протянула, насушивъ бровки, Лиза, и опять задумалась.

— О чемъ ты все задумываешься? Брось это все, — говорила Женни.

— Да, брось! Хорошо тебѣ говорить: «брось», а сама бы попробовала слушать эти вѣчные реприманды. И отъ всѣхъ, отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ. Ахъ, ты, Боже мой! да что жъ это такое! И мать, и Знаа, и Соничка, и даже няня. Только одинъ отецъ не брюзжитъ, а то всѣ, таки рѣшительно всѣ. Шагъ ступлю — не такъ ступила; слово скажу — не такъ сказала; все не такъ, все имъ не нравится, и поидетъ на цѣлый день разговоръ. Я хотѣла бы посмотреть на тебя на моемъ мѣстѣ; хотѣла бы видѣть, отска-

живало ли бы отъ тебя это обращеніе, какъ отъ тебя все отскакиваетъ.

— Чего жъ ты сердисься, Лиза? Я вѣдь не виновата, что у меня такая натура. Я ледышка, какъ вы называли меня въ институтѣ, ну и что жъ мнѣ дѣлать, что я такая ледышка. Можетъ-быть, это и лучше.

— Я буду очень рада, если тебя мужъ будетъ бить,— совершенно забывшись, проговорила Лиза.

Женни поблѣднѣла, какъ блѣлый воротничокъ ея манишки, и дернула свою руку съ локтя Лизы, но тотчасъ же остановилась и съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ сказала:

— Даже будешь рада!

— Да, буду рада, очень буду рада.

Женни опять подернуло, и ея блѣдное лицо вдругъ покрылось яркимъ румянцемъ.

— Ты взволнована и сама не знаешь, что говоришь, на тебя нельзя даже теперь сердиться.

— Конечно, я глупа; чего жъ на мои слова обращать вниманіе,—отвѣчала ей съ ѣдкой гримаской Лиза.

— Не придирайся, пожалуйста. Недостаетъ еще, чтобы мы вернулись надувшись другъ на друга: славная будетъ картина и тоже кстати.

— Нѣтъ, ты меня бѣсишь.

— Чѣмъ это?

Твоимъ напускнымъ равнодушіемъ, этой спокойностью какою-то. Тебѣ вѣдь отлично жить, и ты отлично живешь; у тебя все ладится и всегда все будетъ ладиться.

— Ну, такъ ты и желаешь, чтобы, для разнообразія въ моей жизни, меня билъ мой мужъ?

— Не билъ, а такъ вотъ пилилъ бы. Да вѣдь тебѣ что жъ это. Тебѣ это ничего. Ты будешь лѣшкой у мужа, и тебѣ это все равно будетъ,—будешь очень счастлива.

Женни спокойно молчала. Лиза вся дрожала отъ негодованія и, насупивъ брови, добавила:

— Да, это такъ и будетъ.

— Что это такое?

— Что будешь тряпкой, которой мужъ будетъ пыль стирать. Женни опять немножко поблѣднѣла и произнесла:

— Ну, это мы посмотримъ.

— Нечего и смотрѣть: все такъ видно.

— Не станемъ больше спорить объ этомъ. Ты оскорблена

и срываетъ на мнѣ свое сердце. Мнѣ тебя такъ жаль, что я и сказать не умѣю, но все-таки я съ тобой, для твоего удовольствія, не поссорюсь. Тебѣ нынче не удастся вытянуть у меня дерзость; но вспомни, Лиза, нянину пословицу, что вѣдь «и сырыя дрова загораются».

— И пусть,—еще болѣе насупясь, отвѣчала Лиза.

Гловацкая не отвѣтила ни слова и, дойдя до перекрестной дорожки, тихо повернула къ дому.

Лиза шла рядомъ съ подругою, все сильнѣе и сильнѣе опираясь на ея руку.

Такъ онѣ дошли молча до самого сада. Пройдя также молча нѣсколько шаговъ по саду, у поворота къ тополевой аллеѣ Лиза остановилась, высвободила свою руку изъ руки Гловацкой и, кусая ноготокъ, съ тѣми же, однако, насупленными бровками, сказала:

— Ты на меня сердисься, Женни? Я передъ тобою очень виновата; я тебя обидѣла, прости меня.

Большіе глаза Гловацкой и ея доброе лицо приняли выраженіе какого-то неописаннаго счастья.

— Боже мой!—воскликнула она:—какое чудо! Лиза Бахарева первая попросила прощенья.

— Да, прости меня, я тебя очень обидѣла,—повторила Лиза и, бросаясь на грудь Гловацкой, зарыдала, какъ маленькій ребенокъ:—я скверная, злая и не стою твоей любви,—лепетала она, прижимаясь къ плечу подруги.

У Гловацкой тоже набѣжали слезы.

— Полно гдѣть,—говорила она:—ты добрая, хорошая дѣвушка; я тебя теперь еще больше люблю.

Лиза мало-по-малу стихала и, наконецъ, поднявъ голову, совсѣмъ весело взглянула въ глаза Гловацкой, отерла слезы и нѣсколько разъ ее поцѣловала.

— Пойдемъ, умоемся,—сказала Женни.

Дѣвушки снова вышли изъ сада и, взойдя на плотикъ, умылись и утерлись носовыми платками.

— Вотъ если бы насъ видѣли!—сказала Лиза съ улыбкой, которая плохо шла къ ея заплаканнымъ глазамъ.

— Ну и что жъ, ничего бы не было, если бы и видѣли.

— Какъ же! Ахъ, Женька, возьми меня, душка, съ собою. Возьми меня, возьми отсюда. Какъ мнѣ хорошо было бы съ вами. Какъ я счастлива была бы съ тобою и съ твоимъ отцомъ. Вѣдь это онъ научилъ тебя быть такой доброю.

— Нѣтъ, я вѣдь такъ родилась, такая ледышка, — смѣясь, отвѣчала Женни.

— Да, какъ же! Нѣтъ, это тебя выучили быть такой хорошей. Люди не рождаются такими, какими они послѣ выходятъ. Развѣ я была когда-нибудь такая злая, гадкая, какъ сегодня?.. — У Лизы опять навернулись слезы. Она была ужъ очень разстроена: кажется, всѣ нервы ея дрожали, и она ежеминутно снова готова была расплакаться.

Женни замѣтила это и сказала:

— Ну, перестанемъ толковать, а то опять придется умыться.

— Что жъ, я говорю правду, мнѣ это больно; я никогда не забуду, что сказала тебѣ. Я вѣдь и въ ту минуту этого не чувствовала, а такъ сказала.

— Ну, развѣ я этого не знаю.

— То-то, ты не подумай, что я хоть на минуту тебя не любила.

Лиза опять расплакалась.

— Ты забудь, забудь, — говорила она сквозь слезы: — потому что я... сама ничего не помню, что я дѣлаю. Меня... такъ сильно... такъ сильно... такъ сильно... оби... обидѣли. Возьми... возьми къ себѣ, другъ мой! ангелъ мой хранитель... сох... сохрани меня.

— Что ты болтаешь, смѣшная! Какъ я тебя возьму? Здѣсь у тебя семья: отецъ, мать, сестры.

— Я ихъ буду любить, я ихъ еще... больше буду любить. Тутъ я ихъ скорѣе перестану любить. Они, можетъ-быть, и доб...рые всѣ, но они такъ странно со мною обра...щаются. Они не хотятъ понять, что мнѣ такъ нельзя жить. Они ничего не хотятъ понимать.

— Ты только успокойся, перестань плакать-то. Они узнаютъ, какая ты добрая, и поймутъ, какъ съ тобою нужно обращаться.

— Н...нѣтъ, они не поймутъ; они никог...да, ни...ког...да не поймутъ. Тетка Агнія правду говорила. Есть, вѣрно, въ самомъ дѣлѣ семья, гдѣ еще меньше понимаютъ, чѣмъ въ институтѣ.

Лиза, разстроенная до послѣдней степени, неожиданно бросилась на колѣни предъ Гловацкою и въ какомъ-то изступленіи проговорила:

— Ангелъ мой, возьми! Я здѣсь ихъ возненавижу, я

стану злая, стану демономъ, чудовищемъ, звѣремъ... или я... чортъ знаетъ чего надѣлаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Перчатка поднята.

Узнавъ, что мужъ очень сердится и начинаетъ похлопывать дверями, Ольга Сергѣевна рѣшилась выздоровѣть и выйти къ столу. Она умѣла доѣзжать Егора Николаевича истерическими фокусами, но все-таки сильно побаивалась заходить далеко. Храбрый эскъ-гусарь, опутанный слезливыми бабами, обыкновенно терпѣливо сносилъ подобныя сцены и, по безпредѣльной своей добротѣ, никогда не умѣлъ остановить ихъ прежде, чѣмъ эти сцены совершенно выводили его изъ терпѣнія. Но зато, когда визгъ, стоны, суетливая бѣготня прислуги выводили его изъ терпѣнія, онъ, громко хлопнувъ дверь, уходилъ въ свою комнату и порывисто бѣгалъ по ней изъ угла въ уголъ. Если же еще съ полчаса исторія въ домѣ не прекращалась, то двери кабинета обыкновенно съ шумомъ распахивались, Егоръ Николаевичъ выбѣгалъ оттуда дрожащій и съ растрепанными волосами. Онъ стремительно достигалъ комнаты, гдѣ истеричничала Ольга Сергѣевна, громовымъ словомъ и многознаменательнымъ движеніемъ чубука выгонялъ вонъ изъ этой комнаты всякую живую душу и затѣмъ держалъ къ корчившей ноги больной такую рѣчь:

— Вамъ мѣшаютъ успокоиться, и я васъ запру на ключъ, пока вы не перестанете.

Затѣмъ эскъ-гусарь выходилъ за дверь, оставляя больную на постели одну-одинешеньку. *Manu intrepida* поворачивалъ онъ ключъ въ дверномъ замкѣ и, усѣвшись на первое ближайшее кресло, дымилъ какъ паровозъ, выкуривая трубку за трубкой, до тѣхъ поръ, пока за дверь не начинали стихать истерическіе стоны. Сначала, когда Ольга Сергѣевна была гораздо моложе и еще питала нѣкоторыя надежды хоть разъ выйти съ достоинствомъ изъ своего замкнутого положенія, Бахареву иногда приходилось долго ждать конца жениныхъ припадковъ; но разъ отъ раза, по мѣрѣ того, какъ взбѣшенный гусарь прибѣгалъ къ своему оригинальному лѣченію, оно у него все шло удачнѣе. Не успѣтъ, бывало, Бахаревъ, усѣвшись у двери, докурить первой трубки, какъ уже вмѣсто безпорядочныхъ облаковъ дыма выпустить изъ рта

стройное, правильное колючко, что обыкновенно служило несомнѣннымъ признакомъ, что Егоръ Николаевичъ ровно черезъ двѣ минуты встанетъ, повернетъ обратно ключъ въ двери, а потомъ уйдетъ въ свою комнату, велитъ запрягать себѣ лошадей и уйдетъ дня на два, на три въ городъ заниматься дѣлами по предводительской канцеляріи и дворянской опецѣ. У Егора Николаевича никакъ нельзя было добиться: подозрѣваетъ ли онъ свою жену въ истерическомъ притворствѣ, или считаетъ свой способъ лѣченія надежнымъ средствомъ противъ дѣйствительной истерики, но онъ неуклонно слѣдовалъ своему правилу до счастливаго дня своей серебряной свадьбы. А теперь, когда Абрамовна доложила Ольгѣ Сергѣевнѣ, что «баринъ хлопнули дверью и ушли къ себѣ», Ольга Сергѣевна опасалась, что Егоръ Николаевичъ не измѣнитъ себѣ и до золотой свадьбы. Хорошо зная, что должно наступить послѣ маневра, о которомъ ей доложила Абрамовна, Ольга Сергѣевна протонала:

— Только не бѣгайте Бога ради, не суетитесь; голову всю мнѣ разломали своимъ безтолковымъ снованьемъ. Мечутся безъ толку изъ угла въ уголь, словно угорѣлыя кошки, право.

Произнеся такую рѣчь, Ольга Сергѣевна будто успокоилась, полежала и потомъ спросила:

— А кормили ли сегодня кошечекъ-то?

— Какъ же, татап, кормили,—отвѣчала Софи.

— То-то. Матузалевицѣ надо было сырого мясца дать: она все еще нездорова; ее не надо кормить варенымъ. Дайте-ка мнѣ туфли и плафоръ, я попробую встать. Бока отлежала.

Проба оказалась удачной. Ольга Сергѣевна встала, перешла съ постели на кресло и не надѣла бѣлаго плафора, а потребовала темненькій капотикъ.

— Скучно здѣсь,—говорила она, поглядывая на дверь:— дайте я попробую выйти къ столу.

Вторая проба была опять удачна не менѣе первой. Ольга Сергѣевна безопасно достигла столовой, поклонилась мужу, потомъ помолилась передъ образомъ и сѣла за столъ на свое обыкновенное мѣсто.

Взглянувъ на наплаканные глаза Лизы, она сдѣлала страдальческую мину матери, оскорбленной непочтительною дочерью, и стала разливать супъ съ кнелюю.

Егоръ Николаевичъ былъ мраченъ и хранилъ гробовое молчаніе. Глядя на него, всѣ тоже молчали.

— Что вы такъ мало кушаете, Женичка? — обратился, наконецъ, въ срединѣ обѣда Бахаревъ къ Гловацкой.

— Благодарю васъ, я сыта.

— То-то, вы кушайте по-нашему, по-русски, вплотную. У насъ, вѣдь, не то, что въ институтѣ: «дѣти! дѣти! чего вамъ? Картооофеллю, картоооффеллю!» — пропицаль, какъ-то весь сократившись, Бахаревъ, какъ бы подражая въ этомъ рассказѣ какой-то директрисѣ, которая каждое утро спрашивала своихъ воспитаницъ: «дѣти, чего вамъ?» А дѣти ей всякое утро отвѣчали хоромъ: «картофелю».

Всѣ были очень рады, что буря проходитъ, и всѣ разсмѣялись. И заплаканная Лиза, и солидная Женни, и рыцарственная Зина, бездѣтная Софи, и даже сама Ольга Сергѣевна не могла равнодушно смотрѣть на Егора Николаевича, который, продекламировавъ послѣдній разъ «картоооффеллю», остался въ принятомъ имъ на себя «сращенномъ видѣ и смотрѣть робкими институтскими глазами въ глаза Женни.

— Это вовсе не похоже; никогда этого у насъ не было, — смѣясь, отвѣчала Бахареву Женни.

— Какъ? какъ не было? Не было этого у васъ, Лизокъ? Не просили вы себѣ всякій день кааартоооффеллю!

— Нѣтъ, папа: насъ хорошо кормили. Теперь въ институтахъ хорошо кормятъ.

— Ну, рассказывайте, *хорошо*. Знаемъ мы это хорошо! На десять штукъ фунтъ мяса сварять, а то все кааартоооффеллю.

— Да нѣтъ же, папа, не знаете вы, — шутливо возразила Лиза.

— Реформы, значить, реформы, и до васъ дошли благотѣльные реформы?

— Да, теперь по всему замѣтно, что въ институтахъ иные порядки настали. Прежнихъ порядковъ ужъ нѣтъ, — какъ-то двусмысленно замѣтила Ольга Сергѣевна.

— Да, вотъ я смотрю на Евгенію Петровну: кровь съ молокомъ. Если бы старые годы — съ сердечкомъ распростись.

— Стыдно подсмѣиваться, Егоръ Николаевичъ, — замѣтила Женни и покраснѣла.

— А краснѣють-то нынѣшнія институтки еще такъ же точно, какъ и прежнія,—продолжалъ шутить старикъ.

— Не всё, папа,—весело замѣтила Лиза.

— Да, не всё,—вздохнувъ и принявъ угнетенный видъ, подхватила Ольга Сергѣевна. — Изъ нынѣшнихъ институтокъ есть такія, что, кажется, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не покраснѣють. О чемъ прежнія и думать-то, и разсуждать не умѣли, да и не смѣли, въ томъ нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ съ старшими зубъ за зубъ. Ни совѣты имъ, ни наставленія, ничто не нужно. Сами все больше другихъ знаютъ и никѣмъ, и ничѣмъ не дорожатъ.

Лиза взглянула на Гловацкую и сохранила совершенное спокойствіе во все время, пока мать загинала ей эту шпильку.

За чаемъ шшигованье повторилось снова.

— Поѣдемте на озеро, Женичка. Вы вѣдь еще не были на нашемъ озерѣ. Будемъ тамъ ловить рыбу, сваримъ уху и приѣдемъ,—предложилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, Егоръ Николаевичъ, я не могу, я сегодня должна быть дома.

— Полноте, что вамъ тамъ дома, съ своимъ старикомъ дѣлать? У насъ вотъ будетъ какой гусарчикъ Канивцовъ—чудо!

— Богъ съ нимъ!

— Сонька его совсѣмъ заполонила, разбойница, но вы... одно слово: *veni, vidi, vici*.

— Что это значитъ?

— Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

— Оооо! Мнѣ этого пока вовсе не нужно.

— Те, те, те, не нужно! Всѣ такъ говорить—не нужно, а женишка порядочнаго сейчасъ и залетутъ въ свои розовыя сѣти.

— Я вамъ не сказала, что мнѣ вовсе не нужно, а я говорю, мнѣ это *пока* не нужно.

— А, — разсмотрѣть хотите, это другое дѣло. Ну, а съ нами-то нынче оставайтесь.

— Не могу, Егоръ Николаевичъ.

— Лиза, что жъ ты не просишь?

Лиза очень боялась этого разговора и чуть внятно проговорила:

— Оставайся, Женни.

— Не могу, Лиза, не проси. Ты знаешь, ужъ если бы было можно, я не отказала бы себѣ въ удовольствіи и осталась бы съ вами.

— Вы не по-дружески ведете себя съ Лизой, Женичка, — начала Ольга Сергѣевна. — Прѣжнія институтки тоже такъ не поступали. Прѣжнія всегда старались превосходить одна другую въ великодушіи.

— Если одна пила рюмку уксуса, то другая двѣ за нее, — подхватилъ развеселившійся Бахаревъ и захохоталъ.

— Да, — продолжала Ольга Сергѣевна: — а вы вотъ не такъ. Лиза у васъ ночевала, по вашему приглашенію, а вы не удовлетворяете ея просьбы.

Лиза во время этого разговора старалась смотрѣть какъ можно спокойнѣе.

— Лизанька, вѣроятно, и совсѣмъ готова была бы у васъ остаться, а вы не хотите подарить ей одну ночьку.

— Я не могу, Ольга Сергѣевна.

— Отчего же она могла?

— У меня хозяйство, я ничѣмъ не распорядилась.

— А, вы хозяйничаете!

— Не могу выдерживать. Я и за обѣдомъ едва могла промолчать на всѣ эти задиранья. Господи! укроти Ты мое сердце! — сказала Лиза, выйдя изъ-за чая.

Ольга Сергѣевна прямо изъ-за самовара ушла къ себѣ; для Гловацкой велѣли запрягать ея лошадь, а на балконъ подали дунистый, розовый варенецъ.

Вся семья, кромѣ старухи, сидѣла на балконѣ. На дворѣ были густыя лѣтнія сумерки и изъ-за меревского сада выплывала красная луна.

— Ахъ, луна! — воскликнула Лиза.

— Что это, Лиза! точно вы не видали луны, — замѣтила Зинаида Егоровна.

— И этого нельзя? — сухо спросила Лиза.

— Не нельзя, а смѣшно. Тебя прозовутъ мечтательницею. Зачѣмъ же быть смѣшною?

Къ крыльцу подали дрожки Гловацкаго, и Женни стала надѣвать шляпку.

— Надолго теперь, Женни.

— Не знаю, Лизочка. Я постараюсь увидѣть тебя поскорѣе.

— Вы ужъ и замужъ безъ Лизы не выходите, — смѣясь проговорилъ Бахаревъ.

— Я ужь вамъ сказала, Егоръ Николаевичъ, что мы съ Лизой еще и не собираемся замужъ.

Бахаревъ продекламировалъ:

«Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего,
Не надо мнѣ съ волею
Въ свѣтѣ ничего».

— Такъ ли?

— Именно такъ, Егоръ Николаевичъ?

— И ты тоже, Лизокъ?

— О, да, тысячу разъ да, папа.

— Ну вотъ, говорятъ, институтки перемѣнились! Все тѣ же, и все тѣ же у нихъ пѣсенки.

Егоръ Николаевичъ снова расхохотался. Женни простилась и вышла. Зина, Софи и Лиза проводили ее до самыхъ дрожекъ.

— Какая ты счастливица, Женни: ѣхать ночью одной по лѣсу. Ахъ, какъ хорошо!

— Боже мой! что это, въ самомъ дѣлѣ, у тебя, Лиза, то ночь, то луна, дружба... тебя, просто, никуда взять нельзя, съ тобою засмѣютъ, — произнесла по-французски Зинаида Егоровна.

Женни замѣтила при свѣтѣ луны, какъ на глазахъ Лизы блеснули слезы, но не слезы горя и отчаянія, а сердитыя, непокорныя слезы, и прежде чѣмъ она успѣла что-нибудь сообразить, та откинула волосы и рѣзко сказала:

— Ну, однако, это ужь надоѣло. Знайте же, что мнѣ все равно не только то, что скажутъ обо мнѣ ваши знакомые, но даже и все то, что съ этой минуты станете обо мнѣ думать сами вы, и моя мать, и мой отецъ. Прощай, Женни, — добавила она и шибко взбѣжала по ступенямъ крыльца.

— Однако, какія тамъ странныя вещи, въ самомъ дѣлѣ, творятся, папа, — говорила Женни, снимая у себя въ комнатѣ шляпку.

— Что такое, Женюша?

Гловацкая рассказала отцу все происходившее на ея глазахъ въ Меревѣ.

— Это скверно, — замѣтилъ старикъ. — Чудаки, право! люди не злые, особенно Егоръ Николаевичъ, а живутъ Богъ

знаетъ какъ. Надо бы Агнесѣ Николаевнѣ это умнечко шепнуть: она направитъ все иначе, — а пока Христось съ тобой, — иди съ Богомъ спать, Женюшка.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Слово съ вѣсомъ.

Мать Агнія у окна своей спальни вязала нитяный чулокъ. Передъ нею на стулѣ сидѣла сестра Теокиста и разматывала съ моталки бумагу. Былъ двѣнадцатый часъ дня.

— Это, конечно, дѣлаетъ тебѣ честь, — говорила игуменя, обращаясь къ сестрѣ Теокистѣ: — а все же такъ нельзя. Я просила губернатора, чтобы тебѣ твое, что слѣдуетъ, отъ свекрови истребовали и отдали.

Теокиста не отрывала глазъ отъ работы и молчала.

Голось игуменя на этотъ разъ былъ какъ-то слабѣе обыкновеннаго: ей сильно нездоровилось.

— Пока ты здорова, конечно, можешь и безъ поддержки прожить, — продолжала мать Агнія: — а помилуй Богъ, бо-лѣзни, — тогда что?

— Я, матушка, здорова, — тихо отвѣчала Теокиста.

— Ну, да. Я объ этомъ не говорю теперь, а вѣдь живъ человекъ живое и думаетъ. Мало ли чѣмъ Господь можетъ побѣдить: тогда копеечка-то и понадобится.

Теокиста вздохнула.

— И опять, что не въ коня кормъ-то класть, — разсуждала мать Агнія. — Другое дѣло, если бы оставила ты свое доброе роднымъ, или нероднымъ, да людямъ, которые понимали бы, что ты это дѣлаешь отъ благородства, и сами бы поучались быть поближе къ добру-то и къ Богу. Тутъ бы и говорить нечего: дѣло хорошее. А то, что изъ всего этого выходитъ? Свекровь твоя ужъ навѣрное тебя же душой считаетъ, да и весь городъ-то, мужлань-то ваши, о тебѣ того же мнѣнія. «Вонъ, молъ, дуру-то какъ обдѣлали», да и сами того же на другихъ, тебѣ подобныхъ, овцахъ искать стануть. Подумай сама, не правду ли я говорю?

— Не знаю, матушка, — краснѣя проронила Теокиста.

Въ кельѣ наступило молчаніе.

Игуменя быстро шевелила чулочными прутками и смотрѣла на свою работу, нѣсколько надвинувъ брови и о чемъ-то напряженно размышляя. Теокиста также усердно работала и съ полчаса въ кельѣ только и было слышно,

что шелканье чулочныхъ спиць, да ровный, усыпляющій шумъ деревянной моталки.

— Дома мать игуменья?—произнесъ среди этой тишины мужской голосъ въ передней.

Игуменья подняла на лобъ очки и, относясь къ Θεоктистъ, проговорила:

— Кто бы это такой?

Θеоктиста немедленно встала и въ комнатѣ дѣвочекъ встрѣтилась съ Бахаревымъ, который шутливо погрозилъ ей пальцемъ и вошелъ къ игуменью.

— Здравствуй, сестра!—произнесъ онъ, цѣлуя руки матери Агнии.

— Здравствуй, Егоръ!—отвѣчала игуменья, снова надѣвъ очки и снова зашевеливъ стальными спицами.

— Какъ живешь-можешь?

— Что мнѣ дѣлается? Живу, Богу молюсь, да хлѣбъ жую. Какъ вы тамъ живете?

— И мы живемъ.

— Ну, и хорошо. Къ губернатору, что ли, прѣхаль?

— Да, и дѣлишки кое-какія собрались, и съ тобой захотѣлось повидаться.

— Спасибо.— Чаю хочешь?

— Пожалуй.

— Θεоктиста! скажи тамъ,—распорядилась игуменья.

Θеоктиста вышла и черезъ минуту вошла снова.

— Эхъ, сестра Θεоктиста,—шутить Бахаревъ:—какъ на васъ и смотрѣть ужъ не знаю!

— Какъ изволите?—спросила спокойно ничего не разслышавшая Θεоктиста, но покраснѣла, зная, что Бахаревъ любитъ пройти насчетъ ея земной красоты.

— Полно врать-то! Тоже любезничать: сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро,—съ поддѣльнымъ неудовольствіемъ остановила его игуменья и, посмотрѣвъ съ артистическимъ наслажденіемъ на Θεоктисту, сказала:— Иди пока домой. Я тебя позову, когда будетъ нужно.

Монахиня поставила въ уголокъ моталку, положила на нее клубокъ, низко поклонилась, проговорила: «спаси васъ, Господи!» и вышла.

Братъ съ сестрою остались вдвоемъ. Весноватая келейница подала самоваръ.

— Ну, что жъ твои тамъ дѣлають?—спросила игуменья, заваривъ чай и снова взявшись за чулочныя спицы.

— Да что? Не знаю, какъ тебѣ рассказать.

— Что жъ это за мудрость такая?

— Съ котораго конца начать-то, говорю, не знаю.

Игуменья подняла голову и, не переставая стучать спицами, пристально посмотрѣла через свои очки на брата.

— Жена ничего,—хворала немножко,—проговорилъ Бахаревъ:—а теперь лучше; дѣти здоровы, слава Богу.

— А Зининъ мужъ?—спросила мать Агнія, смотря на брата тѣмъ же пронизательнымъ взглядомъ и попрежнему стуча спицами.

— Да вотъ думалъ, не встрѣчу ли его здѣсь.

— А она у васъ все?

— У насъ пока.

Игуменья покачала неодобрительно головой и стала поднимать спущенную петлю.

— Странная ты, сестра! Гдѣ же ей, въ самомъ дѣлѣ, быть?

— Гдѣ? У мужа, я думаю.

— Да вѣдь вотъ поди же.

Бахаревъ въ недоумѣннн развелъ руками.

— Что жъ такое?

— Не ладить все, Богъ ихъ знаетъ.

— А вы приголубивайте дочку-то. Поди, моль, сюда: ты у насъ пайныка,—кошка дура.

— Да вѣдь что жъ дѣлать?

— Къ мужу отправить. Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристаеть. Разъ бы, да другой увидала, что нельзя глупить, такъ и обдумалась бы; она вѣдь не дура. А то маменька съ папенькой сами потворствуютъ, бабенка и дурить, а потомъ и въ привычку войдетъ.

— Да я, сестра, ничего, я даже...

— Ты даже, — хорошо. Постой-ка, батюшка! Ты, вонъ тебѣ шестой десятокъ, да на хорошенькихъ-то зѣваешь, а ея мужу тридцать лѣтъ! тутъ безъ грѣха грѣхъ.—Да грѣхъ-то еще грѣхомъ, а то и сердечиншко заговорить. Отъ капризныхъ-то женъ мужей вѣдь умѣють подбирать: тебѣ, моль, милая, онъ не годится, ну, дескать, мнѣ подай. Вы об этомъ подумали съ нѣжной маменькой-то или нѣтъ,—а?

— Да я, сестра...

— Что, братецъ?

— Я съ тобой совершенно согласенъ, даже хотѣлъ...

— Да вѣрно хотѣи не велѣлъ,—ѣдко подсказала игуменья.

— Да полно тебѣ, сестра! Я говорилъ, что это не хорошо.

— Это гадко, а не просто нехорошо. Парень слоняется изъ дома въ домъ по барынькамъ, да сударынькамъ, вездѣ ему рады. Да и отчего жъ нѣтъ? Человѣкъ молодой, не дурень, говорить не дуракъ,— а дома пустыя комнаты, да женины капризы помнятся: эй, глядите, друзья, попомните мое слово: будетъ у васъ эта милая Зиночка ни дѣвушка, ни вдова, ни замужняя жена.

— Да она возвратится, возвратится.

— Когда жъ это она возвратится?

— Да вотъ...

— Когда мужъ пріѣдетъ, да станетъ ублажать, ручки лизать, да упрасивать? А какъ, наконецъ, и не станетъ?—значительно моргнувъ однимъ глазомъ, закончила мать Агнія.

Бахареви молчалъ.

— Переломить надо эту фанаберію-то. Пусть разъ спесь-то свою спрячетъ, да вернется къ мужу съ покорной головой. А то,—эй, смотри, Егоръ!— на цѣлый вѣкъ вы бабенку сгубите. И что ты-то, въ самомъ дѣлѣ, за колнакъ такой!

— Я, право, сестра, самъ бы давно ее спровадилъ, да вѣдь знаешь мой характеръ дурачкій: сценъ этихъ смерть боюсь. Вѣдь изъ себя выйду, чортъ знаетъ, что надѣлаю.

— Да что тутъ за сцены! Велѣлъ тихо-спокойно запрячь карету, объявилъ рабѣ Божіей: «поѣзжай, моль, матушка, честью, а не поѣдешь, повезутъ поневолѣ»,— вотъ и вся не долга. И поѣдетъ, какъ увидитъ, что съ ней не шутки шутять, и съ мужемъ изъ-за вздоровъ разѣѣзжаться по пяти разъ на годъ не станеть. Тебя же еще будетъ благодарить и поса съ прежними шутками въ отповскій домъ, срамница этакая, не покажетъ.—А Лиза какъ?

Бахареви опять развелъ руками и, вытянувъ впередъ губы, отвѣчалъ:

— Да, тоже какъ-то все...

— А-а, ужъ началось! Я такъ скоро не ожидала.—Ну, что же такое?

— Съ матерью, съ сестрами все какъ-то не поладить. Она на нихъ, онѣ на нее... ничего не разберу. Послушки такіе какіе-то странные...

— Напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, недѣли три тому назадъ, ночью улетѣла.

— Куда это она могла улетѣть? Расскажи, батюшка мой, толкомъ.

Игуменья положила на колѣни работу и приготовилась слушать.

Бахаревъ разсказалъ извѣстную намъ исторію Лизиней поѣздки къ Гловацкимъ и остановился на отъѣздѣ Женни.

— Ну, а послѣ жъ что было?—спокойно спросила игуменья.

— За сущіе пустяки, за луну тамъ, что ли, избрала Соню и Зину, ушла, не прощаясь, наверхъ, двое сутокъ высидѣла въ своей комнатѣ; ни съ кѣмъ ни одного слова не сказала.

Игуменья улыбнулась и опять сказала:

— Ну?

— Ну, и такъ до сихъ поръ: кромѣ «да» да «нѣтъ» никто отъ нея ни одного слова не слышалъ. Я ужъ, было, и покричалъ наемни,—ничего, и глазомъ не моргнула. Ну, а потомъ мнѣ жалко ее стало, приласкалъ, и она ласково меня поцѣловала.—Теперь вотъ передъ отъѣздомъ моимъ пришла въ кабинетъ сама (чтобы не забыть еще, право), просила ей хоть какой-нибудь журналъ выписать.

— Какой же?

— Журналъ для дѣвицъ, что-ль то: тамъ у меня записано. Жена ей выбрала.

— А, Ольга Сергѣевна! Ну, она во всемъ знатокъ!

— Что жъ, все-таки мать.

— Да кто жъ говорить!

Игуменья медленно приподнялась, отворила старинную шифоньерку и, доставъ оттуда тридцать рублей, положила ихъ передъ братомъ, говоря:

— Вотъ, сдѣлай-ка мнѣ одолженіе, потрудись выписать Лизѣ два хорошіе журнала. Она не дитя, чтобы ей побасенки читать.

— Да зачѣмъ же это, сестра? На что жъ твои деньги? Развѣ я самъ не могу выписать для дочери?

— Ну, ты самъ можешь дѣлать, что тебѣ угодно, а это прошу сдѣлать отъ меня. А не хочешь, я и сама пошлю на почту, — добавила она, протягивая руку къ лежащимъ деньгамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же ты сердиться? Я пошлю завтра же.

— Да, пожалуйста, и Лизѣ скажи, что это я ей посылаю. Пусть на здоровье читаетъ. Лучше чѣмъ стонать-то, да съ гусарами брындахлыстничать.

— Ну, ужъ ты пошла!

— Да, поѣхала.

— Какая ты, право, Агнеса! Къ тебѣ ѣдешь за совѣтомъ, за добрымъ словомъ, а ты все ищешь, какъ бы уколоть, уязвить да обидѣть.

Игуменья только переѣвила спицу и начала новый рядъ.

— Мнѣ самому кажется, что съ Лизой нужно какъ-то не такъ.

Игуменья спокойно вязала.

— Какъ она тебѣ, сестра, показалась?

— Да что жъ — какъ мнѣ? Надо знать, какъ она вамъ показала? Вы для нея больше, чѣмъ я.

— Да, мнѣ кажется, она добрая дѣвочка, только съ душкомъ.

— То-есть, съ характеромъ; скажи.

— Тебѣ она, видно, понравилась?

— Хорошая дѣвушка: прямая и смѣлая.

— Это еще институтское.

— Нѣтъ, это кровное, — съ нѣкоторою, едва, впрочемъ, замѣтною гордостью возразила игуменья.

— Вотъ ты все толкуешь, сестра, о справедливости, а и сама тоже несправедлива. Соничкѣ тамъ, или Зиночкѣ все въ строку, даже гусаровъ. Вѣдь не выгонять же молодыхъ людей.

— Молодыхъ повѣсь, скажи, — перебила игуменья.

— Ну, будь по-твоему, ну, повѣсь; а все же не выгонять ихъ изъ дому, когда дѣвушки въ домѣ.

Игуменья промолчала.

— И опять; отчего же такъ они всѣ повѣсы? Есть и очень солидные молодые люди.

— Солидные молодые люди дѣло дѣлаютъ: прежде хорошенько учатся, а потомъ хорошенько служатъ; а эти-то кое-какъ учились и кое-какъ служить норовятъ, лишь бы выслужиться. Повѣсы да и только.

— Однакоже и Гловацкій молодой тебѣ не понравился, а вѣдь онъ по ученой части идетъ.

— И по ученой части дураковъ развѣ мало? Я думаю, пожалуй, не меньше чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Ну, о немъ, я думаю, этого нельзя сказать, — критиканъ большою, это точно.

— Дуракъ онъ большою: надѣлъ на себя какую-то либеральную хламиду и несетъ вздоръ, благо попалъ въ болото, гдѣ и трясогузъ птица. Какъ это ты, въ самомъ дѣлѣ, опустился, Егоръ, что не умѣешь ты различить паву по перьямъ. Этотъ балбеска Ипполитъ, Зина съ Соней, или Лиза, это у тебя все на одномъ кругу вертится. Ну, ты только подумай! То вральманъ, которому покажи пукъ розогъ, такъ онъ и отъ всего отречется; Зина съ Соней какія-то ныльнующія, — кто ужъ ихъ тамъ опредѣлить: и въ коробъ не лѣзутъ, и изъ короба не идутъ. На этотъ фруктъ нонче у насъ пора урожайная: прудъ пруди людямъ на-смѣхъ, еще ихъ вволю останется. А Лизанька—кровь! Пойми ты: *бахаревская* кровь, а не Ольги Сергѣевнина. Ты долженъ стать за Лизу. Лиза женщина, я въ ней вижу нашу гордость. Мало ли, что имъ въ ней примерещится. Ты долженъ ее защитить отъ этого пиленья-то. Вѣдь самъ знаешь, что противъ жару и камень треснетъ, а въ ней — опять тебѣ повторяю—наша кровь, бахаревская.

— Да, я это чувствую, — присаниваясь говорилъ Егоръ Николаевичъ:—я чувствую и понимаю.

— А понимаешь, такъ и разумѣй, какъ долженъ поступать. Горяча она очень, откровенна, пряма до смѣшного—это пройдетъ. Съ Женей пусть почаще вмѣстѣ бывають: дѣвушка предостойная, хотя и совсѣмъ въ другомъ родѣ. А умничать надъ нею много не позволяй. Школить-то ее нечего, какъ собаченку. Свѣтской пустотѣ сама еще подчинится, придетъ время. За женихами падать очень ужъ такъ нечего. Такія дѣвушки, какъ Лиза, на каждомъ шагу не встрѣчаются. Была бы охота, найдеть доброхота. Придетъ пора, передѣлается, насколько сама сочтетъ нужнымъ. Изъ ничего ничего не сдѣлаешь, а она матерьяль. Я вонъ вѣкъ свой до самага монастыря француженкой росла, а нынче, батюшка мой, съ мужикомъ мужичка, съ купцомъ купчиха, а съ бариномъ и барыней еще быть не разучилась. Это все пустяки, а ты смотри, чтобы ее не грызли, чтобъ она не металась, бѣдняжка, нигдѣ не находи сочувствія: вотъ это твое дѣло.

— Это правда, я непременно, непременно.

Бахаревъ сталъ прощаться.

— Ты сегодня развѣ ѣдешь?

— Сейчасъ даже; человекѣ оставлю забрать покупки да вотъ твои деньги на почту отправить, а самъ сейчасъ домой. Ну, прощай, сестра, будь здорова.

— Прощай, да смотри помни о Лизѣ-то.

— Хорошо, хорошо.

— То-то хорошо. Скажи на ушко Ольгѣ Сергѣевнѣ, — прибавила, смѣясь, игуменья: — что если Лизу будутъ обижать дома, то я ее къ себѣ въ монастырь возьму. Не смѣйся, не смѣйся, а скажи. А безъ шутокъ говорю: если увижу, что вы не хотите дать ей жить сообразно ея натурѣ, честное слово даю, что къ себѣ увезу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Слово воплощается.

Черезъ день послѣ описаннаго разговора Бахарева съ сестрою, въ Меревѣ обѣдали ранѣе обыкновеннаго, и въ то время, какъ господамъ подавали кушанье, у подъѣзда стояла легонькая бахаревская каретка, запряженная четверней небольшихъ саврасыхъ вятокъ.

За столомъ сидѣла вся семья и Юстинъ Помада, нѣсколько блѣдный и нѣсколько растерянный.

У Ольги Сергѣевны и Зины глаза были наплаканы до опухоли вѣкъ; Софи тоже была не въ своей тарелкѣ.

Одна Лиза сидѣла ровно и спокойно, какъ будто чужое лицо, до котораго прямымъ образомъ нимало не касаются никакія домашнія дразги.

Егоръ Николаевичъ былъ твердъ тою своеобычною рѣшимостью, до которой онъ доходилъ послѣ долгихъ уклоненій, и съ которой ужъ зато его свернуть было невозможно, если его разъ перепилили. Теперь онъ ѣлъ за четверыхъ и не обращалъ ни на кого ни малѣйшаго вниманія.

Зина была одѣта въ очень кокетливо сшитое дорожное холстинковое платье; всѣ прочія были въ своихъ обыкновенныхъ нарядахъ.

Пружина безмязежнаго пріюта дѣйствовала: Зина уѣзжала къ мужу. Она энергически протестовала противъ своей высылки, еще энергичнѣе протестовала противъ этого мать ея, но всѣхъ энергичнѣе былъ Егоръ Николаевичъ. Объявивъ свою непреклонную волю, онъ ушелъ въ кабинетъ, многозначительно хлопнулъ дверью, велѣлъ кучерамъ запрягать

карету, а горничной дѣвущкѣ Зины укладывать ея вещи. Бахаревъ отдалъ эти распоряженія такимъ тономъ, что Ольга Сергѣевна только проговорила:

— Собирайся, Зиночка.

А люди стали перешептываться:

— Т-съ! баринъ гнѣвень!

Правду говоря, однако, всѣхъ тяжеле въ этотъ день была роль самого добросердаго барина и всѣхъ пріятнѣе роль Зины. Ей давно смерть хотѣлось возвратиться къ мужу, и теперь она получила разомъ два удовольствія: надѣвала на себя вѣнокъ страдальцы и возвращалась къ мужу, яко бы не по собственной волѣ, имѣя, однако, въ виду всѣ пріятныя стороны совмѣстнаго житія съ мужемъ, которыми весьма дорожила ея натура, неуважавшая капризовъ распущеннаго разума.

Рада была Зина, когда лошади тронули ее отъ отцовскаго крыльца, радъ былъ и Егоръ Николаевичъ, что онъ выдержалъ и поставилъ на своемъ.

«Бахаревская кровь,—думалъ онъ,—бахаревская кровь, сила, терпѣніе, настойчивость: я Бахаревъ, я настоящій Бахаревъ».

— Мнишекъ! — крикнулъ онъ, подумавши это: — позвать мнѣ Марину.

Явилась Абрамовна.

— Лизочкины вещи перенести въ Зинину комнату и устроить ей тамъ все, какъ слѣдуетъ, — скомандовалъ Бахаревъ.

Марина Абрамовна молча поглядывала то на Егора Николаевича, то на его жену.

— Слышишь?—спросилъ Егоръ Николаевичъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчала старуха.

— Ну, и дѣлай.

— Егоръ!—простонала Ольга Сергѣевна.

— Что-съ?—отрывисто спросилъ Бахаревъ.

— Это можно постѣ.

— Это можно и сейчасъ.

— Гдѣ же будетъ помѣщаться Зина?

— У мужа.

— Но у нея не будетъ комнаты.

— Мужнинъ домъ великъ. Пока ребятъ не нарожала еще, двѣ семьи размѣстить можно.

— Но для прїѣзда.

— А! ну да. Мнишекъ, устрой такъ, чтобы Зиночкѣ было хорошо въ прїѣздъ остановиться въ теперешней Лизиной комнаткѣ.

— Слушаю-съ, — снова, поглядывая на всѣхъ, проговорила Абрамовна.

— Ну, иди.

Абрамовна вышла.

— Какъ же это можно, Егоръ Николаевичъ, помѣстить Зину въ проходной комнатѣ? — запротестовала Ольга Сергѣевна.

— Га! А Лизу можно тамъ помѣстить?

— Лиза ребенокъ.

— Ну, такъ что-жъ?

— Она еще недавно въ общихъ дортуарахъ спала.

— А Зина?

— Что-жъ, Зинѣ, по вашему распоряженію, теперь негдѣ и спать будетъ.

— Негдѣ? негдѣ?—съ азартомъ спросилъ Бахаревъ.

— Конечно, негдѣ,—простонала Ольга Сергѣевна.

— У мужа въ спальнѣ, — полушопотомъ и съ грознымъ придыханіемъ произнесъ Егоръ Николаевичъ.

— Ахъ, Боже мой!..

— Что-съ?

— Ну, а на случай прїѣзда?

— О! на случай прїѣзда довольно и Лизиной комнаты. Если Лизѣ для постояннаго житья ея довольно, то ужъ для прїѣзда-то довольно ея и черезчуръ.

— Что-жъ, устроено все? — спросилъ Бахаревъ Абрамовну, сидя за вечернимъ чаемъ.

Абрамовна молчала.

— Не устроено еще?—переспросилъ Бахаревъ.

— Завтра можно, Егоръ Николаевичъ, — отвѣтила за Абрамовну Ольга Сергѣевна.

Бахаревъ допилъ стаканъ, всталъ и спокойно сказалъ:

— Лиза! иди-ка къ себѣ. Мы перенесемъ тебя съ Юстиномъ Феликсовичемъ.

И пошли, и перенесли все Лизино въ спокойную, удаленную отъ всякаго шума комнату Зины, а Зинины вещи довольно уютно устали въ бывшей комнатѣ Лизы.

И все это своими руками.

— Вот живи, Лизочекъ, — возгласилъ Егоръ Николаевичъ, усѣвшись отдохнуть на табуретъ въ новомъ помѣщеніи Лизы, когда тутъ все уже было уставлено и приведено въ порядокъ.

Лиза, хранившая мертвое молчаніе во время всѣхъ сегодняшнихъ распоряженій, при этихъ словахъ встала и поцѣловала отцовскую руку.

— Живи, голубка. Книги будутъ и покой тебѣ будетъ.

— Я завтра полочки тутъ для книгъ привѣшу, — проговорилъ Помада, сидѣвшій тутъ же на ящикѣ въ углу, и на слѣдующее утро онъ явился съ тремя книжными полочками на ремнѣ и большою, закрытою зеленою бумагою, клѣткою, въ которой сидѣлъ курскій соловей.

Полки Помада повѣсилъ по стѣнкѣ, а клѣтку съ курскимъ соловьемъ подѣ окномъ.

— Отлично теперь, Лизавета Егоровна! — произнесъ онъ, забивъ послѣдній гвоздь и отойдя къ двери.

— Отлично, Юстинъ Феликсовичъ, — отвѣчала Лиза и стала уставлять на полки свои книжечки.

Такъ и зажила Лиза Бахарева.

Ставъ одинъ разъ въ разрывъ съ матерью и сестрами, она не умѣла съ ними сойтись снова, а онѣ этого не искали. Отецъ стоялъ за нее, но не умѣлъ пайти ей прямой симпатіи. Съ Женей она видалась не часто и то на самое короткое время. Она видѣла, что у матери и сестеръ есть предубѣжденіе противъ всѣхъ ея прежнихъ привязанностей и писала Гловацкой: «Ты, Женька, не подумай, что я тебя разлюбила! Я тебя всегда буду любить. Но ты знаешь, какъ мнѣ скверно, и я не хочу, чтобы это скверное стало еще сквернѣе. А я тебя крѣпко люблю. Ты не сердись, что я къ тебѣ не ѣзжу! Меня теперь и пустили бы, да я теперь не хочу этой милости. Ты приѣзжай ко мнѣ. У меня теперь хорошо, а пока пришли мнѣ книгъ. У меня есть три журнала, да что жъ это!»

Женни брала у Вязмитинова для Лизы—Гизо, Маколея, Милля, Шлоссера. Все это она посылала къ Лизѣ и только дивилась, какъ такъ скоро все это возвращалось съ лаконическою надписью карандашомъ: «читала», «читала» и «читала».

— Давайте еще, — просила Женни Вязмитинова.

— Право, ужъ ничего болѣе нѣтъ, — отвѣчала учитель.

— Хотите политическую экономію послать?—спрашивала Зарницынъ.

— Или логику Гегеля,—шутя добавляла Вязмитиновъ.

— Давайте, давайте,—отвѣчала Женни.

И вѣхали эти книжки, шутки ради, въ Мерево, а оттуда возвращались съ лаконическими надписями: «читала», «читала».

— Лиза, что это ты дѣлаешь!—спрашивала Гловацкая.

— Что, дружокъ мой?

— Ты будешь синимъ чулкомъ.

— Отчего?

— Что ты все глотаешь?

— А! ты это о книгахъ?

— Да, о книгахъ.

— Я люблю читать.

— Но нужно читать что-нибудь одно. Вязмитиновъ говоритъ, что непременно нужно читать съ системой, и я это чувствую.

— Ты что же читаешь?

— Я читаю одни историческія сочиненія.

— Это хорошо.

— А ты?

— Я читаю все. Я терпѣть не могу системъ. Я очень люблю заниматься такъ, какъ занимаюсь. Я хочу жить безъ указки всегда и во всемъ.

И такъ жила Лиза до осени, до Покрова, а на Покровъ у нихъ былъ прощальный деревенскій вечеръ, за которымъ слѣдовалъ отъѣздъ въ губернскій городъ на цѣлую зиму.

На этомъ прощальномъ вечерѣ гостей было со всѣхъ волостей. Были и гусары, и помѣщики либеральные, и помѣщики изъ непосредственныхъ натуръ, и дамы уродливыя, и дамы хорошенькія, сочныя, аппетитныя и довольно рѣшительныя. Егоръ Николаевичъ ходилъ лично приглашать къ себѣ камергершу Мереву, но она, вмѣсто отвѣта на его приглашеніе, спросила:

— А Кожухова у тебя будетъ?

— Будетъ,—отвѣчала Бахаревъ.

— И князь будетъ?

— Какъ же, будетъ.

— Ну, батюшка, такъ что жъ ты хочешь развѣ, чтобъ на твоёмъ вечерѣ скандалъ былъ?

— Боже спаси!

— То-то, я вѣдь не утерплю, спрошу эту мадамъ, гдѣ она своего мужа дѣла? Я его мальчишкомъ знала и любила. Я не могу, видя ее, лишиться себя случая дать ей давно слѣдующую пощечину. Такъ лучше, батюшка, и не зови меня.

Смотритель и Вязмитиновъ съ Зарницынымъ были на вечерѣ, но держались какъ-то въ сторонкѣ, а докторъ обѣщаль быть, но не пріѣхаль. Лиза и здѣсь, по обыкновенію, избѣгала всякихъ разговоровъ и, нехотя протанцовавъ двѣ кадрили, ушла въ свою комнату съ Женей.

— Кто этотъ молоденькій господинъ пріѣзжій?—спросила она Женни объ одномъ изъ гостей.

— Который?

— Черный, молоденькій.

— Какой-то Пархоменко.

— Нѣтъ, о Пархоменкѣ я слышала, а этотъ иностранецъ?

— Какой-то Райнеръ.

— Что онъ такое?

— Богъ его знаетъ.

— Откуда они? Изъ Петербурга?

— Да.

— У кого они гостятъ?

— Богъ ихъ знаетъ.

— Этотъ Пархоменко дурачокъ.

— Кажется.

— А Райнеръ?

— Не знаю.

— Чего бы ему сюда съ дураками?— убирая косу, проговорила Лиза и легла съ Женею спать подъ звуки безпощадно разбиваемаго внизу фортепiano.

Лиза ужъ совсѣмъ эмансипировалась изъ-подъ домашняго вліянія, и на такихъ положеніяхъ уѣхала, на третій день послѣ прощальнаго вечера, со всею своею семьею въ губернской городъ.

— А хорошо, папа, устроилась теперь Лиза, — говорила отцу Женни, вѣдуци съ нимъ на другой день домой.

— Ну...—промычалъ Гловацкій и ничего не высказаль.

Вечеромъ въ этотъ же день у нихъ былъ Пархоменко и Райнеръ.

Пархоменко все дергалъ носомъ, колупалъ пальцемъ глазъ и говорилъ о необходимости совершенно иныхъ во всемъ

порядковъ и разныхъ противодѣйствій консерваторамъ. Райнеръ много рассказывалъ Женни о чужихъ краяхъ, а въ особенности объ Англии, въ которой онъ долго жилъ и которую очень хорошо зналъ.

— Боже! я тамъ всегда видѣла верхъ благоустройства,— говорила ему Женни.

— И неправомѣрности,— отвѣчалъ Райнеръ.

— Тамъ свобода.

— Номинальная. Свобода протестовать противъ голода и умирать безъ хлѣба,—спокойно отвѣчалъ Райнеръ.

— А все же свобода.

— Да. Свобода голоднаго рабства.

— А у насъ?

— У васъ есть будущее: у васъ меньше вредныхъ преданій.

— У насъ невѣжество.

— На дѣло скорѣе готовы люди односторонніе, чѣмъ переворачивающіе все на всѣ стороны.

— Гдѣ вы учились по-русски?

— Я давно знаю. Мнѣ нравился вашъ народъ и вашъ языкъ.

— Вы поговорите съ Вязмитиновымъ. Онъ здѣсь, кажется, больше всѣхъ знаетъ.

«Какой странный этотъ Райнеръ!» думала Женни, засыпая въ своей постелькѣ послѣ этого разговора.

На другой день она кормила на дворѣ куръ и слышала, какъ Вязмитиновъ, взявшись съ уличной стороны за кольцо ихъ калитки, сказалъ:

— Ну, прощайте,—добрый вамъ путь.

— Прощайте,—отвѣчалъ другой голосъ, который на первый разъ показался Женѣ незнакомымъ.

— Разсчитывайте на меня смѣло,—говорилъ Вязмитиновъ:—я готовъ на все за движеніе, конечно, за такое,—добавилъ онъ,—которое шло бы легальнымъ путемъ.

— Я увѣренъ,—отвѣчалъ голосъ.

— Только легальнымъ путемъ. Я не вѣрю въ успѣхъ иного движенія.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ снова голосъ.

— Кто съ вами былъ здѣсь за воротами? —спросила Вязмитинова Женни, не выпуская изъ рукъ чашки съ молоченымъ горохомъ.

— Райнеръ,—мы съ нимъ прощались,—отвѣчалъ Вязмитиновъ.—Очень хорошій человѣкъ.

— Кто? Райнеръ?

— Да.

— Кажется. Чтò ему здѣсь нужно? Какія у него занятія?

— Онъ путешествуетъ.

— А! Это у насъ новость? Куда жь онъ ѣдетъ?

— Такъ ѣдетъ, съ своимъ пріятелемъ и съ Помадой.
А что?

— Ничего. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень образованный и очень милый человѣкъ.

— И милый?—съ полушутливой, полуѣдкой улыбкой переспросилъ Вязмитиновъ.

— И милый,—еще разъ подтвердила Женни, покраснѣвшись и нѣсколько поспѣшливо сложивъ свои губки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Крещенскій вечеръ.

На дворѣ рано осмеркъ самый сердитый зимній день и немилосердно била сухая пурга. Въ двухъ шагахъ человѣка уже не было видно. Даже красный свѣтъ лучинъ, заплавшихъ въ крестьянскихъ хатахъ, можно было замѣтить, когда совсѣмъ ужь ткнешься носомъ въ занесенную снѣгомъ суволуку, изъ которой бѣльмисто смотритъ обледенѣлое оконце. На господскомъ дворѣ камергерши Меревой, съ самага начала сумерекъ, люди сбивались съ дороги: вмѣсто параднаго крыльца дома, попадали въ садовую калитку; идучи въ мастерскую, заходили въ конюшню; отправляясь къ управительницѣ, попадали въ избу скотницы. Такая пурга была, что свѣту Божьяго не видно. А между тѣмъ не держала эта пурга по своимъ угламъ меревскую дворню. Люди, вырядившись шутами, ходили толпою изъ флигеля во флигель, шли водочку, гдѣ таковая обрѣталась, плясали, шумѣли, веселились. Особенно потѣшались всѣхъ поваренокъ Ефимка, привязавшій себѣ льняную бороду и устроившій изъ подушекъ аршинный горбъ, по которому его во всю ночь принимались колотить горничныя дѣвушки, какъ только онъ, по праву святочныхъ обычаевъ, запускалъ свои руки за пазуху то турчанкѣ, то цыганкѣ, то богинѣ въ вѣнцѣ, вырѣзанномъ изъ стараго штофнаго кокошника барышницей кормилицы. Словомъ,

на меревскомъ дворѣ были настоящія святки. Даже бахаревскій садовникъ и птичница пришли сюда, несмотря на пургу, и тоже переходили за ряжеными изъ кухни въ людскую, изъ людской въ контору и такъ далѣе.

— А у насъ-то теперъ, — говорила бахаревская птичница: — у насъ скука пристрашенная... Прямо сказать, настоящая Сибирь, какъ есть Сибирь. Мы словно какъ въ гробу живемъ. Окна въ домѣ заперты, сугробовъ нанесло, что и не выльзешь: живемъ старые, да кволие. Всѣ-то наши въ городѣ, и таково-то намъ часомъ бываетъ скучно, скучно, а тутъ какъ еще псы-то ночью завоютъ, такъ ннда даже будто какъ и жутко станетъ.

Между тѣмъ, какъ переряженные дворовые слонялись по меревскому двору, а сѣрые облачные столбы сухого снѣга, вздымаясь, гуляли по полямъ и дорогамъ, сквозь померзлое окно въ комнатѣ Юстина Помады постоянно мелькала взадъ и впередъ одна и та же темная фигура. Эта фигура былъ самъ Помада. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по своему чулану и то ворошилъ свою шевелюру, то нюхалъ зеленую вѣточку ели, или моталъ ея у себя подъ носомъ. На столѣ у него горѣла сальная свѣчка, распространяя вокругъ себя не столько свѣта, сколько зловонія; на лежанкѣ чуть-чуть пицалъ угасавшій самоваръ, и тутъ же стоялъ графинъ съ водкой и большая деревянная чашка соленыхъ и нѣсколько промерзлыхъ огурцовъ.

— Во-первыхъ, истинная любовь скромна и стыдлива, а во-вторыхъ, любовь не можетъ быть безъ уваженія, — произнесъ Помада, не прекращая своей прогулки.

— Разказывай, — возразилъ голосъ съ кровати.

Теперь только, когда этотъ голосъ изобличалъ присутствіе въ комнатѣ Помады еще одного живого существа, можно было разсмотрѣть, что на постелѣ Помады, преспокойно растянувшись, лежалъ человѣкъ въ дубленомъ короткомъ полушубкѣ и, закинувъ ногу на ногу, преспокойно курилъ довольно гадкую сигару.

Всматриваясь въ эту фигуру, вы узнавали въ немъ доктора Розанова. Онъ сегодня вѣхалъ со слѣдствія, завернулъ къ Помадѣ, а тутъ поднялась кура, онъ и остался у него до утра.

— Это вѣрно, — говорилъ Помада, какъ бы еще разъ обдумавъ высказанное положеніе и убѣдившись въ его совершенной немогущественности.

— Какъ не вѣрно!—иронически замѣтилъ докторъ.

— Бѣлинскій пишетъ, что любовь тогда чувство почтенное, когда предметъ любви достоинъ уваженія.

— Изъ чего и слѣдуетъ, что и Бѣлинскій могъ провираяться.

— Ну, у тебя всѣ провираются.

— А всѣ!

— Ну, можно ли любить женщину, которую ты не уважаешь, которой не вѣришь?

— Не о чемъ и спрашивать. Стало-быть можно, когда люди любятъ.

— Люди черти, люди и водку любятъ.

— Дура ты, Помада, право дура, и дуракомъ-то тебя назвать грѣхъ.

Докторъ замолкъ.

— Терпѣть я тебя не могу за эту дрянную манеру. Какого ты чорта все идеальничаешь?

— Оставь ужъ лучше, чѣмъ ругаться, — замѣтилъ, обидясь, Помада.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— А въ самомъ дѣлѣ, оставимъ этотъ разговоръ, да и только.

— И это можно, но ты мнѣ только скажи вотъ: ты съ уваженіемъ любишь или нѣтъ?

— Я никого не люблю исключительной любовью.

— Чтò врать! Самъ сто разъ сознавался, то въ Катеньку, то въ Машеньку, то въ Сашеньку, а ужъ вѣчно врѣзавшись... То-есть, вѣдь такой козелъ сладострастный, что и вообразить невозможно. Вспыхнетъ, какъ порохъ, отъ каждаго женскаго платья и пошелъ идеализировать. А корень всѣхъ этихъ привязанностей совсѣмъ сидитъ не въ уваженіи.

— А въ чемъ же по-твоему?

— Ну ужъ, братъ, не въ уваженіи.

— По-твоему, небось, чортъ знаетъ въ чемъ... въ твоихъ грязныхъ наклонностяхъ.

— Те, те, те! ты, братъ, о грязныхъ-то наклонностяхъ не фордыбачь. Противъ природы не пойдешь, а пойдешь, такъ дуракомъ и выйдешь. Да твое-то дѣло для меня объясняется вовсе не одними этими, какъ ты говоришь, грязными побужденіями. Я даже думаю, что ты, пожалуй,— чортъ тебя знаетъ, — ты, можетъ-быть, и, дѣйствительно,

способенъ любить такъ, что уважаешь. Ты прежде вотъ, я говорю, врѣжешься, а потомъ и пошелъ додумывать своей богинѣ всякія неземныя и земныя добродѣтели. Ну, не такъ, что ли?

— Конечно, не такъ.

— Какъ же это ты и Зину Бахареву уважаешь, и Соньку, и Лизу, и поповну молодую, и Гловацкую?

— Эко напугалъ!

— Чего? да развѣ ты не во всѣхъ въ нихъ влюбленъ? Какъ есть во всѣхъ. Такой ужъ, ты, братъ, сердечкинъ, и я тебя не осуждаю. Тебѣ хочется любить, ты вотъ распяться бы хотѣлъ за женщину, а никакъ это у тебя не выходитъ. Никто ни твоей любви, ни твоихъ жертвъ не принимаетъ, вотъ ты и ищешь все своихъ идеаловъ. Какое тутъ чортъ уваженіе. Развѣ, уважая Лизу Бахареву, можно уважать Зинку, или, уважая поповну, рядомъ съ ней можно уважать Гловацкую?

— Да къ чему жъ ты ихъ всѣхъ путаешь?

— Власть, братецъ мой, такую имѣю и ничѣмъ ты мнѣ этого возбранить не можешь, потому что рыльце у тебя въ пуху.

Докторъ всталъ съ постели, набилъ себѣ дорожную трубку, потомъ выпилъ рюмку водки и, перекусивъ огурецъ, снова повалился на постель.

— Все это, братецъ мой, Юстинъ Феликсовичъ, я принимаю въ видахъ ближайшаго достиженія твоего благополучія,—произнесъ онъ, раскуривая трубку.

— Благодарю покорно,—процѣдилъ сквозь зубы Помада, не прекращая своей безконечной протулки.

— И долженъ благодарить, потому что эта идеальность тебя до добра не доведетъ. Такъ вотъ и просидишь всю жизнь на меревскомъ дворѣ, мечтая о любви и самоотверженіи, которыхъ на твое горе здѣсь принять-то некому.

— Ну, и просижу,—спокойно отвѣчалъ Помада.

— Просидишь?—Ну и сиди, прѣй.

Помада молчалъ.

— Отличная жизнь,—продолжалъ иронически докторъ:— и преплезная тоже! Лѣтомъ около барышень цвѣточки нюхаетъ, а зиму, въ ожиданіи этого лѣтняго блаженства, бѣгаетъ по своему чулану, какъ полевой волкъ въ клѣткѣ звѣринца. Ты мнѣ врѣ; я тебѣ вѣдъ безъ всякихъ шутокъ говорю, что ты дурѣть сталъ: ты-таки и одурѣешь.

— Какой былъ, таковъ и есть, — опять процѣдилъ Помада, видимо тяготясь этимъ разговоромъ и всячески желая его окончить.

— Нѣтъ, не таковъ. Ты еще осенью былъ человѣкомъ, подававшимъ надежды проснуться, а теперь, какъ Бахарева уѣхали, ты совсѣмъ — шутъ тебя знаетъ, на что ты похожъ, — безтолковъ совсѣмъ, милый мой, становишься. Я думалъ, что Лизавета Егоровна тебя повернетъ своей живостью, а ты, вѣрно, только и способенъ мндалничать.

Помада продолжалъ помахивать у своего носа словою вѣточкой и молчалъ, выдерживая свое достоинство.

Докторъ всталъ, выпилъ еще рюмку водки и сталъ раздѣваться.

— У человѣка факты живые передъ глазами, а онъ ужъ и ихъ не видитъ, — говорилъ Розановъ, снимая съ себя сапоги. — Стану я факты отрицать, не выживши изъ ума! Просто одурѣваешь ты, Помада, просто одурѣваешь.

— Это ты отрицатель-то, а не я. Я все признаю, я многое признаю, чего ты не хочешь допустить.

— Напримѣръ, любовь, происходящую изъ уваженія? — смѣясь спросилъ докторъ.

— Да, что тебѣ далось нынче это уваженіе! — воскликнулъ Помада нѣсколько горячѣе обыкновеннаго.

— Сердишься! ну, значить, ты неправъ. А ты не сердись-ка, ты дай вотъ я съ тебя показаніе сниму и сейчасъ докажу тебѣ, что ты неправъ. Хочешь ли и можешь ли отвѣчать?

— Да я не знаю, о чемъ ты хочешь спрашивать.

— Поваръ Павелъ любитъ свою жену или нѣтъ?

— Кто жъ его знаетъ.

— Ну, а я тебѣ скажу, что и онъ ее любитъ, и она его любитъ. А теперь ты мнѣ скажи, дерутся они или нѣтъ?

— Ну, дерутся.

— Такъ и запишемъ. — Теперь Васенка любитъ мельника Родіона или не любитъ?

— Да чортъ знаетъ, о чемъ ты спрашиваешь! Почему я знаю, любитъ Васенка или не любитъ?

— Почему! А вотъ почему, другъ любезный, потому, что она при тебѣ сапоги мои цѣловала, чтобы я забраковала этого Родіонова въ рекрутскомъ присутствіи, когда его привезли сдавать именно за то, что онъ ей совкомъ голову.

проломилъ. И не только тутъ я видѣлъ, какъ она любитъ этого разбойника, а даже видѣлъ я это и въ тѣ минуты, когда она попрекала его, кляла всѣми клятвами за то, что онъ ее сокрушилъ и состарилъ безъ поры, безъ времени, а тутъ же сейчасъ послѣдній платокъ цырюльнику съ шеи сбросила, чтобы тотъ не шельмовалъ ея соколу затылокъ. Кажется, вѣдь любить? А только тотъ всталъ съ подстриженнымъ затылкомъ, она ему въ лицо харкнула. «Звѣрь, говорить, ты, лиходѣй мой проклятый». Гдѣ жъ здѣсь твое уваженіе-то?

— Что жъ, тутъ вовсе не любовь, а сожалѣніе.

— Сожалѣніе! А зачѣмъ же она сбѣжала-то съ нимъ вмѣстѣ.

— Воли захотѣлось.

— Подъ его кулачьями-то! Ну, нѣтъ, братъ, — не воли ей захотѣлось, а любва, любва эти штуки-то отливаеъ. Воли бы ей хотѣлось, давно бы ее эскадронный пять разъ откупилъ. Это ты вѣдь тоже, чай, знаешь не меньше моего. Васенка-то, братъ... знаешь, чего стѣбитъ! Глазомъ поведеть — рублемъ одарить. Это, вѣдь, хрящекъ бѣлый, а не косточка. А я тебѣ повторю, что все это орудуетъ любовь, да не та любовь, что вы тамъ сочиняете, да основываете на высокихъ-то нравственныхъ качествахъ любимаго предмета, а это наша, русская, каторжная, зазнобистая любва, та любва, про которую эти адски-мучительныя пѣсни поются, за которую и душатся, и рѣжутся, и не разсуждаютъ по-вашему. Бѣлинскій-то — хоть я и позабывалъ у него многое — разсуждаетъ, вѣдь, тутъ о человѣкѣ *нравственно развитомъ*, а вы, шуты, сейчасъ при своемъ развитіи на чело-вѣчество тотъ мундиръ и хотите напялить, въ которомъ оно ходить не умѣетъ. Я тебѣ не два, а двѣсти два примѣра покажу, гдѣ нѣтъ никакого уваженія, а любовь-то живетъ, да любовь не вашинская, не мозглявая.

— Да ты все изъ какого класса примѣры-то берешь?

— А тебѣ изъ какого? Изъ самаго высокаго?

— Чтò высокій! Объ немъ никто не говорить, о высокомъ-то. А ты мнѣ покажи такой примѣръ на человѣкѣ развитомъ, изъ средняго класса, изъ того, что вотъ считаютъ бьющеюся, живою-то жилою русскаго общества. Покажи человѣка размышляющаго. Одного человѣка такого покажи мнѣ въ такомъ положеніи.

— Ну, братъ, если одного только требуешь, такъ ужъ по этому холоду далеко не пойду отыскивать.

Докторъ снова всталъ въ одномъ бѣльѣ съ постели, остановилъ Помаду въ его стремительномъ бѣгствѣ по чулану и спросилъ:

— Ты Ольгу Александровну знаешь?

— Твою жену?

— Да, мою жену.

— Знаю.

— И хорошо знаешь?

— Да какъ же не знать!

— Уважаешь ты ее?

— Н... ну...

— Нѣтъ,—хорошо. За чтò ты ее не уважаешь?

— Да какъ это сказать...

— Говори!

— Да за все.

— Она разбила во мнѣ все, все.

— Вѣрю, вѣрю, братъ, — отвѣчалъ разстроенный этимъ разговоромъ Помада.

— А я ее люблю,—пожавъ плечами, произнесъ докторъ и проглотилъ еще рюмку водки.

И съ этимъ легъ въ постель, укрылся своимъ дубленнымъ тулупомъ и молча повернулся къ стѣнѣ, а Юстинъ Помада, постоявъ молча надъ его кроватью, снова зашагалъ взадъ и впередъ.

За стѣною въ столярной давно прекратились звуки гармоніи и топотъ пляшущихъ святочниковъ, и на меревскомъ дворѣ все уснуло. Даже уснула носившаяся сѣрыми облачными столбами воющая русская кура, даже уснулъ и погасъ огонекъ, добѣвъ салыный огарокъ, въ комнату Помады. Не спала только холодная луна. Выйдя на расчищенное небо, она смотрѣла оттуда, хорошо ли похоронила кура тѣхъ, кто съ нею встрѣтился, идучи своимъ путемъ-дорогою. Да не спалъ еще Юстинъ Помада, который не замѣтилъ, какъ догорѣла и загасла свѣчка, и какъ причудливо разрисованное морозомъ окно озарилось блѣднымъ луннымъ свѣтомъ. Онъ все бѣгалъ и бѣгалъ по своей комнатѣ, оправдывая сдѣланное на его счетъ сравненіе съ полевымъ волкомъ, содержащимся въ тѣсной клеткѣ.

— Дичь какая! — думалъ между прочимъ, бѣгая, По-

мада.—Все идеалы мои онъ какъ-то разбиваетъ. Материалистъ онъ... а я? Я...

Безъ отвѣта остался этотъ вопросъ у Помады.

— Я вотъ что, я покажу... что жъ я покажу? что это въ самой вещи? Ни одной привязанности устоявшейся, серьезной: все какъ-то, въ самомъ дѣлѣ, легко... воздушно... такъ сказать... расплывчиво. Эка натура проклятая!

— А впрочемъ, опять размышлялъ Помада:—чего-жъ у меня нѣтъ? Силы? Есть. Пойду на смерть... Эка штука! Только за кого? За что?

— Не за кого, не за кого,—рѣшилъ онъ.

— А любовь-то, въ самомъ дѣлѣ, не на уваженіи держится... Такъ на чемъ же? Онъ свою жену любитъ. Вадоръ! Онъ ее... жалѣетъ. Гдѣ любить такую эгоистичную, безсердечную женщину. Онъ материалистъ, даже... чортъ его знаетъ, слова не придумаешь, что онъ такое... все отрицаетъ... Впрочемъ, чортъ бы меня взялъ совсѣмъ, если я что-нибудь понимаю... А скука-то, скука-то! Хоть бы и удавиться такъ въ ту же пору.

И съ этимъ словомъ Юстинъ Помада остановился, свернулъ комкомъ свой полушубочекъ, положилъ его на лежанку и, посмотрѣвъ искоса на луну, которая смотрѣла уже какимъ-то синимъ, подбитымъ глазомъ, свернулся калачикомъ и спать задумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За полночь.

За полночь послышалось Помадѣ, будто кто-то стучитъ въ сѣнничную дверь.

«Сонъ, это я во снѣ вижу», подумалъ дремлющій Помада. Стучали послѣ долго еще въ дверь, да никто не всталъ отворить ее.

«Сонъ», думалъ Помада.

Въ мерзлое стекло кто-то ударилъ пальцемъ.

Еще и еще.

«Ну, пусть же еще ударить, если это не сонъ», думалъ Помада, пригрѣвая бока на теплой лежанкѣ.

И еще ударили.

— Кто тамъ?—вскинувъ голову, спросилъ Помада.

Гулъ какой-то послышался изъ-за окна, а разобрать ничего невозможно.

— Чего?—спросилъ Помада, приложивъ теплое лицо къ намерзшему стеклу.

Опять гуль. Человѣческой голось, а ничего не разберешь.

«Перепились, свиньи», подумаль Помада, надѣвъ докторовы медвѣжьи сапоги, вздѣль на рукава полушубокъ и пошелъ отпирать двери холодныхъ сѣней.

— Кто?

— Свои, батюшка.

— Кто?— снова спросилъ Помада, держась за задвижку.

— Герасимъ.

— Чего ты, Герасимъ?

— Бахаревскій Герасимъ.

— Да чего?

— Къ вамъ, Юстинъ Феликсовичъ.

Помада отодвинулъ задвижку и, дрожа отъ охватившаго его холода, побѣжалъ въ свою комнату.

Не успѣлъ онъ переступить порогъ и вспрыгнуть на печку, а за нимъ Гараська бахаревскій.

— Что? Чего тебѣ ночью?—спросилъ Помада.

— Къ вашей милости, баринъ.

— Ну?

— Къ намъ пожалуйте.

— Къ кому къ вамъ?

— На барскій дворъ.

— Чтò тамъ такое у васъ на барскомъ дворѣ?

— Ничего, все благополучно. Барышни васъ требуютъ.

— Какая барышня?

— Лизавета Егоровна приѣхала.

— Лизавета Егоровна?

— Точно такъ-съ.

— Лизавета Егоровна?—переспросилъ Помада.

— Точно такъ-съ, сами Лизавета Егоровна.

— Съ кѣмъ?

— Однѣ-съ.

— Одна?

— Однѣ-съ, съ покочаловскимъ-съ мужикомъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ покочаловскимъ-съ мужикомъ-съ,—наняли, да обмерзли-съ, нездоровы совсѣмъ.

— Одна?

— Съ покочаловскимъ-съ мужикомъ.

— Ну?

— Пожалуйте. Сейчас вас просят.

— Пошелъ, пошелъ домой. Я сейчасъ... Розановъ! Розановъ! Дмитрій Петровичъ!

— Н-мъ!—протянуть докторъ, не подавая никакой надежды на скорое пробужденіе.

— О, чортъ!—пробурчалъ Помада, надѣвая на себя подавшуюся подъ руки сбрую, и побѣжалъ.

Бѣжитъ Помада подъ гору, по тому самому спуску, на который онъ когда-то несся орловскимъ рысакомъ навстрѣчу Женни и Лизѣ. Бѣжитъ онъ сколько есть силы, и то падаетъ въ снѣжистый перебой, что пурга здѣсь позабыла, то раскатится по наглаженному полозному слѣду, на которомъ не удержались пушистыя снѣжинки. Духъ занимается у Помады. Злобствуетъ онъ, и увязая въ переносахъ, и падая на голыхъ раскатахъ, а впереди, за Рыбницей, въ ряду давно темныхъ оконъ, два окна смотреть словно волчьи глаза въ оврагѣ.

— Это у Егора Николаевича въ комнатѣ свѣтъ,—подумалъ Помада, увидя неподвижные волчьи глаза.

«И чудно, какъ смотреть эти окна,—думаетъ онъ, продолжая свою дорогу:—точно съѣсть хотятъ».

— И зачѣмъ бы это она?.. И на наемныхъ... Должно быть... у—ахъ!—Эко чортъ! Тогда свалился, теперь завязъ, тьфу!..

И поперъ Помада прямо на волчьи очи, которыя все расходились, расходились, и наконецъ, выровнялись въ форму двухъ восьми-стекольныхъ оконъ.

«Однако, ходьба нынче!» подумалъ Юстинъ Помада и дернулъ за клямпу.

Двери заперты.

— Кто?—спрашиваетъ изъ-за двери голосъ.

— Я.

— А! Барчукъ меревскій. Пустить?

Отвѣта Помада не слыхаль, а дверь отворилась.

Кандидатъ бросилъ на оконокъ передней тулупъ и вошелъ въ залу.

— Подождите, батюшка, здѣсь немножечко,—попросила встрѣтившая его птичница и, оставивъ ему свѣчку, юркнула къ Лизѣ въ бахаревскій кабинетъ.

Слабо освѣщала большую залу одна сальная свѣчка. Хо-

рошо виденъ былъ только большой обѣденный столъ и два нижніе ряда нагроможденныхъ на немъ подъ самый потолокъ стульевъ, которые самымъ причудливымъ образомъ выставляли во всѣ стороны свои тоненькія, загнутыя ножки. А далѣе былъ мракъ, съ которымъ не хотѣлъ и бороться тщедушный огонекъ свѣчки. Только взглянувши въ отвернутую дверь гостиной, можно было почувствовать, что это не настоящій мракъ, и что есть мѣсто, гдѣ еще темнѣе. Какъ ни слаба была полоска свѣта, падавшая на полъ залы сквозь рядъ высунутыхъ стульями ножекъ, но все-таки по этому полу, прямо къ гостиной двери, ползла громадная, фантастическая тѣнь, напоминавшая какое-то многорукое чудовище изъ волшебнаго міра. Тонкія, кривыя ножки выростали на тѣни, по мѣрѣ удаленія отъ свѣчки причудливо растягивались и не обрѣзывались, а какъ-то смѣшивались съ темнотою, словно пошупывая тамъ что-то, или кого-то подкарауливая.

Несмотря на тревожное состояніе Помады, таинственно-мрачный видъ темнаго, холоднаго покоя странно подѣйствовалъ на впечатлительную душу кандидата и даже заставилъ его на нѣкоторое время забыть о Лизѣ.

«Фу, какъ тутъ скверно!—подумалъ Помада, пожимаясь отъ холода,—ни слѣда жизни нѣтъ. Это хуже могилы».

Въ головѣ у Помады почему-то вдругъ пробѣжали дѣтскія сказки о заколдованныхъ замкахъ, о Громвалѣ, о Кикиморѣ.

«Тамъ-то, тамъ-то тьма такая!» подумалъ Помада, направляясь со свѣчою къ гостиной двери.

Здѣсь свѣчка оказывалась еще безсильнѣе при темныхъ обояхъ комнаты. Только одинъ неуклюжій, запыленный чехоль, окутывавшій огромную люстру съ хрустальными подвѣсками, невозможно выдѣлялся изъ густаго мрака и изъ одной щелки этого чехла на Помаду смотрѣлъ крошечный огненный глазокъ. Точно Кикимора подслушала Помадины думы и затѣяла пошутить съ нимъ. «Вотъ, молъ, гдѣ я сижу-то: у меня здѣсь отлично, въ этомъ пыльномъ шалашикѣ».

Помада посмотрѣлъ на блестящую хрусталинку люстры и, возвращаясь въ залу, встрѣтился съ птичницей, которая звала его къ Лизаветѣ Егоровнѣ.

Лиза была въ отцовскомъ кабинетѣ. Она сидѣла передъ

печкою, въ которой ярко пылала ржаная солома. Въ этой комнатѣ было такъ же холодно, какъ и въ гостиной, и въ залѣ, но все-таки здѣсь было много уютнѣе и на видъ даже какъ-то теплѣе. Здѣсь менѣе былъ нарушенъ живой видъ покоя: по стѣнамъ со всѣхъ сторонъ стояли довольно старыя, но весьма мягкіе турецкіе диваны, обтянутые шерстяной, полосатой матеріей; старинный рѣзаной шкафъ съ большою гипсовою лошадыю наверху и массивный письменный столъ съ рѣзными башенками. Кромѣ того, здѣсь было нѣсколько мягкихъ табуретовъ, изъ которыхъ на одномъ теперь сидѣла и грѣлась Лиза.

Въ комнатѣ не было ни чемодана, ни дорожного сѣка и вообще ничего такого, что свидѣтельствовало бы о прибытіи человѣка за сорокъ верстъ по русскимъ дорогамъ. Въ одномъ углу на отоманкѣ валялась городская лисья шуба, крытая чернымъ атласомъ, ватный капоръ и большой ковровый платокъ; да тутъ же на полу стояли черныя бархатныя сапожки, а больше ничего.

— Здравствуйте!—весело, но сильно взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ сказала Лиза, протягивая Помадѣ свою ручку.

Помада торопливо схватилъ эту ручку, пожалъ ее и взглянулъ на Лизу сіяющимъ взоромъ, но не сказалъ ни одного слова въ отвѣтъ на ея привѣтствіе.

— Что, вы удивлены, поражены, напуганы?—тѣмъ же взволнованнымъ голосомъ и съ тою же напряженно-веселюю улыбкою спросила Лиза.

Помада кашлянулъ, пожался и отвѣчалъ:

— Точно, удивленъ, Лизавета Егоровна. Какъ это вы?

— Какъ пріѣхала? А вотъ съѣла, да и пріѣхала.

Помада взялъ табуретъ, сѣлъ къ печи и, закрывъ ладонью ротъ, опять кашлянулъ.

— Здѣсь совсѣмъ холодно,—замѣтилъ онъ.

— Да, холодно, домъ настылъ, не топлень съ осени.

— Вамъ здѣсь нельзя оставаться.

— Ну, объ этомъ будемъ разсуждать послѣ, а теперь я за вами послала, чтобы вы какъ-нибудь достали мнѣ хоть рюмку теплаго вина, горячаго чаю, хоть чего-нибудь, чего-нибудь. Я иззябла, совсѣмъ иззябла, я больна, я замерзала въ полѣ... и даже обморозилась... Я вамъ хотѣла написать объ этомъ, да... да не могла... руки вотъ насилу оттерли

снѣгомъ... да и ни бумаги, ничего нѣтъ... а люди все перевернутъ...

По мѣрѣ того, какъ Лиза высказывала свое положеніе, искусственная веселость все исчезала съ ея лица, голосъ ея становился все прерывистѣе, щеки подергивало, и видно было, что она насилу удерживаетъ слезы, выжимаемыя у нея болѣзнью и крайнимъ раздраженіемъ.

Къ концу этой короткой рѣчи все лицо Лизы выражало одно живое страданіе, и, взглянувъ въ глаза этому страда- нію, Помада, не говоря ни слова, выскочилъ и побѣжалъ въ свою конуру, едва ли не такъ шибко, какъ онъ бѣжалъ навстрѣчу институткамъ.

Черезъ полчаса въ комнату Лизы вошли докторъ и Помада, обремененный бутылками съ уксусомъ, спиртомъ, краснымъ виномъ и нѣсколькими сверточками въ бумагѣ.

Лиза смотрѣла въ огонь и ничего не слыхала. Она была очень слаба и разстроена.

— Лизавета Егоровна! — весело воскликнулъ докторъ, протягивая ей свою руку.

— А, докторъ! Вотъ встрѣча-то? — проговорила нѣсколько удивленная его появленіемъ Лиза. — И какъ кстати! Я совсѣмъ разнемогалась.

— Прозябли, я думаю, просто.

— Какое тамъ прозябла? Я замерзала, совсѣмъ замерзала. Мнѣ оттирали руки и ноги. На меня ужъ даже спячка находила.

— Гдѣ-жъ это вы?

— Дорогой, — сбился мужикъ.

Докторъ посмотрѣлъ ей пристально въ глаза и сказалъ:

— Дайте-ка руку. А что это у васъ съ глазами? — болятъ они у васъ?

— Да, это ужъ давно.

— Или вы плакали?

— И это немножко было, — отвѣтила, слегка улыбнувшись, Лиза.

— Ну, ты, Помада, грѣй вино, да хлопочи о помѣщеніи для Лизаветы Егоровны. Вамъ теперь прежде всего нужно тепло да покой, а тамъ увидимъ, что будетъ. Только здѣсь, въ нетопленномъ домѣ, вамъ ночевать нельзя.

— Нѣтъ, я здѣсь останусь. Я напьюсь чаю, вина выпью, одѣнусь шубой и велю всю ночь топить — ничего и здѣсь. Эта комната скоро согрѣется.

— Ну, нѣтъ, Лизавета Егоровна, это, ужь, извините меня, причуды. Комната станеть отходить, сдѣляется такой угарь, что и головы не вынесете.

Лиза вздохнула и сказала:

— Что-жь! можетъ быть и лучше будетъ.

— Чтò это, головы-то не вынести? Ну, объ этомъ еще подумаемъ завтра. Зачѣмъ головѣ даромъ пропадать? А теперь... куда бы это помѣстить Лизавету Егоровну! Помада! ты здѣсь весь дворъ знаешь?

— Къ конторщику, у него двѣ комнаты.

— Не хочу, не хочу! — замахавъ ручкою, возразила на это предположеніе Лизавета Егоровна.

— Отчего же?

— Не хочу.

— Да отчего? — резонировалъ докторъ.

— Я не могу никого видѣть сегодня.

— А другія помѣщенія, кромѣ птичной избы, всѣ пусты и холодныя, — замѣтилъ Помада.

— А птичная-то изба теплая, хорошая?

— Грязная, загаженная и никуда не годится.

— Пойдемъ-ка, посмотримъ.

Докторъ и Помада вышли, а Лиза, оставшись одна въ пустомъ домѣ, снова утупила въ огонь глаза и погрузилась въ странное, столбняковое состояніе.

— Батюшка мой! — говорилъ докторъ, взойдя въ жилище конторщика, который уже возсталъ отъ сна и ожидалъ разгадки страннаго появленія барышни: — сдѣлайте-ка вы милость, заложите поскорѣе лошадку, да слетайте въ городъ за дочкою Петра Лукича. Я вотъ ей пару строчекъ у васъ черкну. Да выходите-то, батюшка, сейчасъ: намъ нужно у васъ барышню помѣстить. Вы, вѣдь, не осердитесь?

— Помилуйте, я съ моимъ удовольствіемъ. Я даже самъ разсуждалъ это предложеніе сдѣлать Лизаветѣ Егоровнѣ. Я хоть гдѣ-нибудь могу, а ихъ дѣло нѣжное.

— То-то, тамъ никакъ нельзя.

— Какъ возможно? Тамъ одно слово — стыдь.

— Да. Ну-съ, шубку-то, шубку-то, да и выйдите, побудьте гдѣ-нибудь, пока лошадь заложать. А лампадочку-то передъ иконами поправьте: это очень хорошо.

— Все сею минутою-съ.

— Ну, и прекрасно, и птичницу сюда на минутку по-

плите, а мы сейчас переведемъ Лизавету Егоровну. Только чтобъ она васъ здѣсь не застала: она вѣдь, знаете, такая... деликатная, — рассказывалъ докторъ, уже сходя съ конторскаго крылечка.

Докторъ урезонилъ Лизавету Егоровну: ее привели въ теплую комнатку конторщика, напоили горячимъ чаемъ съ виномъ, птичница вытерла ее спиртомъ и уложила на конторщикову постель, покрытую чистою простынею.

Докторъ не позволялъ Лизѣ ни о чемъ разговаривать, да она и сама не расположена была бесѣдовать. Въ комнатѣ поправили лампаду и оставили Лизу одну съ своими думами и усталостью.

Докторъ съ Помадой остались въ конторѣ, служившей преддверіемъ къ конторщикуву апартаменту.

Они посидѣли съ полчаса въ совершенномъ молчаніи, перелистывая отъ скуки книги «О приходѣ и расходѣ разнаго хлѣба снопами и зерномъ». Потомъ докторъ снялъ ногою сапоги, подошелъ къ Лизиной двери и, послушавъ, какъ спитъ больная, возвратился къ столу.

— Что?—прошепталъ Помада.

— Ничего, дышитъ спокойно и спитъ. Авось, ничего не будетъ худого. Давай ложиться спать, Помада. Ложись ты на лавкѣ, а я здѣсь на столѣ прилягу, — также шопотомъ проговорилъ докторъ.

— Нѣтъ, я не лягу.

— Отчего?

— Мнѣ не хочется спать.

— Ну, какъ знаешь, а я лягу!

И докторъ, положивъ подъ голову нѣсколько книгъ «О приходѣ и расходѣ хлѣба снопами и зерномъ», легъ на столъ и закрылся своимъ полушубкомъ.

— Что бы это такое значило?—прошепталъ, наклоняясь къ самому уху доктора, Помада, тоже снявшій свои сапоги и подкравшійся къ Розанову совершенно неслышными шагами, какъ котъ изъ хрустальной лавки.

— Что такое? — спросилъ шопотомъ докторъ, быстро откинувъ съ себя полушубокъ.

Помада повторилъ свой вопросъ.

— А, шутъ этакой! Испугалъ совсѣмъ. Я думалъ ужъ не вѣсть что дѣлается.

— Ну, да, я виноватъ. Я это такъ шель, чтобъ не слышно. Ну, а какъ ты думаешь, что бы это такое значило?

— Я думаю, что ступай ты спать: успѣемъ еще узнать. Что тутъ отгадывать да путаться. Спи. Утро вечера мудренѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Глава, нѣкоторымъ образомъ топографически-историческая.

Говорятъ, что человѣческое жилище всегда болѣе или менѣе точно выражаетъ собою характеръ людей, которые въ немъ обитаютъ. Едва ли нужно доказывать, что до известной степени можно допустить справедливость этого замѣчанія. Наблюдательный и чуткій человѣкъ, осмотрѣвшись въ жильѣ людей, мало ему знакомыхъ, или даже совсѣмъ незнакомыхъ, по самымъ неувловимымъ мелочамъ въ обстановкѣ, размѣщеніи и содержаніи этого жилья, чувствуетъ, что здѣсь преобладаетъ любовь или вражда, согласіе или ссора, радушіе или скупость, домовитость или расточительность.

Когда люди входили въ домъ Петра Лукича Гловацкаго, они чувствовали, что здѣсь живетъ совѣтъ и любовь, а когда эти люди знакомились съ самими хозяевами, то уже они не только чувствовали витающее здѣсь согласіе, но какъ бы созерцали олицетвореніе этого совѣта и любви въ старикъ и его женѣ. Теперь люди чувствовали то же самое, видя Петра Лукича съ его дочерью. Женни, украшая собою тихую, предзакатную вечерю старика, умѣла всѣхъ приобщить къ своему чистому празднеству, ввести въ свою безмятежную сферу.

До пріѣзда Женни старикъ жиль, по собственному его выраженію, отбившимся отъ стада зубромъ: у него было чисто, тепло и пріятно, но только, со смерти жены, у него было вездѣ тихо и пусто. Тишина этого домика не зналась со скукою, но и не знала оживленія, которое снова внесла въ него съ собою Женни.

Съ пріѣздомъ Женни здѣсь все пошло жить. Ожилъ и помолодѣлъ самъ старикъ, сильнѣе зацвѣлъ старый жасминъ, обрѣзанный и подвязанный молодыми ручками; повеселѣла кухарка Пелагея, имѣвшая теперь возможность совѣщаться о соленьяхъ и вареньяхъ, и повеселѣли самыя стѣны комнаты, заслышавъ легкіе шаги граціозной Женни и ея тихій,

симпатичный голосокъ, которымъ она, оставаясь одва, иногда безотчетно пѣла для себя:

— «Когда-бъ онъ зналъ, какъ пламенной душою», или «Ты скоро меня позабудешь, а я не забуду тебя».

Въ восемь часовъ утра начинался день въ этомъ домѣ: лѣтомъ онъ начинался часомъ ранѣе. Въ восемь часовъ Женни сходилась съ отцомъ у утренняго чая, послѣ котораго старикъ тотчасъ уходилъ въ училище, а Женни заходила на кухню и черезъ полчаса являлась снова въ залъ. Здѣсь, подъ однимъ изъ двухъ оконъ, выходившихъ на берегъ рѣчки, стоялъ ея рабочій столикъ, краснаго дерева, съ зеленымъ тафтянымъ мѣшкомъ для обрѣзковъ. За этимъ столикомъ проходили почти цѣлые дни Женни.

— Рукодѣльница наша барышня: все сидитъ, все шьетъ, все шьетъ,—приданое себѣ готовить,—разсказывала сосѣдямъ Пелагея.

Женни, точно, была рукодѣльница и штопала отцовскіе носки съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ исправникова дочь вязала бисерные кошельки и подставки къ лампамъ и подсвѣчникамъ. Вообще она стала хозяйкой не для блезирю, а взялась за дѣло плотно, безъ шума, безъ треска, тихо, но такъ солидно, что и люди, и старикъ-отецъ тотчасъ почувствовали, что въ домѣ есть настоящая хозяйка, которая все видитъ и обо всѣхъ помнитъ.

И стало вѣснъ очень хорошо въ этомъ домѣ.

Изъ окна, у котораго Женни пріютилась съ своимъ рабочимъ столикомъ, былъ если не очень хорошій, то очень просторный русскій видъ. Городокъ былъ раскинутъ по правому, высокому берегу довольно большой, но вовсе не судоходной рѣки Саванки, значащейся подъ другимъ названіемъ въ числѣ замѣчательнѣйшихъ притоковъ Оки. Лучшая улица въ городѣ была Московская, по которой проходило курское шоссе, а потомъ Рядская, на которой были десятка два лавокъ, два трактирныхъ заведенія и цирюльня съ надписью, буквально гласившею:

«Сдѣся кровь пускають и стригуть и бреють Козловъ».

Знаковъ препинанія на этой вывѣскѣ не было, и мѣстные зоилы находили, что такъ оно выходитъ гораздо лучше.

Потомъ въ городѣ была еще замѣчательна улица Крупчатная, на которой приказчики и носильщики таскали кули, сбивали прохожихъ съ ногъ, или, шутки ради, *подбъли-*

вали ихъ мучкой самой первой руки; да была еще улица Главная. Богъ ужъ знаетъ почему она такъ называлась. Рассказывали въ городѣ, что на ней когда-то стоялъ домъ самого батюшки Степана Тимоѣевича Разина, который крѣпко засѣлъ здѣсь и зимовалъ со своими рыцарями почти цѣлую зиму. Теперь Главная улица была знаменита только тѣмъ, что по ней при малѣйшемъ дождѣ становилось море и послѣ цѣлый мѣсяць не было ни прохода, ни проѣзда. Затѣмъ шли закоулочки, да переулочки, пересѣкавшіе другъ друга въ самыхъ прихотливыхъ направленіяхъ. Тутъ жили придильщики, крупчатники, мѣщане, занимавшіеся поденной работой, и мѣщане, ничѣмъ не занимавшіеся, а вѣчно полуныяные или больные съ похмелья. Съ небольшой высоты надъ этою мѣстностью царилъ высокій, каменный острогъ, наблюдая своими стеклянными глазами какъ пьеть и сварится голодная нищета и какъ щиплетъ свою жидкую, бѣленькую бородку купецъ Никонъ Родіоновичъ Масленниковъ, попугивая то того, то другого каменнымъ мѣшечкомъ.

— Сейчасъ укуеку,—говоритъ Никонъ Родіоновичъ:—чувствуй, съ кѣмъ имѣешь обращеніе!

И покажетъ рукою на острогъ.

Народъ это очень чувствовалъ и не только ходилъ безъ шапокъ передъ Масленниковыми хоромами, но и гордился имъ.

— У насъ теперь, — хвастался мѣщанинъ заѣзжему чело-
вѣку: — есть купецъ Никонъ Родіоновичъ, Масленниковъ
прозывается, вотъ такъ чело-
вѣкъ! Чтѣ ты хочешь, сейчасъ
онъ съ тобою можетъ сдѣлать; хочешь въ острогъ тебя по-
садить—посадитъ; хочешь плетюганами отшлепать, или такъ
въ полицы розгамъ отодрать, — тоже сейчасъ онъ тебя отде-
ретъ. Два слова городничему повелитъ, или записочку на-
пишетъ, а ты ее, эту записочку, только представишь, — си-
часъ тебя въ самомъ лучшемъ видѣ отдѣлають. Вотъ ка-
кого себѣ чело-
вѣка имѣемъ!

— Вотъ песь-то! — щура глаза, замѣчалъ проѣзжій мужикъ.

— Да, братъ, повадки у него никому: первое дѣло ка-
питаль, а второе—рука у него.

— Н-да, — вытягивалъ проѣзжій.

— Н-да! — произносилъ въ другой тонъ мѣщанинъ.

— Ишь хоромы своротилъ какія! — кричалъ мужикъ,
ѣдучи на саняхъ, другому мужику, стоявшему на колѣняхъ
въ другихъ саняхъ.

— Стрась, братецъ ты мой!

— А вить что?—нашъ братъ мужикъ.

— Дытъ Господь одарилъ, — вздыхая отвѣчалъ задній мужикъ.

— Извѣстно: очень ужъ, говорятъ, онъ много на церкви жертвуетъ.

— Только ужъ обмѣру у него на ссыпки очень тоже много, — замѣчалъ задній мужикъ.

— Обмѣру точно много, — задумчиво отвѣчалъ передній.

У часовенки, на площади мужики крестились, развязывали мошечки, опускали по грошу въ кружку и выѣзжали за острогъ, либо размышляя о Никонѣ Родіоновичѣ, либо распѣвая съ кокоревской водки:

— Ты заной, эхъ, ты заной, мое сердечушко, заной ретивое.

Затѣмъ, развѣ для полноты описанія, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что городъ имѣеть пять каменныхъ приходскихъ церквей и соборъ. Соборъ славился хоромъ пѣвчихъ, содержимыхъ отъ щедротъ Никона Родіоновича, да пятисотпудовымъ колоколомъ, каждый праздникъ громко, верстъ на десять кругомъ, кричавшимъ своимъ желѣзнымъ языкомъ о рачительствѣ того же Никона Родіоновича къ благолѣпію дома Божія.

Всѣ уѣздные любители церковнаго пѣнія обыкновенно сходились въ соборъ къ ранней обѣднѣ, ибо Никонъ Родіоновичъ всегда приходили помолиться за ранней, и тутъ пѣли пѣвчіе. Поздней обѣдни Никонъ Родіоновичъ не любили и ядовито замѣчали, что къ поздней обѣднѣ только ходятъ приказничихи хвастаться, у кого новые башмаки есть.

Да еще была въ городѣ больница, въ которой несчастный Розановъ бился съ непреодолимыми препятствіями создать изъ нея что-нибудь похожее на лѣчебное заведеніе. Сначала онъ, по неопытности, все лѣзъ съ представленіями къ начальству, потомъ взывалъ къ просвѣщенному вниманію благороднаго дворянства, а наконецъ, скрѣпя сердце и смиривъ духъ гордыни, отнесся къ толстому карману Никона Родіоновича. Никонъ Родіоновичъ пожертвовали два десятка верблюжьихъ халатовъ и фонарь къ подѣвду, да на томъ и стали. Потребляемыхъ вещей Масленниковъ жертвовать не любилъ: у него было сильно развито стремленіе къ монументальности, онъ стремился къ нѣкоторому, такъ сказать, даже безсмертію: хотѣлъ жить въ будущемъ.

Хоть не въ далекомъ, да въ будущемъ, хоть пока халаты износятся и сопрѣетъ стѣна, къ которой привинтили безобразный фонарь съ скрипучимъ флюгеромъ, увеличивавшимъ своимъ скрипомъ предсмертную тоску замариваемыхъ, въ докторово отсутствіе, больныхъ.

Былъ еще за городомъ гусарскій выѣздной манежъ, состроенный изъ осиновыхъ вершинокъ и оплетенный соломенными притугами, но это было временное зданіе. Хотя губернский архитекторъ, случайно видѣвшій счеты, во что обошелся этотъ манежъ правительству, и утверждалъ, что зданіе это весьма замѣчательно въ исторіи военныхъ построекъ, но это нимало не касается нашего романа и притомъ съ подробностью обработано уѣзднымъ учителемъ Зарницынымъ въ одной изъ его обличительныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Больше въ цѣломъ городѣ не было ничего достопримѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи, а его этнографическою стороною намъ нѣтъ нужды обременять вниманіе нашихъ читателей, поелику эта сторона не представляетъ собою никакихъ замѣчательныхъ особенностей и не выясняетъ положенія дѣйствующихъ лицъ въ романѣ.

Гловацкій, Вязмитиновъ, Зарницынъ, докторъ и даже Бахаревъ были, конечно, знакомы и съ Никономъ Родіоновичемъ, и съ властями, и съ духовенствомъ, и съ купечествомъ, но знакомство это не оказывало прямого вліянія ни на ихъ главные интересы, ни на ихъ внутреннюю жизнь. А слѣдить за косвеннымъ вліяніемъ среды на выработку нравовъ и характеровъ, значило бы заходить нѣсколько далѣе, чѣмъ требуетъ нашъ планъ и положеніе нашихъ героевъ и героинь, не стремившихся спѣться съ окружающею ихъ средою, а сосредоточивавшихъ свою жизнь въ томъ ограниченномъ кружочкѣ, которымъ мы занимались до сихъ поръ, не удаляясь надолго отъ домовъ Бахарева и Гловацкаго. Кто жилъ въ уѣздныхъ городахъ въ послѣднее время, въ послѣ-якушкинскую эпоху, когда разнеслись слухи о благодѣтельной гласности, о новосильцевскомъ обществѣ пароходства и побѣдахъ Гарибальди въ Италіи, тотъ не станетъ отвергать, что около этого знаменательнаго времени и въ уѣздныхъ городахъ, особенно въ великороссійскихъ уѣздныхъ городахъ, имѣющихъ не менѣе одного острога и пяти церквей, произошелъ весьма замѣчательный и притомъ

совершенно новый общественный сепаратизмъ. Общество распалось не только прежнимъ дѣленіемъ на аристократію чина, аристократію капитала и плебейство, но изъ него произошло еще небывалое дотолѣ выдѣленіе такъ называемыхъ въ то время *новыхъ людей*. Выдѣленіе этого ассортимента почти одновременно происходило изъ весьма различныхъ слоевъ провинціального общества. Сюда попадали нѣкоторые молодые дворяне, семинаристы, учителя уѣздные, учителя домашніе, чиновники самыхъ различныхъ вѣдомствъ и даже духовенство. Справедливость заставляетъ сказать, что едва ли не ранѣе прочихъ и не сильнѣе прочихъ въ это новое выдѣленіе вошли молодые учителя, уѣздные и домашніе; за ними нѣсколько позже и нѣсколько слабѣе — чиновники, затѣмъ, еще моментомъ позже, зато съ неудержимымъ стремленіемъ сюда ринулись семинаристы. Молодое дворянство шло еще позже и нерѣшительнѣе; духовенство сепарировалось только въ очень небольшомъ числѣ своихъ представителей.

Все это не были рыцари безъ пятна и упрека. Прошлое ихъ болѣею частію отвѣчало стремленіямъ среды, отъ которой они отдѣлялись. Молодые чиновники уже имѣли руки, запачканныя взятками, учителя кланчили за мѣста и нѣкоторые писали оды мерзавнѣйшимъ изъ мерзавнѣйшихъ личностей; молодое дворянство сѣкало людей и проматывало потовые гроши народа; остальные вели себя не лучше. Все это были люди, слыхавшіе изъ устъ отцовъ и матерей, что «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Всѣ эти люди вынесли изъ родительскаго дома одно благословеніе: «будь богатъ и знатенъ», одну заповѣдь: «дѣлай себѣ карьеру». Правда, иные слыхали при этомъ и «старайся быть честнымъ человѣкомъ», но что была эта честность и какъ было о ней стараться? Случались, конечно, и исключенія, но не ими вода освящалась въ великомъ морѣ русской жизни. Лѣзли въ купель люди прокаженные. Все, что вдругъ пошло массою, было деморализовано отъ раннихъ дней, все слышало ложь и лукавство; все было обучено искать милости, помня, что «ласковое телятко *двухъ матокъ сосеть*». Все это сбиралось сосать двухъ матокъ и вдругъ бросило обѣихъ и побѣжало къ той, у которой вымя было сухо отъ долготѣняго голода.

Эта эпоха возрожденія съ людьми, не получившими въ

наслѣдіе ни одного гроша, не взявшими въ напутствіе ни одного добраго завѣта, поистинѣ должна считаться одною изъ великихъ, поэтическихъ эпохъ нашей исторіи. Что влекло этихъ сепаратистовъ, какъ не чувство добра и справедливости? Кто вель ихъ? Кто хоть на время подавилъ въ нихъ духъ обуявшаго націю себялюбія, двоедушія и продажности?

Предоставляя рѣшеніе настоящаго вопроса исторіи, съ благоговѣніемъ преклоняемся передъ рокомъ, судившимъ намъ зрѣть святую минуту пробужденія, видѣть лучшихъ людей эпохи, оплаканной въ незабвенныхъ стихахъ Хомякова, и можемъ только воскликнуть со многими: поистинѣ великъ твой Богъ, земля русская!

Перенеситесь мысленно, читатель, къ улетѣвшимъ двѣмъ этой поэтической эпохи. Вспомните это недавно прошедшее время, когда небольшая горсть «людей, довременно растлѣнныхъ», проснулась, задумалась и зашаталась въ своемъ гражданскомъ малолѣтствѣ. Эта горсть русскихъ людей, о которой вспоминаетъ авторъ, пишущій настоящія строки, быстро росла и хотѣла расти еще быстрее. Въ этомъ естественномъ желаніи роста она дорожила своею численностью и, къ сожалѣнію, была слишкомъ неразборчива. Она не принимала въ расчетъ рутинной силы среды и не опасалась страшнаго вреда отъ шутовъ и дураковъ, приставшихъ къ ней по страсти къ модѣ. Зная всю тлѣнь и грязь прошлаго, она вѣрила, что проклятіе лежитъ надъ всякой неподвижностью, и собирала подъ свое знамя всѣхъ, говорившихъ о необходимости очиститься, омыться и двигаться впередъ. Она знала, что въ прошломъ ей завѣщено мало достойнаго сохраненія, и не ожидала, что почти одной ей поставять въ вину всю тщательно собранную ложь нашего времени.

По словамъ Хомякова, страна была

«Въ судахъ черна, неправдой черной,
И нгомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лжи мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.»

Когда распочалась эта пора пробужденія, ясное дѣло, что новые люди этой эпохи во всемъ рвались къ новому режиму, ибо не видали возможности идти къ добру съ лестью,

ложью, лѣнью и всякой мерзостью. На великое несчастье этихъ людей, у нихъ не было въ-время силы отречься отъ приставившихъ къ нимъ шутовъ. Они были болѣе честны, чѣмъ политически опытны, и забывали, что одинъ Донъ-Кихоть можетъ убить цѣлую идею рыцарства. Такъ и случилось. Шуты насмѣшили людей, дураки ихъ разсердили. Началось ренегатство и во время стремительнаго бѣга назадъ люди забыли, что гонить ихъ не пошлость дураковъ и шутовъ, а тупость общества, да собственная трусость. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сдѣлаться смѣшнымъ значить потерять многое; но развѣ менѣе смѣшны другіе? Развѣ передъ ними нельзя поставить Сквозника-Дмухановскаго и заставить его спросить ихъ: «чего смѣтаетесь? Надъ собой смѣтаетесь?».

Честная горсть людей, не приготовленныхъ къ честному общественному служенію, но полюбившихъ добро и возненавидѣвшихъ ложь и всѣ лживыя положенія, виновата своею нерѣшительностью отречься отъ приставившихъ къ ней дурачковъ; она виновата недостаткомъ *самообличенія*. За пренебреженіе этой силой она горько наказана, вѣроятно, къ истинному сожалѣнію всѣхъ умныхъ и въ то же время добрыхъ сыновъ Россіи. Но все-таки нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ людяхъ виновниковъ всей современной лжи, такъ же какъ нѣтъ основанія винить ихъ и въ заводѣ шутовъ и дураковъ, ибо шуты и дураки подъ различными знаменами фигурировали всегда и будутъ фигурировать до вѣка.

Въ описываемую нами эпоху, когда ни одно изъ смѣшныхъ и, конечно, скоропреходящихъ стремленій людей, лишенныхъ серьезнаго смысла, не проявилось съ нынѣшнею рѣзкостью, когда общество слѣпо вѣрило Бѣлинскому, даже въ томъ, наприимѣръ, что «самый почтенный мундиръ есть черный фракъ русскаго литератора», добрые люди изъ деморализованныхъ сыновъ нашей страны стремились просто къ добру. Они не стремились окреститься во имя какой бы то ни было теоріи; а просто, наивно и честно желали добра и горѣли нетерпѣніемъ всячески ему содѣйствовать. Плана у нихъ никакого не было, о крутыхъ, костоломныхъ поворотахъ во имя теорій имъ вовсе не думалось. Шло только дѣло о правдѣ въ жизни.

Первымъ шагомъ въ этомъ періодѣ былъ сепаратизмъ

со всѣмъ симпатизировавшимъ завѣтамъ прошедшаго. Къ этому сепаратизму принадлежали почти всѣ знакомыя намъ до сихъ поръ лица нашего романа. Ему по-своему сочувствовалъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ и Петръ Лукичъ, пугавшійся всякой обличительной замѣтки; Вязмитиновъ, сидѣвшій надъ исторіей, и Зарницынъ, продергивавшій уѣздныя величины; докторъ, обличающій свое безсиліе выбиться изъ сферы взяточничества, и мать Агнія, вѣрная традиціямъ лѣтъ своей юности. На сторонѣ старыхъ интересовъ оставалась масса людей, которыхъ, по ихъ способностямъ, Эдуардъ Уитти справедливо называетъ разрядомъ плутовъ или дураковъ. Это было большинство. Ольга Сергѣевна, Зина, Софи оставались съ большинствомъ и жили его жизнью.

Женни и Лиза вовсе не принадлежали къ прошлому и не имѣли съ нимъ никакой связи.

По обстоятельствамъ, Женни должна была познакомиться съ нѣкоторыми мѣстными дамами и дѣвицами, но изъ этого знакомства ничего не вышло. Однѣ рѣшили, что она много о себѣ думаетъ; другія, что она ехидная-преехидная: все молчить да выслушиваетъ; третьи даже считали ее на этомъ же основаніи интриганкой, а четвертыя, наконецъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ трехъ вышеприведенныхъ мнѣній, утверждали, что она просто дура и кокетка. Около нея, говорили послѣднія, лебезятъ два молодыхъ учителя, стараясь поддѣлаться къ отцу, а она думаетъ, что это за ней увиваются, и дуется губы.

Но, тѣмъ не менѣе, Женни, однако, сильно интересовала собою бѣдныя живыми интересами головы уѣздныхъ барынь и барышень. Однѣ ея платья и шляпы доставляли слишкомъ тощую пищу для алчущей сплетни, и потому за ея особою былъ приставленъ особый шпионъ. Въ этой должности состояла дочь почтеннаго сослуживца Гловацкаго, восемнадцатилѣтняя полногрудая Лурлей. Ольга Григорьевна Саренко, Григорій Ильичъ Саренко, родомъ изъ бориспольскихъ дворянъ, дослуживалъ двадцать пятый годъ учителемъ уѣзднаго училища. Онъ былъ старъ, глупъ, довольно подловатъ и считалъ себя столпомъ училища. Онъ добивался себѣ какого-то особаго уваженія отъ Вязмитинова и Зарницына и, не получая онаго, по временамъ строчилъ на нихъ секретныя ябеды въ дирекцію училищъ. Дочь свою

онъ познакомилъ съ Женею, не ожидая на то никакого желанія со стороны прїѣзжей гостыи или ея отца. На другой же день по прїѣздѣ Женни, онъ явился подъ руку съ своей Лурлесей и отрекомендовалъ ее какъ дѣвицу, съ которой можно говорить и разсуждать обо всемъ самой просвѣщенной дѣвицѣ.

Съ тѣхъ поръ Лурлея начала часто навѣщать Женни и разносить о ней по городу всякія дрызги. Женни знала это: ее и предупреждали насчетъ дѣвицы Саренко, и даже, для вящаго убѣжденія, сообщали, что именно ею сочинено и разсказано, но Женни не обращала на все это никакого вниманія.

— Умные и честные люди, — отвѣчала она: — такимъ вздорамъ не повѣрять и поймутъ, что это сплетни, а о мнѣніи глупыхъ и дурныхъ людей я никогда не намѣрена заботиться.

Еще въ домъ Гловацкихъ ходила соборная дьяконица, Елена Семеновна, очень молоденькая, довольно хорошенькая и превеселая бабочка, безпрестанно цѣловавшая своего мужа и аккомпанировавшая ему на фортепіано разные, всѣми давно забытые романсы. И дьяконица, и ея мужъ, Василій Ивановичъ Александровскій, были очень добрые и простодушные люди, которые очень любили Гловацкихъ и всю ихъ компанію. Сепаратисты тоже любили молодую духовную чету за ея веселый, добрый нравъ, искренность и безобидчивость, составляющую большую рѣдкость въ уѣздныхъ обществахъ.

Такимъ образомъ къ концу перваго года, проведеннаго Женею въ отцовскомъ домѣ, ближайшій кругъ ея знакомства составляли: Вязмитиновъ, Зарницынъ, дьяконъ Александровскій съ женою, Ольга Саренко, состоявшая въ должности наблюдателя, отряженнаго дамскимъ обществомъ, и докторъ. Съ женою своею докторъ не знакомилъ Женни и вообще постоянно избѣгалъ даже всякихъ о ней разговоровъ.

Изъ этихъ лицъ чаще всѣхъ бывали у Гловацкихъ Вязмитиновъ и Зарницынъ. Рѣдкій вечеръ Женни проводила одна. Всегда къ вечернему чаю являлся тотъ или другой, а иногда и оба вмѣстѣ. Усаживались за столъ, и кто-нибудь изъ молодыхъ людей читалъ, а остальные слушали. Женни при этомъ обыкновенно работала, а Петръ Лукичъ

или растиралъ въ блюдѣ грушевою ложечкою нюхательный табакъ, или, подперши ладонями голову, молча глядѣлъ на Женни, замѣнившую ему всѣ радости въ жизни. Женни очень любила слушать, особенно когда читалъ Зарницынъ. Онъ, дѣйствительно, очень хорошо читалъ, хотя и вдавался въ нѣкоторую не совсѣмъ нужную декламацию. Несмотря на то, что Женни обѣщала читать все, что ей дастъ Вязмитиновъ, ея литературный вкусъ скоро сказался. Она очень тяготилась серьезнымъ чтеніемъ и вообще не долюбила статей. Вязмитиновъ скоро это замѣтилъ и сталъ снабжать ее лучшими беллетристическими произведеніями старой и новой литературы. Выборъ всегда былъ очень разумный, изблщившій въ Вязмитиновѣ основательное знаніе литературы и серьезное пониманіе вліянія извѣстныхъ произведеній на умъ и сердце читательницы.

Легкій родъ литературы Женѣ очень нравился, но и въ немъ она искала отдыха и удовольствія, а не зачитывалась до страсти.

Вообще она была читательница такъ себѣ, весьма не рьяная, хотя и не была равнодушна къ драматической литературѣ и поэзій. Она даже знала наизусть цѣлыя страницы Шиллера, Гёте, Пушкина, Лермонтова и Шекспира, но все это ей нужно было для отдыха, для удовольствія; а главное у нея было—дѣло дѣлать. Это *дѣло дѣлать* у нея сводилось къ исполненію женскихъ обязанностей дома для того, чтобы всѣмъ въ домѣ было какъ можно легче, отраднѣе и лучше. И она считала эти обязанности своимъ преимущественнымъ назначеніемъ вовсе не вслѣдствіе какой-нибудь узкой теоріи, а такъ это у нея просто такъ выходило, и она такъ жила.

Зарницынъ за это упрекалъ Евгенію Петровну, указывая ей на высокое призваніе гражданки; Вязмитиновъ объ этомъ никогда не разговаривалъ, а докторъ, сдѣлавшійся жаркимъ поклонникомъ скромныхъ достоинствъ Женни, обыкновенно не давалъ сказать противъ нея ни одного слова.

— Рудинъ! Рудинъ!—кричалъ онъ на Зарницына:— все съ проповѣдями ходишь, на великое служеніе всѣхъ подбиваешь: мать Граковъ сыновей кормила, а ты, смотри, бабки слѣпой не умори голодомъ съ проповѣдями-то.

Докторъ, впрочемъ, бывалъ у Гловацкихъ гораздо рѣже, чѣмъ Зарницынъ и Вязмитиновъ: служба не давала ему

покою и не позволяла засиживаться въ городѣ; къ тому же, онъ часто бывалъ въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что бѣгалъ отъ всякаго сообщества. Недобрые люди рассказывали, что онъ въ такія полосы шилъ мертвую и лежалъ ницъ на продавленномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ.

Когда докторъ заходилъ посидѣть вечерокъ у Гловацкихъ, тогда ужъ обыкновенно не читали, потому что у доктора всегда было чтò вытащить на свѣтъ изъ грязной, но не безынтересной ямы, именуемой провинціальною жизнью.

Если же къ этому собранію еще присоединялся дьяконъ и его жена, то тогда и пѣли, и спорили, и немножко безобразничали.

Кромѣ того, иногда самымъ неожиданнымъ образомъ заходили такіе жаркіе и такіе безконечные споры, что Петръ Лукичъ прекращалъ ихъ, поднимаясь со свѣчою въ рукѣ и провозглашая: «любезные мои гости! жалѣя ваше безпѣнное для васъ здоровье, никакъ не смѣю васъ болѣе удерживать»,—и всѣ расходились.

Вообще это былъ кружокъ очень короткихъ и очень другъ къ другу не взыскательныхъ людей.

Подобные кружки сепаратистовъ въ описываемую нами эпоху встрѣчались довольно нерѣдко и составляли совершенно новое явленіе въ уѣздной жизни.

Людей, входившихъ въ составъ этихъ кружковъ, связывала не солидарность матеріальныхъ интересовъ, а единственно сочувствіе совершающемуся пробужденію, общая радость каждому шагу общественнаго преуспѣянія и искреннее желаніе всѣхъ золь прошедшему.

Поэтому короткость тогдашнихъ сепаратистовъ не парализировалась наступательными и оборонительными диверсіями, разъединившими *новыхъ людей* въ послѣдствіи, и была совершенно свободна отъ нравственной нечисти и растлѣнія, вносимыхъ съ короткостью людей отходившей эпохи.

Тутъ все имѣло только свое значеніе. Было много вѣры другъ въ друга, много простоты и снисходительности, которыхъ не было у отцовъ, занимавшихъ соотвѣтственныя соціальныя амплуа, и нѣтъ у дѣтей, занимающихъ амплуа даже гораздо выгоднѣйшія для водворенія простоты и правды житейскихъ отношеній.

Уѣздный *Rancienne régime* не могъ понять настоящихъ причинъ дружелюбія и короткости кружка нашихъ знакомыхъ.

Дождется, бывало, Вязмитиновъ смѣны уроковъ, идетъ къ Евгеніи Петровнѣ и молча садится противъ нея по другую сторону рабочаго столика.

Женни тоже молча взглянетъ на него своимъ ласковымъ взглядомъ и спроситъ:—Устали?

— Усталъ,—отвѣтитъ Вязмитиновъ.

— Не хотите ли чашку кофе, или водочки? — спроситъ Женни, попрежнему не отрывая глазъ отъ работы.

— Нѣтъ, не хочу; я такъ пришелъ отдохнуть и посмотреть на васъ.

Перекинутся еще десяткомъ простыхъ, малозначащихъ словъ и разойдутся до вечера.

— Евгенія Петровна! — восклицаетъ, влетая спѣшнымъ шагомъ, красивый Зарницынъ.

— Ахъ! что такое сотворилось! — улыбаясь и поднимая тѣ же ласковые глаза, спрашиваетъ Женни всегда немножко рисующагося и увлекающагося учителя.

— Умираю, Евгенія Петровна.

— Какая жалость!

— Вамъ жаль меня?

— Да какъ же?

— Читать некому будетъ?

— Да, и суетиться некому станетъ.

— Ахъ, Евгенія Петровна!—дѣлая жалкую рожицу, восклицаетъ учитель.

— Вѣрно, водочки дать?

— Съ грибочкомъ, Евгенія Петровна.

Женни засмѣется, положить работу и идетъ съ ключами къ завѣтному шкапику, а за ней въ самой почтительной позѣ идетъ Зарницынъ за полученіемъ изъ собственныхъ рукъ Женни рюмки травничку и маринованныхъ грибовъ на чайномъ блюдѣ.

— Пошелъ, пошелъ, баловникъ, на свое мѣсто,—съ шутиливою строгостью ворчитъ, входя, Петръ Лукичъ, относясь къ Зарницыну.—Звонокъ прозвонилъ, а онъ тутъ угощается. Что ты его, Женни, не гоняешь въ классы?

Возьметъ Гловацкій педагога тихонько за руку и ведетъ къ двери, у которой тотъ проглатываетъ послѣдніе грибки и бѣжитъ внушать уравненія съ двумя неизвѣстными, а Женни подаетъ закуску отцу и снова садится подъ окно къ своему столику.

Докторъ пойдетъ въ городъ, и куда бы онъ ни шелъ, все ему смотрительскій домъ на дорогѣ выйдетъ. Забѣжить на минутку, все, говорить, некогда, все торопится, да и просидитъ битый часъ противъ работающей Женни, рассказывая ей, какъ многимъ худо живется на бѣломъ свѣтѣ и какъ имъ могло бы житься совсѣмъ иначе, гораздо лучше, гораздо свободнѣе.

И ни разу онъ не вскипятится, разсуждая съ Женей, ни разу не впадетъ въ свой обыкновенно рѣзкій, раздражительный тонъ, а уходя, скажетъ:

— Дайте, Евгенія Петровна, поцѣловать вашу ручку.

Женни спокойно подаетъ ему свою бѣлую ручку, а онъ спокойно ее поцѣлуетъ и пойдетъ повеселѣвшій и успокоенный.

Гловацкая никогда не скучала и не тяготилась тихимъ однообразіемъ своей жизни. Напротивъ, она полюбила ее всѣмъ сердцемъ, и все ей было мило и понятно въ этой жизни. Она понимала и отца, и Вязмитинова, и доктора, и условія, въ которыхъ такъ или иначе боролись представлявшіеся ей люди, и осмыслена была развернутая передъ ея окномъ широкая страница вѣчной книги. Уйдутъ, бывало, ежедневные посѣтители, рассказавъ такой или другой случай, выразивъ ту или другую мысль, а эта мысль или этотъ рассказъ копошатся въ молодой головкѣ, складываются въ ней все опредѣленнѣе, формулируются стройно выраженнымъ вопросомъ и предстаютъ на строгій, безпристрастный судъ, не сходя съ очереди, прежде чѣмъ дождутся обстоятельнаго рѣшенія.

По колоссальной живой страницѣ, глядя на которую Евгенія Петровна задумала свои первыя дѣвичьи думы, текла тихая мелководная рѣчка съ некрутыми черноземными берегами. Берегъ, на которомъ стоялъ городъ, былъ еще нѣсколько круче, а противоположный берегъ уже почти совсѣмъ отлогъ, и съ него непосредственно начиналась огромная, кажется, только въ одной просторной Россіи возможная, пойменная луговина. Разстилалась эта луговина по тотъ бокъ рѣчки на такое далекое пространство, что большая расколшчья деревня, раскинутая у предгорья, заканчивавшаго съ одной стороны луговую пойму, изъ города представлялась чѣмъ-то въ родѣ длиннаго обоза, или даже овечьего стада. Вообще, низенькіе деревенскіе домики ка-

зались не выше луговыхъ кочекъ, уѣвшихся на переднемъ планѣ необъятнаго луга. А когда бархатная поверхность этого луга мало-по-малу сѣрѣла, клочилась и росла, деревня вовсе исчезала и только длинные журавли ея колодезь медленно и важно, какъ бы по собственному произволу, то поднимали, то опускали свои шеи, точно и въ самомъ дѣлѣ были настоящіе журавли, живыя, вольныя птицы Божьи, которыхъ не гнетъ за носъ къ землѣ веревка, привязанная человѣкомъ. По горѣ росли горохъ и чечевица, дагѣ влѣво шель глубокой оврагъ съ красно-бурными обрывами и совершенно черными впадинами, дававшими нѣкогда пріютъ смѣлымъ удалцамъ Степана Разина, сына Тимошеевича. Затѣмъ шель старый сосновый лѣсъ, густою, черно-синюю щеткою покрывавшій гору и ухидившій по ней подь самое небо; а къ этому лѣсу, кокетливо поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, подбѣгала мелководная рѣчечка, заросшая по загибнамъ то звонкимъ красноватымъ тростникомъ, махавшимъ своими переломленными листочками, то зелено-синимъ початникомъ. Много этого початника росло по мелководной рѣчкѣ Саванкѣ. Вымечется этотъ початникъ и славно смотрѣтъ на него издали. На однихъ стебляхъ качаются развѣсистыя кисточки съ какими-то красными узелками, точно деревенскія молодки въ бахромчатыхъ повязкахъ. А на другихъ стебляхъ все высокіе, черные, бархатистые султаны; ни-дать-ни-взять, тѣ прежніе султаны, что высоко стояли и шатались на высокіхъ гренадерскихъ шапкахъ. Смирно стоятъ въ воздухѣ гордые, статные гренадеры въ высокоомъ, синемъ ситникѣ, и только болѣе шаткія, спрятавшіеся въ томъ же ситникѣ молодочки кокетливо потряхиваютъ своими бахромчатыми, красноватыми повязочками. А дунеть вѣтерокъ, гренадеры зашатаются съ какими-то рѣшительными намѣреніями, повязочки суетливо метнутся изъ стороны въ сторону, и все это вдругъ пригнется, юркнетъ въ густую чашу початника; наверху не останется ни повязочки, ни султана, и только синія лопасти холостыхъ стеблей шумятъ и передвигаются, будто давая кому-то мѣсто, будто сговариваясь о секретѣ, и стараясь что-то укрыть отъ звонкаго тростника, вѣчно шумящаго своими болтливыми листьями. Пронесется тучка, сбѣжитъ вѣтерокъ и изъ густой травы снова вырываютъ гренадерскіе султаны, и

за ними лѣниво встають и застѣнчиво отряхиваются бахромчатыя повязочки.

Видь этотъ измѣнялся нѣсколько разъ въ годъ. Онъ не похожъ былъ на наше описаніе раннею весною, когда вся пойма покрывалась мутными водами разлива; онъ иначе смотрѣлъ послѣ Петрова дня, когда по поймѣ лежали густые ряды буйнаго сѣна; иначе еще позже, когда по убранному лугу раздавались то тихое ржанье сосуночка, то неистово-страстный храпъ спутаннаго жеребца и дѣтскій крикъ малолѣтняго табунщика. Еще иначе все это смотрѣло позднею осенью, когда пойма чернѣла и покрывалась лужами, когда черные, бархатные султаны становились бѣлыми, сѣдыми, когда между ними уже не мелькали бахромчатыя повязочки и самый ситникъ валялся въ воду, совершенно обнажая подопрѣвающія цибастыя ноги гренадеръ. Дуль сѣдовласый Борей, и картина вступала въ свою послѣднюю смѣну: пойма блестя бѣлымъ снѣгомъ, деревня рѣзко обозначалась у подгорья, оврагъ постепенно исчезалъ подъ нивелирующею рукою пушистой зимы и просвирнины гуси, съ глухою важностью, дѣлали своей променадъ черезъ окаменѣвшую рѣку. Рѣдкій изъ сѣдыхъ гренадеровъ достоинъ до этого суроваго времени и, совершенно потерявшись, ежится бѣднымъ инвалидомъ до тѣхъ поръ, пока просвирнина старая гусыня подойдетъ къ нему, дернетъ для своего развлечения за вымерзлую ногу и броситъ на потѣху холодному вѣтру.

Въ смотрительскомъ флигелѣ все спали тихимъ, но крѣпкимъ сномъ, когда меревскій Нарцисъ заколотилъ кнутвищемъ въ наглухо-запертыя ворота.

Черезъ полчаса послѣ этого стука, кухарка, зѣвая и крестясь, вошла со свѣчою въ комнату Евгеніи Петровны.

Дѣвушку какъ громомъ поразило извѣстіе о неожиданномъ и странномъ приѣздѣ Лизы въ Мерево. Протянувъ инстинктивно руку къ лежавшему на стулѣ возлѣ ея кровати ночному шафору, она совершенно растерялась и не знала, что ей дѣлать.

— Прочитайте, матушка, письмо - то, — сказала ей Пелагея.

Женни бросила шафоръ и, сидя въ постели, развернула запечатанное письмо доктора.

«Спѣшите какъ можно скорѣе въ Мерево, — писать док-

торь. — Почью неожиданно прѣѣхала Лизавета Егоровна, больная, разстроенная и переязбшая. Мы ее ни о чемъ не разспрашивали, да это, кажется, и не нужно. Я останусь здѣсь до вашего прѣѣзда и даже долѣе, если это будетъ необходимо; но, во всякомъ случаѣ, она очень потрясена нравственно, и вы теперь для нея всѣхъ пужихъ.

Д. Розановъ».

Черезъ часъ Женни сѣла въ отцовскія сани. Около нея лежалъ узелокъ съ бѣльемъ, платьемъ и кое-какой домашней провизіей.

Встревоженный Петръ Лукичъ проводилъ дочь на крыльцо, перекрестилъ ее, велѣлъ Яковлевичу ѣхать поскорѣе и, возвратясь въ залу, началъ накручивать опустившіяся гири стѣнныхъ часовъ.

На дворѣ брезжилось и стоялъ жестокій крещенскій морозъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Утро мудренѣе вечера.

Въ одиннадцатъ часовъ довольно ненастнаго зимняго дня, наступившаго за бурною ночью, въ которую Лиза такъ неожиданно появилась въ Мерево, въ бахаревской сельской конторѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ночью спалъ докторъ Розановъ, теперь весело кипѣлъ не совсѣмъ чистый самоваръ. Около самовара стояли четыре чайныя чашки, чайникъ, съ обдѣланнымъ въ олово носикомъ, молочный кубанъ съ нѣсколькими замерзшимъ сверху настоємъ, бумажные сверточки чаю и сахару и связка баранокъ. Далѣе еще что-то было завязано въ салфеткѣ.

За самоваромъ сидѣла Женни Гловацкая, а напротивъ ея докторъ и Помада.

Женни хозяйничала.

Она была одѣта въ темно-коричневый ватопиникъ, ловко подпоясанный лакированнымъ поясомъ и застегнутый спереди большими бархатными пуговицами, нашитыми отъ самаго воротника до самаго подола; на плечахъ у нея былъ большой сѣрый платокъ изъ козьяго пуха, а на головѣ бѣленькій фламандскій чепчикъ, красиво обрамлявшій своими оборками ея прелестное, разгорѣвшееся на морозѣ личико и завязанный у подбородка двумя широкими бѣлыми лопастями. Густая черная коса въ нѣсколькихъ мѣстахъ выглядывала изъ-подъ этого чепца буйными кольцами.

Евгенія Петровна была восхитительно хороша въ своемъ дорожномъ неглиже, и прелесть впечатлѣннѣя, производимаго ея присутствіемъ, была тѣмъ обаятельнѣе, что Женни нимало этого не замѣчала.

Прелесть эту зато ясно ощущали докторъ и Помада, и влияніе ея на каждомъ изъ нихъ выражалось по-своему.

Евгенія Петровна пріѣхала уже около полутора часа назадъ и успѣла распросить доктора и Помаду обо всемъ, что они знали насчетъ неожиданнаго и страннаго прибытія Лизы.

Свѣдѣнія, сообщенныя ими, разумѣется, были очень ограниченны и нимало не удовлетворили безпокойнаго любопытства дѣвушки.

Теперь уже около получаса они сидѣли за чаемъ и всѣ молчали.

Женни находилась въ глубокомъ раздумьѣ; молча она наливала подаваемые ей стаканы и молча передавала ихъ доктору или Помадѣ.

Помада пилъ чай очень медленно, хлебая его ложечкою, а докторъ съ какимъ-то неестественнымъ аппетитомъ выпивалъ чашку за чашкою и давилъ въ ладоняхъ довольно черствыя уѣздныя баранки.

— Хорошо ли это, однако, что она такъ долго спитъ?— спросила, наконецъ, шопотомъ Женни.

— Ничего, пусть спитъ, — отвѣчалъ докторъ, и опять подаль Главацкой опорожненную имъ чашку.

Въ контору вошла птичница, а за нею черезъ порогъ двери клубомъ перекатилось сѣдое облако холоднаго воздуха и поползло по полу.

— Лѣкаря спрашиваютъ, — проговорила птичница, относясь ко всей компаніи.

— Кто?—спросилъ докторъ.

— Генеральша прислали.

— Что ей?

— Просить велѣла безпремѣнно.

— Что бы это такое? — проговорилъ докторъ, глядя на Помаду.

Тотъ пожалъ, въ знакъ совершеннаго недоумѣнія, плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Скажи, что буду, — рѣшилъ докторъ и махнулъ бабѣ рукою на дверь.

Птичница медленно повернулась и вышла, снова впустивъ другое, очередное облако стоявшаго за дверью холода.

— Больна она, что ли?—спросилъ докторъ.

— Не знаю,—отвѣчала Помада.

— Ты же вчера набиралъ тамъ вино и прочее.

— Я у ключницы выпросилъ.

За тонкою тесовою дверью скрипнула кровать.

Общество молча взглянуло на перегородку и внимательно прислушивалось.

Лиза кашлянула и еще разъ повернулась.

Гловацкая встала, положила на столъ ручникъ, которымъ вытирала чашки, и сдѣлала два шага къ двери, но докторъ остановилъ ее.

— Подождите, Евгения Петровна, — сказалъ онъ. — Можетъ-быть, это она во снѣ ворочается. Не мѣшайте ей: ей сонъ нуженъ. Можетъ-быть, за все это она однимъ сномъ и отдѣляется.

Но вслѣдъ за симъ Лиза снова повернулась и проговорила:

— Кто тамъ шепчется? Пошлите ко мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь женщину.

Гловацкая тихо вошла въ комнату.

— Здѣсь лампада гаснетъ и такъ воиаетъ, что мочи нѣтъ дышать, — проговорила Лиза, не обращая никакого вниманія на вопедшую.

Она лежала, обернувшись къ стѣнѣ.

Женни встала на стулъ, загасила догоравшую лампаду, а потомъ подошла къ Лизѣ и остановилась у ея изголовья.

Лиза повернулась, взглянула на своего друга, откинулась назадъ и, протянувъ обѣ руки, радостно воскликнула:

— Женька! какими это судьбами?

Подруги нѣсколько разъ кряду поцѣловались.

— Какъ ты это узнала, Женька? — спрашивала между поцѣлуями Лиза.

— Мнѣ дали знать.

— Кто?

— Докторъ записку прислалъ.

— А ты и пріѣхала?

— А я и пріѣхала.

— Гадкая ты моя ледышка, — съ намернувшимися на глазахъ слезами сказала Лиза и, схвативъ Женнину руку, жарко ее поцѣловала.

Потомъ обѣ дѣвушки снова подѣловались и обѣ повеселились.

— Ну, чаю теперь хочешь?

— Давай, Женни, чаю.

— А одѣваться?

— Я такъ напыюсь, въ постели.

— А мужчины?—прошептала Женни.

— Что жь, я въ порядкѣ. Зашилъ мнѣ кофту, и пусть придутъ.

— Господа,—крикнула она громко:—не угодно ли вамъ прийти ко мнѣ. Мнѣ что-то вставать не хочется.

— Очень, очень угодно,—отвѣчалъ входя докторъ и подѣловалъ поданную ему Лизою руку.

За нимъ вошелъ Помада и, по примѣру Розанова, тоже приложился къ Лизиней ручкѣ.

— Вотъ теплая простота и фамильярность!—смѣясь замятила Лиза:—патріархальное лобызаніе ручекъ!

— Да; у насъ по-деревенски,—отвѣтилъ докторъ.

Помада только покраснѣлъ, и голова потянула его въ уголь.

Женни вышла въ контору налить Лизѣ чашку чаю.

— Ну, а о здоровьѣ, кажется, слава Богу, нечего спрашивать?—шутливо произнесъ докторъ.

— Кажется, нечего: совсѣмъ здорова,—отвѣчала Лиза.

— Дайте-ка руку.

Лиза подала руку.

— Ну, передразнитесь теперь.

Лиза засмѣялась и показала доктору языкъ.

— Все въ порядкѣ,—произнесъ онъ, опуская ея руку:—только вотъ что это у васъ глаза?

— Это у меня давно.

— Болятъ они у васъ?

— Да. При огнѣ только.

— Отчего же это?

— Докторъ Майеръ говорилъ, что отъ чтенія по ночамъ.

— И что же дѣлалъ съ вами этотъ почтенный докторъ Майеръ?

— Не велѣлъ читать при огнѣ.

— А вы, разумѣется, не послушались?

— А я, разумѣется, не послушалась.

— Напрасно,—тихо сказалъ Розановъ и всталъ.

— Куда вы? — спросила его Женя, входившая въ это время съ чашкою чая для Лизы.

— Пойду къ Меревой. Мое мѣсто у больныхъ, а не у здоровыхъ, — произнесъ онъ съ комическою важностью на лицѣ и въ голосѣ.

— Когда бываетъ вамъ грустно, докторъ? — смѣясь спросила Гловацкая.

— Всегда, Евгенія Петровна, всегда и, можетъ-быть, теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Этого, однако, что-то не замѣтно.

— А зачѣмъ же, Евгенія Петровна, это должно быть замѣтно?

— Да такъ... прорвется...

— Да, прорваться-то прорвется, только лучше пусть не прорывается. Пойдемъ-ка, Помада!

— Куда жъ вы его-то уводите?

— А нельзя-съ; онъ долженъ идти читать свое чистописание будущей графинѣ Бутылкиной. Пойдемъ, братъ, пойдемъ, — настаивалъ онъ, взявъ за рукавъ поднявшагося Помаду: — пойдемъ, отдѣлаешься скорѣе, да и къ сторонѣ. Въ городъ вмѣстѣ махнемъ къ вечеру.

Дѣвушки остались вдвоемъ.

Долго онѣ обѣ молчали.

Спокойствіе и веселость снова слетѣли съ лица Лизы, бровки ея насунились и какъ будто ломались посерединѣ.

Женя сидѣла, подперши голову рукою, и, не сводя глазъ, смотрѣла на Лизу.

— Что жъ такое было? — спросила она ее наконецъ. — Ты Расскажи, тебѣ будетъ легче, чѣмъ такъ. Сама сунись, мы ничего не понимаемъ: чтó это за положеніе?

Лиза молчала.

— Исторія была? — спросила, спустя нѣсколько минутъ, Гловацкая.

— Да.

— Большая?

— Нѣтъ.

— Скверная?

— То-есть, какая скверная? Въ какомъ смыслѣ?

— Ну, неприятная?

— Да; разумѣется, неприятная.

— У васъ дома?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— У губернатора на балѣ.

— Ты была на балѣ.

— Была. Это третьяго дня было.

— Ну, и что жъ такое?

— И вышла исторія.

— Изъ-за чего же?

— Изъ-за вздора, изъ-за глупости, изъ-за тебя, изъ-за чего ты хочешь... Только я объ этомъ нимало не жалѣю, — довела Лиза, подумавъ.

— И изъ-за меня!

— Да, и изъ-за тебя частію.

— Ну, говори же, что именно это было и какъ было?

— Я вѣдь тебѣ писала, что я довольно счастлива, что мнѣ не мѣшаютъ сидѣть дома и не заставляютъ являться ни на вечера, ни на балы?

— Ну, писала.

— Недавно это почему-то вдругъ все измѣнилось. Какъ начались выборы, мать рѣшила, что мнѣ невозможно оставаться дома, что я непременно должна выѣзжать. По этому поводу шелъ цѣлый рядъ отвратительно нѣжныхъ трагикомедій. Чтобы все кончить, я уступила и стала ѣздить. Третьяго дня злая-презлая я поѣхала на балъ съ матерью и съ Софи. Одѣвая меня, мнѣ турчала въ голову няня, и тутъ, между прочимъ, я имѣла удовольствіе узнать, что мною «антересуется» этотъ молодой богачъ Игинъ. Дорогою мать загѣла. Пѣла, пѣла и допѣлась опять до Игина. Злость меня просто душила. Входимъ: въ дверяхъ встрѣчаютъ Канивцовъ и Игинъ. Канивцовъ за Софи, а тотъ берется за меня. Мнѣ стало скверно, я ему сказала какую-то дерзость. Онъ отошелъ. Зоветъ меня танцовать—я не пошла. Мать выговоръ. Я увидала, что въ одной залѣ дамы играютъ въ лото и усѣлась съ ними, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ приглашеній. Мать совсѣмъ надулась. «Иди, говорить, порѣзвись, потанцуй». Я поблагодарила и говорю, что я въ выигрышѣ, что мнѣ очень везетъ, что я хочу испытать мое счастье. Мать еще болѣе надулась. Передъ ужиномъ я отошла съ Зининымъ мужемъ къ окну; стоимъ за занавѣской и болтаемъ. Онъ рассказывалъ, какъ дворяне сговаривались забаллотировать предводителя, и вдругъ

всѣ единогласно его выбрали снова, посадили на кресла, подняли, понесли по залѣ и, остановясь передъ этой дурой, предводительшей, которая сидѣла на хорахъ, ни съ того, ни съ сего тамъ что-то заорали, ура, или рады стараться.

— Ты согласишься съ Зининымъ мужемъ?—спросила Женни.

— Да. Онъ совсѣмъ не дурной человѣкъ и поумнѣе многихъ. Ну,—продолжала она, послѣ этого отступленія:—болтаемъ мы стоя, а за колонной, совсѣмъ почти возлѣ насъ начинается разговоръ, и слышу то мое, то твое имя. Это ораторствовалъ тотъ бѣлобрысый губернаторскій адъютантъ: «я, говорить, ее еще дѣтомъ видѣлъ, какъ она только изъ института ѣхала. Съ нею тогда была еще пріятельница, дочь какого-то зрителя. Прелесть, батюшка, рассказываетъ, чтѣ такое. Бѣлая, стройная, коса, говорить, такая, глаза такіе, шея такая, а плечи...»

Женни вспыхнула и прошептала: «какой дуракъ!»

— Ну, словомъ, точно лошадь тебя описываетъ, и вдобавокъ, «та, говорить, совсѣмъ не то, что эта; та (т. е. ты-то) совсѣмъ глупенькая...» Фу, чортъ возьми! думаю себѣ, что же это за наглець. А Игинъ его и спрашиваетъ (онъ все это Игину рассказывалъ): «А какого вы мнѣнія о Бахаревой?» «Такъ, говорить, дѣвочка ничего, смазливенькая, *годится*». Слышишь, *годится*? Годится! Ну, знаешь, чтѣ это у нихъ значить, на ихъ скотскомъ языкѣ... Это подлость... «А объ умѣ ея, о характерѣ, чтѣ вы думаете?» опять спрашиваетъ Игинъ. «Ничего; она, говорить, не дура, только избалована, много о себѣ думаетъ, первой умницей себя, кажется, считаетъ».—И сейчасъ же разсуждаетъ: «Но вѣдь это, говорить, пройдетъ; это тамъ, въ институтѣ, да дома легко прослыть умницею-то, а въ свѣтѣ какъ разъ да два щелкнуть хорошенько по курносому носику-то, такъ и опустить хохоль». Можешь ты себѣ вообразить мое положеніе! Но стою, молчу, а онъ еще далѣе разъѣжаетъ: «я, говорить, если бы она мнѣ нравилась, однако, не побоялся бы на ней жениться. Я умѣю ихъ школить. Имъ только не надо давать потачки, такъ онѣ шелковыя стануть. Я бы ее скоро молчать заставилъ. Я бы ее то, да я бы ее то заставилъ дѣлать»—только и слышно... Ну, ничего.—За ужиномъ я сѣла между Зиной и ея мужемъ и ни съ кѣмъ постороннимъ не говорила. И простились, и вышло все это прекрасно, благополучно. Но ужъ въ передней, стали мы надѣвать шубы и сапоги,

вдругъ возлѣ насъ вырастають Игиня и адъютантъ. Народу ужасъ сколько; ничего не допросишься и не доищешься. Этотъ болванчикъ съ своими услугами. Приносить шубы и сапоги. Я взяла у него шубу и подаю ее своему человѣку: «подержи, говорю, Алексѣй, пожалуйста», и сама надѣваю. «Отчего жъ вы мнѣ не позволили имѣть эту честь?» вдругъ обращается ко мнѣ эта мразь.—«Какую, говорю, честь?»—«Подать вамъ шубу». Я совершенно холодно отвѣчала, что лакейскія обязанности, по моему мнѣнію, никому не могутъ доставить особенной чести.—Нѣтъ-таки нейдетъ!—«Зато, говоритъ, въ иныхъ случаяхъ онѣ могутъ доставить очень большое удовольствіе»,—и самъ ослабляется. Даже жалокъ онъ мнѣ тутъ сталъ, и я такъ-таки, совсѣмъ безъ всякой злости, ему буркнула, что «это дѣло вкуса и натуры». А онъ, вообрази ты себѣ, вѣрно тутъ свою теорію насчетъ укрощенія нравовъ вспомнилъ; вдругъ принявъ на себя этакой какой-то смѣшной, даже вовсе не свойственный ему, серьезный видъ и этакимъ, знаешь, внушающимъ тономъ и такъ, что всѣмъ слышно, говоритъ: «извините, mademoiselle, и вамъ скажу франшманъ, что вы слышкомъ рѣзки». Мнѣ припомнился въ эту секунду весь его пошлый разговоръ и хвастовство. Вся кровь моя бросилась въ лицо, и я ему такъ громко отвѣтила: «извините и меня, monsieur, я тоже скажу вамъ франшманъ, что вы дуракъ».

И слушательница, и рассказчица разомъ расхохотались.

— Ай, ай, ай!—протянула Гловацкая, качая головой.

— Да, айкай, сколько угодно.

— Да какъ же это ты, Лиза?

— А что же мнѣ было дѣлать?—раздражительно и съ гримасой спросила Бахарева.

— Могла бы ты иначе его остановить.

— Такъ лучше: одинъ пріемъ, и все кончено, и приста-
вать болѣе не будетъ.

Женни опять покачала головой и спросила:

— Ну, а дальше что же было?

— А дальше дома были обмороки, стenanія, крики «опозорила», «осрамилла», «обезчестила» и тому подобное. Даже отецъ закричалъ и даже...

Лиза вспыхнула и добавила дрожащимъ голосомъ:

— Даже—толкнулъ меня въ плечо. Потомъ я цѣлую ночь проплакала въ своей комнатѣ; утромъ рано одѣлась и

пошла пѣшкомъ въ монастырь посоветоваться съ теткой. Думала 'упросить тетку взять меня къ себѣ, — тамъ мнѣ все-таки съ нею было бы лучше. Но потомъ опять пришло мнѣ на мысль, что и тамъ сахаръ, хоть и въ другомъ родѣ, да и отецъ, пожалуй, упрется, не пустить, а тутъ покачаловскій мужикъ Сергѣй ѣдетъ. — Овесъ, что-ли, провозить. — Я сѣла въ сани, да вотъ и пріѣхала сюда. Только чуть не замерзла дорогой, — даже оттирали въ Покачаловѣ. Одѣта была скверно. Но ничего, — это все пройдетъ, а ужъ зато теперь меня отсюда не возьмутъ.

— Ты здѣсь рѣшила жить?

— Рѣшила.

— Одна?

— Да, до лѣта, пока наши въ городѣ, буду жить одна.

— Что-жъ это такое, мой милый докторъ, значить? — выславъ всѣхъ вонъ изъ комнаты, спрашивала у Розанова камергерша Мерева.

— А ничего, матушка, ваше превосходительство, не значить, — отвѣчалъ Розановъ: — семейное что-нибудь, разумѣется, во что и входить-то со стороны, я думаю, нельзя. Пословица говорится: «свои собаки грызутся, а чужія подъ столъ». О здоровьи своемъ не извольте беспокоиться: начнется изжога — магnezин кусочекъ скушайте и пройдетъ, а намъ туда прикажите теперь прислать бульонцу, да кусочекъ мяса.

— Какъ же, какъ же, я ужъ распорядилась.

— Вотъ русская-то натура и въ аристократкѣ, а все свое беретъ! Прежде напой и накорми, а тогда и спрашивай.

— Ну, ужъ ты льстець, ты наговоришь, — весело шутила задобренная камергерша.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Изъ большой тучи маленький громъ.

Вечеромъ, когда сумракъ сливается покрытыя снѣгомъ поля съ небомъ, по направленію отъ Мерева къ уѣздному городу, ѣхали двое небольшихъ пошевней. Въ переднихъ саяхъ сидѣли Лиза и Гловацкая, а въ заднихъ — докторъ въ огромной волчьей шубѣ и Помада въ вытертомъ коти-

ковомъ тулупчикѣ, который, по милости своего страннаго фасона, назывался «халатикомъ».

Дорога была очень тяжелая, снѣжная и сверху опять по-рошилъ снѣжокъ.

— Хорошія дѣвушки, — проговорилъ Помада, какъ бы отвѣчая на свою долгую думу.

— Да, хорошія, — отвѣчалъ молчаливый до сихъ поръ докторъ.

Можно было полагать, что и его думы бродили по тому же тракту, по которому путались мысли Помады.

— А которая изъ нихъ по-твоему лучше? — спросилъ шопотомъ Помада, обернувшись лицомъ къ воротнику докторской шубы.

— А по-твоему, какая? — спросилъ, смѣясь, докторъ.

— Я, братъ, не знаю; не могу рѣшить. Я ихъ, просто, боюсь.

Докторъ разсмѣялся.

— Ну, которой же ты больше боишься?

— Обѣихъ, братецъ ты мой, боюсь.

— Ну, а которой больше-то? Все же ты которой-нибудь больше боишься.

— Нѣтъ, равно боюсь. Эга, просто, бѣдовая; говори съ ней, да оглядывайся; а та еще хуже.

Докторъ опять разсмѣялся самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Ну, а въ которую ты сильнѣе влюбленъ? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Н-ну! Чортъ знаетъ, что болтаешь! — отвѣчалъ Помада, толкнувъ доктора локтемъ и, подумавъ, прибавилъ: — какъ ихъ полюбить-то?

— Отчего же?

— Да такъ. Передъ этой, какъ передъ грознымъ ангеломъ стоишь, а та такая чистая, что гдѣ ты ей человѣка найдешь. Какъ къ ней съ нашими-то грязными руками прикоснуться.

Докторъ задумался.

— Вы это что о насъ съ Лизой распускаете, Юстинъ Феликсовичъ? — спрашивала на другой день Гловацкая входящаго Помаду.

Это было вечеромъ, за чайнымъ столомъ.

Помада покраснѣлъ до ушей и уронилъ свою студентскую фуражку.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ разсмѣялись. А за столомъ сидѣли: Лиза, Гловацкій, Вязмитиновъ (сдѣлавшійся давно ежедневнымъ гостемъ Гловацкихъ), докторъ и сама Женни, глядѣвшая изъ-за самовара на сконфуженнаго Помаду.

— Оправься,—скомандовала докторъ:—ни о чемъ иномъ идетъ рѣчь, какъ о твоей боязни предъ Лизаветой Егоровной и Евгеніей Петровной. Проболтался, сердце мое,—прости.

— Да, да, Юстинъ Феликсовичъ, чего-жъ это вы насъ боятесь-то?

— Я не говорилъ.

— А, такъ вы, докторъ, и сочинять умѣете!

— Помада! и ты, честный гражданинъ Помада, не говорилъ?—Трусъ ты,—самообличенія въ тебѣ нѣтъ.

— Чѣмъ же мы такія страшныя?—приставала Женни, развеселившаяся сегодня болѣе обыкновеннаго.

— Чистотой!—рѣшительно отвѣтилъ Помада.

— Чѣ-ѣмъ?

— Чистотой.

Опять всѣ засмѣялись.

— Такъ насъ и любить нельзя?—спросила Женни.

— «Страшно васъ любить»,—проговорилъ Помада, оправляясь и воспоминая пѣсенку, нѣкогда слышанную имъ отъ цыганокъ въ Харьковѣ.

— И отлично, Помада. Бойтесь насъ, а то, въ самомъ дѣлѣ, долго ли до грѣха,—влюбитесь. Я вѣдь, говорятъ, недурна, а Женни красавица; вы же, по общему отзыву, Сердечкинъ.

— Кто это вамъ вретъ, Лизавета Егоровна?—ожесточенно и въ то же время сильно обиженно крикнулъ Помада.

— А-а! развѣ можно такъ говорить съ дѣвушками?

— Подлость какая!—воскликнулъ Помада опять такимъ оскорбленнымъ голосомъ, что докторъ счелъ нужнымъ скорѣе переменить разговоръ и спросилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, что же это, однако, съ вашими глазами, Лизавета Егоровна?

— Да болятъ?

— Такъ это не съ холоду только?

— Нѣтъ, давно болятъ.

— Ну, вы смотрите: это не шутка. Шутя этакъ, можно и ослѣпнуть.

— Я очень много читаю и не могу не читать. Это у меня какой-то запой. Что же мнѣ дѣлать?

— Я вамъ буду читать, — чистымъ и радостнымъ голосомъ вдругъ вызвался Помада.

И такъ счастливо, такъ преданно и такъ честно глядѣлъ Помада на Лизу, высказавъ свою просьбу заслонить ей больные глаза своими, что никто не улыбнулся. Всѣ только случайно взглянули на него, совсѣмъ съ хорошими чувствами, и лишь одна Лиза вовсе на него не взглянула, а небрежно проронила:—Хорошо, читайте.

— Дома всѣ?—крикнулъ изъ передней голосъ, заставившій вздрогнуть цѣлую компанію.

— Дома, и милости просимъ,—отвѣчала Гловацкій вставая и, взявъ со стола одну изъ двухъ свѣчекъ, пошелъ навстрѣчу гостю.

Лиза молча встала и пошла за Гловацкимъ.

Въ передней былъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ и Марша Абрамовна.

Когда Гловацкій освѣтилъ до сихъ поръ темную переднюю, Бахаревъ стоялъ, нагнувъ свою голову къ Абрамовнѣ, а она обивала своими бѣлыми, шерстяными вязанками съ синей надвязкой, густой слой снѣга, насѣвшего въ воротникъ господской медвѣжьей шубы.

— Снѣжно, видно, стало?—спросилъ Гловацкій.

— Занесло, братъ, совсѣмъ,—отвѣчалъ Бахаревъ самымъ веселымъ тономъ.

«Ого!» подумалъ Петръ Лукичъ.

«Ого!» подумали прочіе, и всѣ повеселѣли.

— Здравствуйте!—говорилъ Бахаревъ, цѣлуя по ряду всѣхъ.—Здравствуй, Лизокъ!—добавилъ онъ, обнявъ, наконецъ, стоящую Лизу, поцѣловалъ ее три раза и потомъ поцѣловалъ ее руку.

Возобновили чай. Разговоръ шелъ веселый и нисколько не касался Лизы. Только Абрамовна поздоровалась съ нею нѣсколько сухо, тогда какъ Женни она расцѣловала и огладила ее головку.

— Кушай, няничка,—сказала Женни, подавая Абрамовнѣ въ свою спальню стаканъ чаю со сливками и большимъ ломтемъ домашней булки.

— Спасибо тебѣ, моя красавица,—отвѣчала Абрамовна и поцѣловала въ лобъ Женни.

— Кушай, няня, еще,—сказала Лиза, подавая Абрамовнѣ другой стаканъ.

— Не безпокойся, умница,—отвѣчала Абрамовна, отворачиваясь искать чего-то неположеннаго.

А Егоръ Николаевичъ рассказывалъ о выборахъ, шутилъ и вообще былъ веселъ, но избѣгалъ разговора съ дочерью.

Только, выходя изъ-за ужина, когда уже не было ни Розанова, ни Вязмитинова, онъ самъ заперъ за ними дверь и ласково сказалъ:

— Я тебѣ, Лиза, привезъ Марину. Тебѣ съ нею будетъ лучше... Книги твои тоже привезъ... и есть тебѣ какая-то записочка отъ тетки Агнесы. Куда это я ее сунулъ?.. Не знаю, чтѣ она тебѣ тамъ пишетъ.

Старикъ вынулъ изъ бумажника письмо и подалъ его Лизѣ. «Я на тебя сердита, Лиза,—писала мать Агнѣя племянницѣ.—Такихъ штукъ выкидывать нельзя, легкое ли дѣло, чтѣ мы передумали? Развѣ это хорошо? Посмотри ты на своего отца, который хотѣлъ тебя избранить и связать, а потомъ, какъ ребенокъ, радъ летѣть къ тебѣ на старости лѣтъ. Я тебя нимало не защищала и теперь говорю съ тобою, какъ съ женщиною, одаренною умомъ и великодушiемъ. Я говорю съ тобою какъ съ *Бахарскою* (въ этомъ мѣстѣ Лиза сдѣлала гримаску, которую нельзя было истолковать въ пользу родовыхъ аргументацій матери Агнѣи). Посмотри ты на старика! Онъ вѣдь весь осунулся. Развѣ это можно такъ поступать, дитя мое? Онъ не только твой отецъ, но онъ еще старикъ, цѣлую жизнь честно исполнявшій то, чтѣ ему казалось его человѣческимъ долгомъ. Ты боишься людской черноты и пошлости, бойся же, другъ мой, гадчайшаго порока въ жизни,—бойся пренебрежительности и нетерпимости, и, вѣрь или не вѣрь въ Бога, а вѣрь, что даже въ этой жизни есть неотразимый законъ возмездiя, помни, что проклято то сердце, которое за любовь не умѣетъ заплатить даже состраданiемъ.

«Твоя тетка

инокiня *Агнѣя*».

«P. S. Никакого насилiя, никакихъ рѣзокостей противъ тебя употреблено не будетъ, только не бунтуйся ты сама, Бога ради».

Прочитавъ это письмо, Лиза тщательно сложила его, сунула въ карманъ, потомъ встала, подошла къ отцу, поцѣловала его самого и поцѣловала его руку.

— Что? что, мой котенокъ?—спросилъ совсѣмъ расцвѣтшій старикъ.

— Я очень виновата передъ вами, папа.

— Да, кажется,—отвѣчалъ старикъ, смаргивая нервную слезу и притворяясь, что ему попалъ въ глаза дымъ.

— Но я не могла поступить иначе,—замѣтила Лиза.

— Ну, Богъ съ тобой, если не могла.

Лиза опять обезоружилась.

— Но все-таки я виновата,—простите меня.

Бахаревъ нагнулъ дочь къ себѣ и поцѣловалъ ее.

— Тетя пишетъ, что вы не будете меня принуждать... Позвольте мнѣ жить зиму въ деревнѣ.

— Да живи, живи! Я тебѣ нарочно Марину привезъ, и книги твои тебѣ привезъ. Живи, Богъ съ тобой, если тебѣ нравится.

Лиза снова расцѣловала отца, и семья съ гостями разошлась по своимъ комнатамъ. Бахаревъ пошелъ съ Гловацкимъ въ его кабинетъ, а Лиза пошла къ Женни.

Скоро все улеглось и заснуло.

Легко было всѣмъ засыпать, глядя вслѣдъ безпокойлившей ихъ огромной тучѣ, изъ которой вышелъ такой маленькій громъ.

Только одинъ старикъ Бахаревъ часто вздыхалъ и ворочался, лежа на мягкомъ диванѣ въ кабинетѣ Гловацкаго.

Наконецъ, далеко за полночь, тоска его одолѣла: онъ всталъ, отыскалъ впотьмахъ свою трубку съ черешневымъ чубукомъ, раскурилъ ее и, тяжело вздохнувъ старою грудью, въ одномъ бѣльѣ присѣлъ въ ногахъ у Гловацкаго.

— Что ты не спишь? — спросилъ его пробудившійся Петръ Лукичъ.

— Не спится, Петруха,—растерянно отвѣчалъ старикъ.

— Перестань думать-то.

— Не могу, братъ. Жаль мнѣ ее, а никакъ ничего не пойму.

— Оставь времени дѣлать свое дѣло.

— Да что оставлять, когда ничего не пойму! Вижу, что не права она, а жаль. И что это такое? что это такое въ ней?

— Правъ, братъ, такой! стремленія..

— Да какія же стремленія?

— То-то: вѣкъ, идеи,—все это...

— Да что за идеи-то, ты мнѣ разъясни?

— Пытливость разума, ну, безпокойство... пройдетъ все.

Бахаревъ затянулся, освѣтилъ комнату разгорѣвшимся табакомъ, потомъ, спустивъ трубку съ колѣнъ, лѣниво, но съ особеннымъ тщаніемъ и ловкостью осадилъ большимъ пальцемъ правой ноги поднявшійся изъ нея пепель и, тяжело вздохнувъ, побрелъ неслышными шагами на диванъ.

— Я, Лизокъ, оставилъ Николаю Степановичу деньжонокъ. Если тебѣ книги какія понадобятся, онъ тебѣ выпишетъ, — говорилъ Бахаревъ, прощаясь на другой день съ дочерью.

— Очень благодарю васъ, папа.

— Да. Я заѣду въ Мерево, обряжу тебѣ залу и мой кабинетъ, а ты тутъ погости дня два-три, пока домъ отойдетъ.

— Хорошо-съ.

— Ну, будь здорова. А къ намъ побываешь? Побывай: я лошадей тебѣ оставляю. Будь же здорова; Христось съ тобою.

Бахаревъ перекрестилъ дочь и уѣхалъ, а Лиза осталась одна, самостоятельною госпожею своихъ поступковъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ пустомъ домѣ.

Вся наша знакомая уѣздная молодежь не много размышляла о положеніи Лизы, но всѣ были очень рады ея переселенію въ Мерево. Надѣялись безпрестанно видѣть ее у Гловацкихъ, рассчитывали вмѣстѣ читать, гулять, спорить и вообще разгонять, чѣмъ Богъ пошлетъ, утомительное *semper idem* уѣздной жизни.

А дѣло вышло совсѣмъ иначе.

Лиза какъ уѣхала въ Мерево, такъ тамъ и засѣла. Правда, въ два мѣсяца она навѣстила Гловацкую раза четыре, но и то, какъ говорится, пріѣзжала словно жару хватить. Пріѣдетъ утречкомъ, посидитъ, вытребуетъ къ себѣ Визмитинова, сообщитъ ему свои желанія насчетъ книгъ и домой собирается.

— Что это съ тобой дѣлается, Лиза? — спрашивала ее Гловацкая: — я, просто, не узнаю тебя. Сердишься ты на меня, что ли?

— За что же мнѣ на тебя сердиться, — я нимало къ тебѣ не измѣняюсь.

— Чего же ты отъ насъ скрываешься?

— Я не скрываюсь.

— То, бывало, жалуешься, что нельзя къ намъ ѣздить, а теперь едва въ двѣ недѣли разъ глаза покажешь, да и то на одну минуту. Что этому за причина?

— Какая же тутъ причина нужна? Мнѣ очень хорошо теперь у себя дома, я занимаюсь—вотъ и вся причина.

Женни и спрашивать ее перестала, а если, бывало, скажетъ ей, прощаясь: «пріѣзжай скорѣе, Лиза», то та отвѣтитъ «пріѣду», да и только.

— Что же Лизавета Егоровна?—спрашивали Гловацкую докторъ, Вязмитиновъ и Зарницынъ.

Женни краснѣла при этомъ вопросѣ. Ей было досадно, что Лиза такъ странно ставитъ дѣло.

— Ужъ не поссорились ли вы?—спрашивалъ ее нѣсколько разъ отецъ.

— Фу! папа! что вамъ за мысль пришла? — отвѣчала, вся вспыхнувъ, Женни.

— То-то, я думаю, что бы это сдѣлалось: были такіе друзья, а тутъ вдругъ и охладѣли.

Женни становилось обидно за свое чувство, безпричинно заподозрѣваемое по милости страннаго поведенія Лизы.

Это была первая неприятность, которую Женни испытала въ отцовскомъ домѣ.

Она попробовала съѣздить къ Лизѣ. Та встрѣтила ее очень привѣтливо и радушно, но Женни казалось, что и въ этой привѣтливости нѣтъ прежней теплоты и задушевности, которая ихъ связывала цѣлые годы ранней юности.

Женни старалась увѣрить себя, что это въ ней говорить предубѣжденіе, что Лиза точно та же, какъ и прежде, что это только въ силу предубѣжденія ей кажется, будто даже и Помада измѣнился.

Она не видала его почти два мѣсяца. Только разъ онъ прискакалъ въ городъ точно курьеръ съ запискою Лизы къ Вязмитинову, перемѣнилъ книги и опять улетѣлъ. Даже не присѣлъ и не раздѣлся.

— Некогда, некогда, — отвѣчалъ онъ на приглашеніе Женни хоть съѣсть что-нибудь и обогрѣться.

Даже къ доктору не зашелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, что-нибудь слѣшное», подумала тогда Женни и не обратила на это никакого вниманія.

Зато теперь, встрѣтивъ Помаду у одинокой Лизы, она нашла, что онъ какъ-то будто вышелъ изъ своей всегдашней колеи. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась при Лизѣ какая-то живость и нѣсколько смѣшная суетливость. Взошелъ смѣлой, но тревожной поступью, поздоровался съ Женней и сейчасъ же началъ докладъ, что онъ прочелъ Милля и сдѣлалъ отмѣтки.

— Вотъ мѣсто замѣчательное, — началъ онъ, положивъ передъ Лизою книжку, и, указывая костянымъ ножомъ на открытую страницу, заслонивъ ладонью ротъ, читалъ черезъ Лизино плечо: «Въ каждой цивилизованной странѣ число людей, занятыхъ убыточными производствами, или ничѣмъ незанятыхъ, составляетъ, конечно, пропорцію, болѣе чѣмъ въ двадцать процентовъ сравнительно съ числомъ хлѣбопашцевъ». Четыреста двадцать четвертая страница, — закончилъ онъ, закрывая книгу, которую Лиза тотчасъ же взяла у него и стала молча перелистывать.

Помада опять бросился къ кучкѣ принесенныхъ имъ книгъ и, открывъ «Русскій Вѣстникъ», говорилъ: «А тутъ вотъ...» Помада тревожно взглянулъ на необращавшую на него никакого вниманія Лизу и затихъ. Потомъ, дождавшись, какъ она отбросила перелистываемую ею книгу, опять началъ: «а тутъ вотъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» какой драгоцѣнный выводъ въ одной статьѣ.

«Статистика въ Англіи доказываетъ, что пьяницъ женщинъ въ пять разъ менѣе, чѣмъ мужчинъ. Вообще такъ приходится:

«Одинъ пьяница на семьдесятъ четыре мужчины.

«Одна на четыреста тридцать четыре женщины.

«Одинъ на сто сорокъ пять жителей обоого пола».

— Преинтересный выводъ! — воскликнулъ Помада и продолжалъ читать далѣе: — «Отношеніе, замѣчательно совпадающее съ отношеніемъ, существующимъ между преступниками обоихъ половъ, по которому мужескихъ преступниковъ ровно *въ пять разъ болѣе женскихъ*».

— Замѣчательный выводъ! — опять воскликнулъ Помада, окинувъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ и остановивъ его на Лизѣ.

— Отложите мнѣ, я это буду читать, — небрежно проговорила Лиза.

— Все-то уже, прости Господи, пересчитали; оттого-то, видно, уже скоро и считать нечего станеть, — произнесла кропотливо Абрамовна, убирая свою работу и отираясь накрывать на столъ.

За обѣдъ Помада сѣлъ, какъ семьянинъ. И за столомъ, и послѣ стола до самой ночи, онъ чего-то постоянно тревожился, бросался и суетливо оглядывался, чѣмъ бы и какъ услужить Лизѣ. То наливалъ ей воды, то подавалъ скамейку, или, какъ только она сходила съ одного мѣста и садилась на другое, онъ переносилъ за нею ея платокъ, книгу и костяной ножикъ.

Женни нѣсколько разъ хотѣлось улыбнуться, глядя на это пажеское служеніе Помады, но эта охота у нея пропадала тотчасъ, какъ только она взглядывала на серьезное лицо Лизы и болѣзненно тревожную внимательность кандидата къ каждому движенію ея сдвинутыхъ бровей.

Женни осталась ночевать. Вечеромъ всѣ спокойно усѣлись на отоманахъ въ бахаревскомъ кабинетѣ.

Тутъ же сидѣла и Абрамовна. Убравъ чай, она надѣла себѣ на носъ большія очки, достала изъ шкапа толстый мотокъ нитокъ и, надѣвъ его на свои старческія колѣни, начала разматывать.

Мотокъ безпрестанно соскакивалъ, какъ только старуха чуть-чуть неловко дергала нитку.

— О, прахъ тебя побери! — восклицала Абрамовна каждый разъ послѣ такого казуса.

— Тебѣ неловко, няня? — спросила Женни.

— Какая тутъ ловкость, моя красавица! — отвѣчала сердясь старуха: — ничего нѣтъ, ни моталки, ничего, ничего. Заѣхали въ вирь-болото, да и куликуемъ.

— Дай я тебѣ подержу.

— Ну, что вздоръ! И такъ размотаю. Не къ спѣху дѣло, не къ смерти грѣхъ.

— Полно, няня, церемониться, давай, — перебила Женни, чувствуя, что ей самой нечего дѣлать, и, сѣвши противъ старухи, взяла мотокъ на свои руки.

Въ одиннадцать часовъ Лиза сказала:

— Поѣсть бы нужно, няня.

Няня молча вышла и принесла два очищенные копченые рыба и масленку съ сливочнымъ масломъ.

— Огурца нѣтъ, няня?

— Нѣту, сударыня, не принесла.

— А нельзя принести?

— Будить-то теперь бабу, да въ погребъ-то посылать.

Помада вскочилъ и взялся за свою неизмѣнную фуражку.

— Куда вы?—спросила, надвинувъ брови, Лиза.

— Къ себѣ; я сейчасъ отъ себя принесу.

— Сдѣлайте одолженіе, успокойтесь; никто васъ не проситъ о такой любезности.

Помада сконфузился, но безпрекословно повиновался и положилъ фуражку.

Тотчасъ послѣ закуски онъ сталъ прощаться. Женни подала Помадѣ руку, а Лиза на его поклонъ только сухо проговорила:

— Прощайте.

Помада вышелъ. Въ эти минуты въ немъ было что-то страдальческое, и Женни очень не понравилось, какъ Лиза съ нимъ обращается.

— Чтò ты имъ недовольна за что-нибудь?—спросила она.

— Нисколько. Отчего это тебѣ показалось?

— Да чтò за пренебреженіе такое въ обращеніи?

— Никакого пренебреженія нѣтъ: обращаюсь просто, какъ со всѣми. Ты меня извинишь, Женни, я хочу дочитать книгу, чтобы завтра ее съ тобой отпривить къ Вязмитинову, а то нарочно посылать придется, — сказала Лиза, укладываясь спать и ставя возлѣ себя стулъ со свѣчкой и книгой.

— Пожалуйста, читай, — отвѣчала спокойно Женни, но въ душѣ ей это показалось очень обидно.

Дѣвушки легли на одной отоманкѣ, голова къ головѣ, а старуха напротивъ, на другомъ отоманѣ.

Она долго молилась передъ образомъ. Женни лежала молча и думала; Лиза читала. Абрамовна стояла на колѣняхъ. Въ комнатѣ было только слышно какъ шелестили листы.

— Что это, матушка! опять за свои книжечки по ночамъ берешься? Видно-таки хочется ослѣпнуть, — заворчала на Лизу старуха, окончивъ свою долгую вечернюю молитву. — Спать не хочешь, — продолжала она: — такъ хоть бы подругито постыдилась! Въ кои-то вѣки она къ тебѣ пріѣхала, а ты при ней чтеніемъ занимаешься.

— Перестань, няня; — я у Женни просила извиненія. Миѣ надо кончить книгу.

— Ну, какъ не надо! Очень надобность большая,—къ спѣху вѣдь. Не все еще переглодала. Еще поищи по угламъ; не завалилась ли еще гдѣ какая... Ни дать, ни взять фараонская мышь,—что ни попадетъ—все сгложетъ.

— Ахъ, какъ это, наконецъ, скучно! терпѣнья нѣтъ!—сказала Лиза, сдѣлавъ движеніе и швырнувъ на колѣни книгу; но тотчасъ же взяла ее снова и продолжала читать.

Далеко за полночь читала Лиза; няня крѣпко спала; Женни, подложивъ розовый локотокъ подъ голову, думала о Лизѣ, о матери, объ отцѣ, о дѣтскихъ годахъ, и опять о Лизѣ, и о теперешней переменѣ въ ея характерѣ.

«Неужто она не добрая,—думала Женни:—неужто я въ ней ошибалась?»

И Женни сейчасъ же гнала отъ себя прочь эту мысль.

«Нѣтъ,—рѣшала она:—это случайность; она все такая же и любить меня... А странно,—размышляла Женни далѣе:—развѣ можно забыть человѣка для книги? Нельзя. Я бы этого никакъ не могла. «Не для книги, не для бумажной книги, а для живой, всемогущей, творческой мысли, для неугасимой жажды свѣта и правды; для нихъ уне есть человѣку погибнуть», говорилъ ей другой голосъ. Да, но развѣ это необходимо? развѣ это даже нужно? Развѣ исканіе свѣта и правды становится труднѣе съ сердцемъ, согрѣтымъ животворною теплотою взаимности и сочувствія?..»

— Что, нашъ «прахъ» спитъ?—прошептала Лиза.

Веселое, что-то прежнее звучало Женни въ этомъ шопотѣ.

Гловацкая вскинула головку, а Лиза, облокотясь на подушку, держать у рта пальчикъ и другою рукою грозить ей, указывая на спящую старуху.

— Спать, думаешь?—еще тише спросила Лиза.

— Да, навѣрно.

— Давай, покуримъ.

— Я уже совѣмъ отвыкла, но давай, покурю.

Лиза встала въ одной рубашкѣ, подошла неслышными шагами къ висѣвшему на гвоздѣ платью, вынула оттуда пачку съ папиросами и зажгла себѣ одну, а другую подала Женни.

— Зачѣмъ ты не куришь при ней?—прошептала Женни.

— Помилуй! начнетъ прибирать «прахъ», да «распрахъ», и конца нѣтъ.

— А добрая старуха.

— Добрѣйшая, но чудиха ужасная. Я ее иногда злю.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Не хорошо.

— Вѣдь она не сердится, — праховъ мнѣ насулить, и только.

Лиза весело засмѣялась тѣмъ беззвучнымъ смѣхомъ, которымъ женщины умѣютъ смѣяться, обманывая ворчливую мать или ревниваго мужа.

Дѣвушки лежали, облокотясь на подушки другъ противъ друга, и докуривали папироски. Женни внимательно глядѣла въ умненькіе глаза Лизы, смотрѣвшіе теперь, какъ глаза ручной птицы, и въ ее веселенькое личико, безпрестанно складывавшееся въ невинную улыбку надъ обманутой старушкой.

Наконецъ, оба лица стали серьезнѣе, и дѣвушки долго молча смотрѣли другъ на друга.

— Чтѣ ты такъ смотришь, Женька? — спросила, вздохнувъ, Лиза.

— Я хотѣла тебя спросить, зачѣмъ ты стала меня чувствовать? — собиралась-было сказать Гловацкая, обрадованная добрымъ расположеніемъ Лизы, но прежде чѣмъ она успѣла выговорить вопросъ, возникшій въ ее головкѣ, Лиза погасила о подсвѣчникъ докуренную папироску и молча опустила глаза въ книгу.

Передъ Гловацкою уже опять не было прежней Лизы, передъ нею снова была Лиза, уязвившая ее чистое сердце впервые отверженнымъ безъ всякой вины чувствомъ.

Женни молча опустила на подушку.

«Говорять, — думала она, стараясь уснуть: — говорить, нельзя опредѣлить момента, когда и отчего чувство зарождается, — а можно ли опредѣлить, когда и отчего оно гаснетъ? Приходить... уходить. Дружба придетъ, а потомъ уйдетъ. Всякая привязанность также: придетъ... уйдетъ... не удержишь. Одна любовь!.. та ужъ...» — «придетъ и уйдетъ», отвѣчалъ утомленный мозгъ, рѣшая послѣдній вопросъ вовсе не такъ, какъ его хотѣло рѣшить дѣвичье сердце Женни.

Но сердце ее не слыхало этого рѣшенія и тихо билось въ груди, обѣщавшей кому-то много-много хорошаго, прочнаго счастья.

Конецъ первой книги.

Оглавление

VIII ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга первая: Въ провинци.

	стр.
I. Тополь да березка	5
II Кто ѣдетъ въ тарантасъ	7
III. Приютъ безмятежный	10
IV. Мать Агнія	13
V. Старое съ новымъ	15
VI. Молодой пересадокъ	25
VII. Въ ночной тишинѣ	37
VIII. Родныя липы	40
IX. Университетскій антикъ прошлаго десятилѣтя	49
X. Лѣтнее утро	61
XI. Колыбельный уголокъ	66
XII. Прогрессивные люди уѣзднаго города	70
XIII. Нежданный гость	76
XIV. Семейная картинка въ Мереви	82
XV. Перепилили	89
XVI. Перчатка поднята	93
XVII. Слово съ вѣсомъ	100
XVIII. Слово воплощается	107
XIX. Крещенскій вечеръ	114
XX. За полночь	121
XXI. Глава, нѣкоторымъ образомъ топографически-историческая	129
XXII. Утро мудренѣе вечера	145
XXIII. Изъ большой тучи маленькій громъ	153
XXIV. Въ пустынномъ домѣ	159

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

F

24.124/6-8

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.